Ролан, Р.
В стороне
от схватки
Пг., 1919

НИЛ — Библиотека
ВИ 465
Р 769

РОМЭНЪ РОЛЛАНЪ

ВИ465
Р769

ВЪ СТОРОНЪ ОТЪ СХВАТКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВ. ПЕТР-ГР СОВѢТА РАБОЧИХЪ и КРАСНОАРМ ДЕПУТАТОВЪ

А. А. 918.

Ромэнъ Роллanъ

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ СХВАТКИ

(Au dessus de la mêlée)

Переводъ А. ДАМАНСКОЙ

1886

Цѣна 2 р. 60 к.

Изданіе Петроградскаго Совѣта
Рабочихъ и Красн. Депутатовъ
Петроградъ. 1919

К. 87
П

ВИ465
Р769

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

537
28
76882 У

Первая Государственная Типографія, Гатчинская 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	5
I. Открытое письмо Гергардту Гауптману	9
II. Pro aris	13
III. Au dessus de la mêlée	24
IV. Изъ двухъ золъ наименьшее: пангерманизмъ или панславизмъ?	41
V. Inter arma caritas	57
VI. Народу, страдающему во имя справедливости	71
VII. Моимъ обвинителямъ	74
VIII. Идолы	82
IX. Во имя Европы	95
X. Воззваніе Голландіи къ интеллигенціи всѣхъ странъ	99
XI. Письмо Фредерику ванъ-Эйдену	106
XII. Ближній нашъ—врагъ нашъ	111
XIII. Письмо въ газету «Svenska Dagbladet»	119
XIV. Война и литература	121
XV. Избіеніе избранныхъ	134
XVI. Жоресъ	147

ПРЕДИСЛОВІЕ.

На большомъ народѣ, вовлеченномъ въ войну, лежитъ задача защищать не только границы своей страны, но оберегать и свой здравый смыслъ отъ увлеченій, несправедливостей и заблужденій, для которыхъ открывается широкій просторъ въ тяжкіе дни войны. И каждый долженъ дѣлать свое дѣло: армія отстаивать территорію своего отечества, люди мысли должны оберегать его духовное достояніе. Потворствуя народнымъ страстямъ, они могутъ, конечно, стать полезнымъ орудіемъ въ рукахъ своего народа, но этимъ самымъ предаютъ свободную мысль, которая, надо думать, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ сокровищницѣ этого народа. Со временемъ исторія подведетъ итогъ поступкамъ всѣхъ воюющихъ нынѣ народовъ: она взвѣситъ всѣ ошибки, ложь и вспышки дикой ненависти...

Приложимъ же усилія наши къ тому, чтобы чаша нашихъ прегрѣшеній не перетянула другія.

Въ дѣтствѣ насъ знакомятъ съ евангельскимъ ученіемъ и святостью христіанскаго идеала. Воспитаніе, которое ребенокъ получаетъ въ школѣ, направлено на пробужденіе въ немъ чувства общности съ великой человѣческой семьей. Образцы классической литературы раскрываютъ передъ нимъ, за расовыми отличіями, общіе корни и общій стволъ нашей культуры. Искусство будитъ въ немъ интересъ и любовь къ глубокимъ родникамъ народнаго генія. Наука внушаетъ ему вѣру въ единство разума. Обновляющее міръ великое соціальное движеніе говоритъ ему объ упорныхъ усиліяхъ рабочихъ классовъ, стремящихся объединиться въ своихъ чаяніяхъ и борьбѣ, разрушающихъ преграды между народами... Величайшіе геніи міра, какъ Толстой и Уотъ Уйтманъ, проповѣдуютъ всемірное братство въ радости и страданіи, или же, какъ наши латинскіе писатели, разсѣиваютъ своимъ критическимъ умомъ предразсудки ненависти и невѣжества, стоящіе преградами между отдѣльными людьми и народами...

На этихъ мысляхъ, какъ и другіе мои современники, выросъ и я. И, въ свою очередь, дѣлился ими, поскольку могъ, съ младшими товарищами или съ тѣми, которымъ не удалось почему-либо пріобщиться имъ въ такой степени, какъ мнѣ. Когда вспыхнула война, мнѣ, конечно, и въ голову не могло придти, что я долженъ отречься отъ нихъ; теперь только и надо было доказать жизнеспособность и искренность своихъ убѣжденій. На меня обрушился градъ обидъ. Я этого ждалъ и шелъ навстрѣчу обидамъ. Но я не думалъ, что на меня накинутся, не выслушавъ меня. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ во

Францію проникали только отдѣльныя фразы изъ моихъ статей, недобросовѣстно передернутыя и искаженныя моими врагами. Это была гнусность. И длилось это почти цѣлый годъ. Нѣкоторымъ соціалистическимъ и синдикалистскимъ газетамъ удавлось еще время отъ времени привести небольшіе отрывки изъ моихъ статей. И только въ іюнѣ 1915 года главная моя статья, вызвавшая самые ожесточенные нападки на меня, «Au dessus de la mêlée» (написанная мною еще въ сентябрѣ 1914 г.), напечатана была цѣликомъ (почти цѣликомъ) благодаря злостному усердію одного неумнаго памфлетиста [1]). Ему я и обязанъ тѣмъ, что мои французскіе читатели получили возможность ознакомиться съ одной изъ моихъ статей...

Французъ не судитъ противника, не выслушавъ его. Тотъ, кто такъ поступаетъ, себя самого судитъ и осуждаетъ: онъ доказываетъ этимъ, что боится свѣта правды... Я отдаю на всеобщій гласный судъ все, что писалъ. И въ оправданіе моихъ статей ничего говорить не стану. Пускай онѣ сами говорятъ за себя...

Добавлю только два слова. Я убѣдился за послѣдній годъ, что у меня очень много враговъ. Считаю долгомъ заявить имъ, что они могутъ ненавидѣть меня, сколько имъ угодно, но меня они своей ненавистью никогда не

---

[1]) Рѣчь идетъ о брошюрѣ памфлетиста Антона Массиса: „Ромэнъ Ролланъ противъ Франціи“, къ которой приложена была статья Р. Роллана—„Au dessus de la mêlée.

Примѣчаніе переводч.

заразятъ. Я съ этими моими врагами нисколько не считаюсь. Я полагаю моимъ долгомъ говорить во всеуслышаніе о томъ, что считаю справедливымъ и человѣчнымъ. А до того, огорчу ли я кого или угожу кому-нибудь моими заявленіями, мнѣ никакого дѣла нѣтъ. Я знаю, что сказанныя слова сами прокладываютъ себѣ дорогу. Я сѣю ихъ въ залитую кровью землю. И вѣрю—жатва взойдетъ.

Ромэнъ Ролланъ.

Сентябрь 1915 года.

I.

Открытое письмо Гергардту Гауптману.

Гергардтъ Гауптманъ, я не принадлежу къ тѣмъ французамъ, которые смотрятъ на Германію, какъ на страну варваровъ. Я знаю цѣну духовному и нравственному величію вашего могучаго народа. Я знаю, чѣмъ я обязанъ мыслителямъ старой Германіи. И даже въ эти минуты я вспоминаю нашего Гёте (потому что онъ принадлежитъ всему человѣчеству), осуждавшаго національную ненависть и сохранявшаго душевное равновѣсіе на тѣхъ вершинахъ духа, гдѣ «*счастье или несчастье чужихъ народовъ переживается, какъ свое собственное счастье или несчастье*»...

Я всю мою жизнь посвятилъ духовному сближенію нашихъ народовъ, и жестокости этой войны, натравившей ихъ другъ на друга, на гибель европейской культуры, безсильны загрязнить ненавистью мою душу.

Я возмущаюсь теперь вашей Германіей, считаю преступной германскую политику и пріемы, къ которымъ

она прибѣгаетъ, но не взваливаю отвѣтственность за нихъ на весь германскій народъ, который служитъ лишь слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ. И не потому вовсе, чтобы я, подобно вамъ, считалъ войну роковой неизбѣжностью. Французъ не вѣритъ въ судьбу. Предопредѣленіе—оправданіе безвольныхъ. Всйною народы обязаны только своей слабости и темнотѣ. И можно ихъ лишь жалѣть,—негодовать на нихъ нельзя. Я не ставлю вамъ на видъ нашихъ потерь. Ваши будутъ не меньше. Германія будетъ также опустошена этой войной, какъ и Франція. Я не успѣлъ еще высказать своего мнѣнія о разразившейся катастрофѣ, когда ваши войска уже нарушали нейтралитетъ Бельгіи. Меня это не удивило: глумленіе надъ честью, возмущающее каждую чистую совѣсть,—политическая традиція прусскихъ королей.

Но ваша ярость противъ этого великодушнаго народа, единственное преступленіе котораго въ рѣшимости защищать свою независимость и справедливость до послѣдней капли крови, какъ дѣлали это вы сами, германцы, въ 1813 году,—какъ ее понять? Удивительно ли, что вы возстановили противъ себя весь міръ? Приберегайте свою жестокость для насъ, настоящихъ вашихъ враговъ. Но разжигать въ себѣ ненависть противъ своихъ жертвъ, противъ маленькаго, несчастнаго и невиннаго народа—какой позоръ!

Вамъ мало расправы надъ живой Бельгіей нашихъ дней; вы воюете и съ умершими, съ духовнымъ достояніемъ міра. Вы бомбардируете Малинъ, вы сжигаете Рубенса, Лувэнъ, съ его сокровищами искусства и науки,—священный городъ Лувэнъ превращенъ въ груду пепла. Кто же вы такіе? И какимъ именемъ надо называть

васъ теперь, Гауптманъ? Вы возмущаетесь словомъ варвары? Но кто же вы, внуки Гёте или Атиллы? Вы воюете съ солдатами или съ человѣческимъ геніемъ? Убивайте людей, но чтите ихъ произведенія. Это достояніе всего человѣчества. И вы, какъ всѣ мы, внесли въ него свою лепту. Разоряя его, вы заявляете себя недостойными доставшагося вамъ великаго наслѣдства, недостойными числиться въ рядахъ немногочисленной арміи, стоящей на почетной стражѣ европейской культуры.

Я обращаюсь именно къ вамъ, Гауптманъ. Во имя нашей Европы, однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей которой вы были до этихъ поръ, во имя этой культуры, за которую величайшіе люди борются столько вѣковъ, во имя достоинства, наконецъ, вашей германской расы, заклинаю васъ, Гергардтъ Гауптманъ, и требую отъ васъ и отъ нѣмецкой интеллигенціи, среди которой у меня столько друзей, чтобы вы всѣми силами протестовали противъ этого преступленія. Отвѣтственность за него падаетъ на васъ.

Если вы этого не сдѣлаете, вы докажете одно изъ двухъ: или то, что вы одобряете его—и тогда, надѣюсь, міръ раздавитъ васъ своимъ презрѣніемъ; или же докажете свое безсиліе противъ гунновъ, властвующихъ надъ вами. Но тогда, какое вы право имѣете утверждать (какъ вы писали), что вы сражаетесь за свободу и прогрессъ? Вы только доказываете передъ лицомъ всего міра, что вы такъ же безсильны отстаивать свободу чужую какъ и свою собственную, и что ваша нѣмецкая интеллигенція въ рабствѣ у гнуснѣйшаго деспотизма, истребляющаго произведенія искусства и умерщвляющаго духъ человѣческій.

Я жду отъ васъ отвѣта, Гауптманъ, отвѣта, который былъ бы убѣдителенъ. Общественное мнѣніе Европы ждетъ его, какъ и я. Помните, въ такія минуты и молчаніе есть дѣяніе.

»Journal de Génève», 2-го сентября 1914.

II.

Pro aris.

Отчего мы изъ всѣхъ гнусныхъ преступленій, порожденныхъ этой позорной войной, предметомъ нашего публичнаго возмущенія выбрали преступленія, совершенныя не противъ людей, а противъ вещей?

Многіе этому удивлялись, иные насъ упрекали: неужели насъ не трогаютъ эти тысячи распятыхъ жертвъ? Да, но какъ надъ умирающими воинами рѣетъ мечта ихъ любви, любви къ родинѣ, которой они отдали свои жизни, такъ на плечахъ отмѣченныхъ свыше, приходящихъ въ міръ и уходящихъ изъ этого міра, возвышается ковчегъ завѣта, хранилище искусства и многовѣковой мысли. Одни носители смѣняютъ другихъ. Ковчегъ завѣта долженъ быть спасенъ. Отвѣтственность за него лежитъ на избранныхъ міра. И теперь, когда сокровищница міра въ опасности, они должны встать одной грудью на ея защиту.

Мнѣ отрадно было убѣдиться въ томъ, что въ латинскихъ странахъ этотъ священный долгъ неизмѣнно пребываетъ на первомъ планѣ. Самымъ острымъ горемъ для истекающей кровью Франціи было покушеніе на нашъ Парѳенонъ, на Реймсскій соборъ, на святыню Франціи. Письма, которыя я получилъ отъ лицъ, перенесшихъ тяжелыя утраты, отъ солдатъ, находящихся въ самыхъ тягостныхъ условіяхъ бивуачной жизни, убѣждаютъ меня въ томъ, какъ они мучительно переживали разрушеніе Реймсскаго собора. И это потому, что мы, французы, духъ ставимъ выше плоти. Этимъ мы отличаемся отъ германскихъ интеллигентовъ, которые на мое возмущеніе противъ святотатственныхъ поступковъ ихъ войскъ, опустошающихъ Европу, единодушно отвѣчали въ одинъ голосъ: «мы предпочитаемъ гибель всѣхъ произведеній искусства гибели одного германскаго солдата»...

Произведеніе рукъ человѣческихъ, подобное Реймсскому собору, цѣннѣе человѣческой жизни; это—цѣлый народъ, это его многовѣковая жизнь, звучащая симфоніей въ этомъ каменномъ органѣ. Это его воспоминанія, и его радость, и слава, его печали, его сокровенныя мысли, сомнѣнія и мечты; это дерево его расы, корни котораго лежатъ въ глубокихъ нѣдрахъ его земли и которое въ могучемъ порывѣ поднимаетъ свои вѣтви къ небесамъ.

Оно больше этого: красота его, торжествующая надъ всѣми войнами міра,—гармоническое рѣшеніе человѣчествомъ загадки міра, это сіяніе духа, которое необходимѣе людямъ сіянія солнца.

Разрушающій такое произведеніе совершаетъ преступленіе страшнѣе убійства человѣка. Онъ убиваетъ бла-

городный духъ расы. Преступленіе его неискупимо, и Данте въ наказаніе обрекъ бы его расу на муки вѣчныя... Но мы не послѣдуемъ примѣру жестокой мстительности итальянскаго генія. Мы не считаемъ цѣлый народъ отвѣтственнымъ за поступки отдѣльныхъ личностей. Для насъ достаточно и той драмы, которая разыгрывается на нашихъ глазахъ и неизбѣжная развязка которой—паденіе германской гегемоніи. Жуткій интересъ этой драмы обостряется тѣмъ, что ни одинъ изъ представителей духовной знати въ Германіи (этой сотни талантливыхъ людей и тысячъ чистыхъ сердцемъ людей, которые всегда имѣются у каждаго большого народа) и не подозрѣваетъ преступленій, совершаемыхъ его правительствомъ. Никто изъ нихъ не знаетъ о жестокостяхъ, совершенныхъ въ первыя двѣ, три недѣли войны въ Бельгіи, на сѣверѣ и на западѣ Франціи, ни (какое упорство невѣдѣнія!) о дикой расправѣ съ бельгійскими городами, ни о разрушеніи Реймсскаго собора. Если бы они имѣли возможность взглянуть дѣйствительности прямо въ лицо, я увѣренъ, многіе изъ нихъ плакали бы отъ боли и стыда. Изъ всѣхъ злодѣяній прусскаго имперіализма самое ужасное, самое гнусное, это—сокрытіе отъ народа этихъ преступленій, потому что, лишивъ его возможности протестовать противъ нихъ, онъ этимъ самымъ запятналъ его на вѣки солидарностью съ собою и безчестно воспользовался его благороднымъ довѣріемъ...

Конечно, виновата и интеллигенція. Можно еще допустить, что въ Германіи простые, честные люди, какъ и во всѣхъ странахъ, безропотно принимаютъ на вѣру всѣ свѣдѣнія, которыя преподносятъ имъ газеты и руководители общественнаго мнѣнія, но этого никакъ нельзя

простить людямъ, призваннымъ доискиваться истины во тьмѣ лжи и заблужденій. Эти должны были знать цѣну свидѣтельствамъ людей, которые лгали сознательно, изъ разсчета, или безсознательно ослѣпленные страстью. Первымъ долгомъ ихъ (постольку же долгомъ чести, сколько долгомъ здраваго смысла) было обстоятельное знакомство съ положеніемъ вещей, прежде чѣмъ они затѣяли этотъ роковой споръ, въ которомъ поставлена была на карту жизнь народовъ и ихъ духовныхъ сокровищъ.

Благодаря слѣпой своей честности, благодаря своей позорной довѣрчивости, они съ закрытыми глазами бросились въ сѣти, которыя разставлялъ имъ германскій имперіализмъ. Они вообразили, что прежде всего должны защитить честь своей страны отъ всѣхъ нападокъ. Они не поняли, что самымъ достойнымъ оправданіемъ была бы попытка смыть съ своей родины позоръ возводимыхъ на нее обвиненій...

Я ждалъ отъ самыхъ достойныхъ и значительныхъ въ Германіи людей мужественнаго признанія, которое подняло бы ея достоинство, а не унизило бы его. Письмо, написанное мною одному изъ нихъ, на другой день послѣ того, какъ грубый, наглый голосъ агентства Вольфа хвастливо возвѣстилъ о томъ, что отъ Лувэна осталась лишь куча пепла, вся германская интеллигенція встрѣтила съ единодушной враждебностью. Эти люди не понимали, что я указываю имъ возможность оправдаться въ злодѣяніяхъ, которыя отъ ихъ имени совершало германское правительство. Что я предлагалъ имъ? Что я предлагалъ вамъ всѣмъ, германскіе писатели и художники? По крайней мѣрѣ, выразить мужественное сожалѣніе о совершенныхъ жестокостяхъ и дерзнуть напомнить раз-

нузданной власти, что преступленіями отечество спасти нельзя и что права духа человѣческаго священнѣе правъ родины. Я просилъ, чтобы одинъ только, одинъ только человѣкъ рѣшился поднять голосъ... Но никто не рѣшился. Я услышалъ стадные крики, вой цѣлой стаи, лаявшей на добычу, на которую натравилъ ихъ охотникъ, я увидѣлъ этотъ наглый «Манифестъ», въ которомъ вы, не дѣлая даже ни малѣйшей попытки оправдать какъ-нибудь преступленія, единодушно отрицали ихъ. Богословы ваши, пасторы и придворные проповѣдники поспѣшили засвидѣтельствовать, что вы поступили правильно и благословляете Господа Бога, создавшаго васъ такими... Народъ фарисеевъ! Какая кара будетъ вамъ достойнымъ возмездіемъ за вашу богохульственную гордыню! Ахъ, вы и не подозрѣваете, какъ много зла вы сдѣлали вашимъ соотечественникамъ. Опасная для міра мегаломанія какого-нибудь Оствальда или Чемберлена, преступное упорство девятидесяти трехъ представителей вашей интеллигенціи, не желавшихъ знать правды, обойдутся Германіи дороже десяти пораженій. И какъ вы безтактны! Самый непріятный изъ всѣхъ вашихъ недостатковъ—это ваша безтактность. Каждое ваше заявленіе за время этой войны было во сто кратъ убійственнѣе для васъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ вашихъ противниковъ.

Вы же сами съ легкимъ сердцемъ убѣдили насъ въ справедливости самыхъ тяжелыхъ обвиненій, которыя на васъ возводились. Точно такъ же, какъ ваши офиціальныя агентства, въ глупой надеждѣ застращать насъ, поспѣшили распространить напыщенныя оповѣщенія о разрушительныхъ подвигахъ вашихъ войскъ, вы въ

76882

отвѣтъ на попытки самыхъ безпристрастныхъ вашихъ противниковъ приписать только вашимъ войскамъ и военачальникамъ отвѣтственность за эти дѣянія—вы яростно отстаивали свою долю безчеловѣчности. И это вы на другой день послѣ бомбардировки Реймсскаго собора, которая не могла не смутить лучшихъ изъ васъ, изъ глупой гордости хвастались ею, вмѣсто того, чтобы попытаться какъ-нибудь оправдать ее. Это вы, несчастные, вы, носители духа, не переставали славословить силу и топтать своимъ презрѣніемъ слабыхъ, какъ будто вы не знали, что колесо судьбы вращается и раньше или позже всей своей тяжестью повернется на васъ и къ минувшимъ вѣкамъ, когда люди, которыми вы гордитесь, по крайней мѣрѣ, имѣли отвагу не отрекаться передъ лицомъ силы отъ верховенства духа и священныхъ правъ права. Сколько упрековъ, сколько угрызеній совѣсти вы накапливаете для себя, слѣпые пастыри, ведущіе въ пропасть свой народъ, который идетъ за вами, какъ спотыкающіеся слѣпцы Брейгеля...

И какіе жалкіе доводы вы приводите въ теченіе двухъ мѣсяцевъ: война, это—война,—говорите вы какъ о чемъ-то стоящемъ внѣ нормальнаго соотношенія съ какими-либо формами жизни, выше морали, выше разума, внѣ плоскости нашего существованія, какъ о какомъ-то сверхъ-естественномъ состояніи, передъ которымъ остается только склониться безпрекословно.

Германія, это—Германія,—стало быть внѣ нормальнаго соотношенія съ другими народами. Законы, обязательные для другихъ, не обязательны для нея, и ей одной принадлежитъ право нарушать право; и потому она можетъ, не совершая преступленія, уничтожать письменныя обя-

зательства, измѣнять даннымъ клятвамъ, нарушать нейтралитетъ странъ, который она обязалась защищать. Но зато она разсчитываетъ встрѣтить въ народахъ, на которые она нападаетъ, «благородныхъ противниковъ», и рѣшимость этихъ противниковъ защищаться до послѣдней капли крови называетъ преступленіемъ...

Да, конечно, это уже плоды наставленій вашихъ прусскихъ учителей; я ничуть не сомнѣваюсь въ вашей искренности, художники и писатели Германіи. Но вы не можете уже видѣть истины: прусскій имперіализмъ нахлобучилъ вамъ на глаза и на совѣсть свою остроконечную каску.

«Необходимость не знаетъ закона...» Вотъ одинъ-надпатая заповѣдь, завѣтъ, который вы несете теперь міру, сыновья Канта! Мы не разъ слышали въ исторіи эти слова, этотъ знаменитый лозунгъ общественнаго спасенія, матери героическихъ подвиговъ и преступленій. Каждый народъ въ минуту опасности вспоминаетъ это правило. Но истинно-великіе люди умѣютъ оградить отъ нея свою безсмертную душу. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, во время знаменитаго процесса, когда одинъ невинный человѣкъ очутился передъ мощью цѣлаго государства, мы презрѣли и растоптали кумиръ общественнаго спасенія, угрожавшаго, какъ выразился тогда Шарль Пеги, «духовному спасенію Франціи».

Послушайте, что говорилъ человѣкъ, только что убитый вами, послушайте рыцаря французской совѣсти, вы, стоящіе на стражѣ совѣсти Германіи:

«Наши тогдашніе противники, пишетъ Шарль Пеги, говорили языкомъ государственнаго разума, въ интересахъ временнаго спасенія народа и націи. И мы, дви-

жимые глубокимъ христіанскимъ чувствомъ, въ порывѣ революціонномъ и вмѣстѣ традиціонно-христіанскомъ, мы пламенѣли только заботой о духовномъ спасеніи этого народа. Мы не могли мириться съ тѣмъ, чтобы Франція пребывала въ состояніи смертнаго грѣха».

Васъ, германскіе мыслители, эта забота повидимому не тяготитъ. Вы мужественно проливаете кровь за земное благополучіе Германіи, но до ея духа вамъ дѣла нѣтъ. Правда, мы переживаемъ грозное время. Отечество ваше, какъ и наше, борется за свое существованіе. И я понимаю и цѣню жертвенный экстазъ, побуждающій вашу молодежь, какъ и нашу, грудью своей защищать ее отъ гибели. Быть или не быть?—говорите вы.—Нѣтъ, это не то. Быть великой Германіей, быть великой Франціей, достойной своего прошлаго, умѣющей уважать себя и другъ друга даже въ борьбѣ, это—другое дѣло. Я краснѣлъ бы за побѣду, которую Франція купила бы такой цѣной, какой вы покупаете ваши успѣхи, не имѣющіе завтрашняго дня... Въ то время, какъ идутъ бои на бельгійскихъ равнинахъ и на мѣловыхъ холмахъ Шампани, ведется и другая война—въ необъятной области духа. И нерѣдко побѣда на землѣ знаменуетъ собою пораженье въ области духа. Завоеванная Бельгія, Малинъ, Лувэнъ и Реймсъ, фландрійскіе колокола будутъ вамъ напоминать о себѣ въ будущемъ погребальнымъ звономъ, который своей мрачной скорбью заглушитъ и іенскіе колокола. И бельгійцы уже предвосхитили вашу славу. Вы это знаете. И оттого такъ неистова ваша ярость, что вы это знаете. Къ чему всѣ эти тщетныя попытки обмануть самихъ себя? Истина раньше или позже всплыветъ на поверхность. Вы напрасно глушите ее. Раньше

или позже она заговоритъ. Она заговоритъ устами одного изъ васъ, въ комъ проснется совѣсть вашего народа... Ахъ, появился бы онъ наконецъ! Услышали бы мы его наконецъ, благороднаго генія—освободителя, который искупитъ ваши прегрѣшенія. Люди, пріобщившіеся вашей старой культуры, скитавшіеся по лабиринту ея героическаго и темнаго прошлаго, пережившіе ея вѣка страданій и униженій, помнятъ и ждутъ: мы знаемъ, что Германія всегда ослабѣвала подъ бременемъ побѣды и воскресала духомъ въ дни тяжелыхъ испытаній. Величайшіе ея геніи—дѣти скорби.

Сентябрь 1914.

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, я наблюдаю тревогу, пробуждающуюся въ сердцахъ честнѣйшихъ въ Германіи людей. Началось съ тайнаго сомнѣнія, заглушеннаго упрямымъ усиліемъ повѣрить въ лживые доводы, собранные ихъ правительствомъ: въ документы, сфабрикованные въ доказательство тому, что Бельгія сама отказалась отъ своего нейтралитета, въ ложныя доказательства (тщетно опровергавшіяся раза четыре французскимъ правительствомъ, главнокомандующимъ, архіепископомъ, младшимъ духовенствомъ и мэромъ города Реймса), обвинявшія французовъ въ томъ, что они пользовались Реймсскимъ соборомъ, какъ крѣпостью, что они обстрѣливали непріятеля съ собора. За отсутствіемъ убѣдительныхъ доказательствъ они прибѣгаютъ къ пріемамъ защиты, порою прямо поражающимъ своей наивностью.

«Какъ можно,—говорятъ они,—обвинить въ попыткѣ разрушать художественные памятники народъ, благоговѣйно относящійся къ искусству, народъ, которому съ дѣтства внушаютъ благоговѣйное отношеніе къ искусству, который располагаетъ самыми богатыми руководствами, трудами и коллекціями по исторіи искусства? Какъ можно обвинять въ жестокости самый человѣчный, самый любящій, самый мягкосердечный въ мірѣ народъ?»

Они, очевидно, не допускаютъ и мысли, что Германія состоитъ не изъ одной породы людей, и что на ряду съ покорной массой, созданной для того, чтобы повиноваться, чтить законы, всѣ безъ изъятія законы, есть люди, господствующіе, мнящіе себя выше законовъ, создающіе и упраздняющіе эти законы, такъ какъ, присвоивъ себѣ власть, они присвоили себѣ право диктовать и законы... Этотъ недостойный союзъ идеализма и силы ведетъ Германію къ неминуемой гибели. Идеализмъ, это—влюбленная женщина, которая, подобно безчисленнымъ преданнымъ нѣмецкимъ женамъ, благоговѣетъ передъ своимъ господиномъ и учителемъ и ни на единый мигъ не позволила бы усомниться въ его правотѣ...

По спасенія ради Германіи необходимо, чтобы она раньше или позже пришла къ мысли о разводѣ или нашла въ себѣ рѣшимость поднять свой голосъ въ домѣ. Я знаю нѣсколькихъ людей, начинающихъ уже отстаивать преимущества духа надъ силой. Въ послѣднее время многіе нѣмцы письменно выражали мнѣ свое негодованіе противъ этой войны и тѣхъ несправедливостей, которыми возмущались и мы (я не называю именъ, не желая компрометировать ихъ). Не такъ давно я говорилъ по поводу «ярмарки», запрудившей Парижъ, что это не

настоящая Франція. Говорю это теперь германской «ярмаркѣ»: «Это не настоящая Германія».

Есть другая Германія, справедливѣе и человѣчнѣе этой, Германія, которая не стремится завоевать весь міръ силою и хитростью, а жаждетъ только мирнаго пріобщенія къ духовнымъ благамъ другихъ народовъ и въ отвѣтъ излучать гармонію своего духа. Рѣчь идетъ не объ этой Германіи. И не съ нею мы воюемъ. Мы воюемъ съ людьми, которымъ почти удалось увѣрить міръ въ томъ, что иной настоящей Германіи и не было никогда...

Октябрь 1914 г.

III.

Въ сторонѣ отъ схватки.

(Au dessus de la mêlée).

О, геройская молодежь міра! Съ какой готовностью и расточительностью она отдаетъ алчной землѣ свою кровь. Какъ обильна подъ солнцемъ этого пышнаго лѣта жатва скошенныхъ смертью жертвъ. Юноши всѣхъ странъ, вставшіе другъ на друга во имя общаго идеала, братья—враги, славяне, ринувшіеся на помощь своимъ народамъ, англичане, сражающіеся за честь и право, неустрашимый бельгійскій народъ, оказавшій геройское сопротивленіе германскому колоссу, отстоявъ отъ него западные Фермопилы, германцы, защищающіе ученіе и городъ Канта отъ казачьей орды, и прежде всего вы, мои молодые товарищи французы, въ теченіе многихъ лѣтъ повѣрявшіе мнѣ свои мечты, вы, которые, собираясь на войну, послали мнѣ такія чудесныя прощальныя слова,—какъ вы мнѣ дороги, всѣ вы, идущіе на смерть[1]).

[1]) Когда я писалъ эти строки, умиралъ Шарль Пеги.

Вы отомстили намъ за годы скептицизма и жалкихъ утѣхъ, среди которыхъ мы росли, защищая отъ разлагающихъ міазмовъ нашу вѣру, вашу вѣру, побѣждающую вмѣстѣ съ вами на поляхъ сраженія. Война реванша,— говорили всѣ... Да, реванша, но не въ смыслѣ узкаго шовинизма. Это реваншъ вѣры за себялюбивыя чувства и мысли, это безоглядное самопожертвованіе во имя вѣчныхъ цѣнностей духа...

«Какъ незначительны наши жизни, наши произведенія передъ необъятнымъ величіемъ цѣли»,—пишетъ мнѣ одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ молодыхъ романистовъ.

Это возобновленіе революціонной войны противъ феодализма. Республиканскія войска закрѣпятъ въ Европѣ побѣды демократіи и довершатъ дѣло Конвента. Это уже не война, искупаемая личными жертвами, это—пробужденіе свободы. Это уже не война, пугающая тяжкими личными жертвами, это—«Воскресеніе свободы».

«Ахъ, другъ мой, какой это удивительный народъ,— пишетъ мнѣ еще одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, человѣкъ недюжиннаго ума, чистѣйшей души (который, если только онъ останется въ живыхъ, навѣрно займетъ исключительное мѣсто въ области художественной критики),—если бы вы наблюдали войска въ такихъ условіяхъ, въ какихъ я вижу ихъ, вы въ восторженномъ благоговѣніи склонили бы голову передъ этимъ народомъ. Это— вдохновенная Марсельеза, героическій порывъ, торжественный, почти религіозный».

«Я видѣлъ, какъ уходили на фронтъ три полка моего корпуса. Первыми шли находящіеся на дѣйствительной службѣ 20-лѣтніе юноши, шли твердымъ быстрымъ

шагомъ, безъ криковъ, безъ жестовъ, со скромной рѣшимостью эфебовъ, идущихъ на жертву. Потомъ запасные, въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ. Эти казались мужественнѣе и рѣшительнѣе, они шли на подмогу первымъ, и ясно было, какъ день, что они будутъ сражаться съ безпредѣльной отвагой. За ними мы, старики, 40-лѣтніе отцы семействъ, басы въ хору молодыхъ голосовъ. И мы тоже, смѣю васъ увѣрить, идемъ рѣшительными и твердыми шагами. У меня нѣтъ никакого желанія умирать, но я умру безъ сожалѣнія. Я прожилъ двѣ недѣли, которыя стоятъ цѣлой жизни, двѣ недѣли, какихъ судьба не даруетъ дважды человѣку. О насъ будутъ говорить въ исторіи. Мы начнемъ новую эру міра. Мы разсѣемъ кошмаръ матеріализма бронированной Германіи и вооруженнаго мира. Все это, какъ призракъ, растаетъ передъ нами. Мнѣ кажется, что міръ дышитъ уже облегченной грудью. Успокойте вашего вѣнскаго пріятеля: Франція еще очень далека отъ гибели [1]). Мы свидѣтели ея воскресенія. И Франція всегда остается собою: Бувинъ [2]), крестовые походы, соборы, революціи и неизмѣнные рыцари и слуги Божіи...Я достаточно жилъ и все это перевидалъ. Мы двадцать лѣтъ уже твердимъ о воскресеніи Франціи, и никто намъ не вѣрилъ. Мы можемъ быть довольны теперь».

---

[1]) Намекъ на одного вѣнскаго писателя, говорившаго мнѣ за нѣсколько недѣль до объявленія войны, что пораженіе Франціи будетъ также пораженіемъ всѣхъ свободныхъ мыслителей Германіи. *Ром. Рол.*

[2]) Бувинъ—деревня въ департаментѣ Лилль, гдѣ Филиппъ-Августъ въ 1214 году одержалъ рѣшительную побѣду надъ императоромъ Оттономъ IV и его союзниками.

Примѣчаніе переводчика.

Друзья мои, да не смутитъ ничто вашей радости. Каковъ бы ни былъ вашъ удѣлъ, вы вознеслись на вершины жизни и подняли съ собой свою родину. Я вѣрю—вы побѣдите. Ваше самоотреченіе, неустрашимость и глубокая вѣра въ священную вашу правоту и непоколебимая увѣренность въ томъ, что, защищая захваченную непріятелемъ страну, вы отстаиваете свободу всего міра, служатъ мнѣ ручательствомъ въ вашей побѣдѣ... Юные герои Марны и Мааса, имена ваши начертаны будутъ на скрижаляхъ исторіи, на ряду съ именами вашихъ старшихъ братьевъ въ борьбѣ за великую республику. Но если судьба готовитъ пораженіе вамъ и, вмѣстѣ съ вами, Франціи, то такая смерть была бы прекраснѣйшей смертью, о какой только можетъ мечтать народъ. Она была бы достойнымъ вѣнцомъ жизни великаго народа крестовыхъ походовъ. Она была бы величайшей побѣдой... Побѣдители или побѣжденные, живые или мертвые, да будутъ благословенны ваши имена. Одинъ изъ васъ, нѣжно прощаясь со мной на «роковомъ порогѣ», говорилъ мнѣ: «Какое счастье—сражаться съ чистыми руками, съ невиннымъ сердцемъ и жизнью своею творить божественную справедливость».

Вы исполняете свой долгъ, но исполнили ли его другіе? Мы должны найти въ себѣ мужество сказать правду старшимъ братьямъ этихъ юношей, ихъ духовнымъ вождямъ, руководителямъ общественнаго мнѣнія, ихъ духовникамъ и мірскимъ наставникамъ, церквамъ, мыслителямъ и трибунамъ-соціалистамъ.

Въ вашихъ рукахъ были такія огромныя живыя богатства, такія сокровища героизма. На что вы ихъ тратите? Какую цѣль вы указываете этой благородной,

жаждущей жертвы молодежи? Взаимное избіеніе молодыхъ и смѣлыхъ героевъ! Европейскую войну, преступную свалку, дающую намъ зрѣлище охваченной безумiемъ Европы, добровольно идущей на костеръ и собственноручно, какъ Геркулесъ, разрывающей себя на части! Три великихъ народа Запада, стоящихъ на стражѣ культуры, съ ожесточеніемъ истребляютъ другъ друга, стягиваютъ на помощь себѣ отряды казаковъ, турокъ, японцевъ, сингалезцевъ, жителей Судана, сенегальцевъ, марокканцевъ, египтянъ, сипаевъ, сиксовъ, дикарей изъ полярныхъ странъ и съ экватора, людей со всѣхъ концовъ міра... Ни дать ни взять—Римская имперія въ эпоху тетрахіи, сзывающая орды всего міра для взаимоистребленія... Неужели же культура наша такъ уже прочна, что ничто не можетъ пошатнуть ея устоевъ?... Неужели вы не понимаете, что стоитъ только рухнуть одной подпоркѣ, и все зданіе обрушится на васъ своей тяжестью?.. Неужели вы не могли спѣться межъ собою—если не настолько, чтобы любить другъ друга, то, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы каждый признавалъ достоинства и помирился съ недостатками другого... И неужели вы не могли приложить всѣхъ своихъ усилій къ мирному рѣшенію вопросовъ, вызвавшихъ вражду между вами (вы даже искренней попытки не сдѣлали),—такихъ вопросовъ, какъ насильственное присоединеніе народовъ и распредѣленіе плодотворнаго труда и богатствъ міра? И неужели сильнѣйшій вѣчно будетъ лелѣять мечту о томъ, чтобы раздавить слабыхъ, а слабые напрягать свои усилія для того, чтобы раздавить сильнаго? Неужели никогда, до полнаго истребленія рода человѣческаго, не кончится эта нелѣпая кровавая

игра, въ которой партнеры каждое столѣтіе мѣняются мѣстами?

Я знаю, что главы государствъ не рѣшаются принимать на себя отвѣтственность за эту войну, преступными зачинщиками которой они являлись, я знаю, что каждый изъ нихъ коварно старается свалить вину на другого. И народы, покорно идущіе за своими вождями, мирятся съ мыслью о томъ, что судьбой ихъ управляетъ власть, передъ которой должна склониться воля человѣческая.

Люди повторяютъ старую погудку о рокѣ, о неизбѣжности войны — старую погудку барановъ, творящихъ кумира изъ своей слабости и поклоняющихся ему. Люди выдумали рокъ, дабы было на кого сваливать всѣ неустройства міра, которыя они сами обязаны исправить. Судьба—миѣ. Судьба, это—наша воля! И еще чаще — то, чего мы не хотимъ, но не хотимъ безъ огня, безъ страсти... И этотъ часъ неумолимо долженъ быть для насъ часомъ покаянія. Благороднѣйшіе представители интеллигенціи, церковь, рабочія партіи не хотѣли войны... Допустимъ!.. Но что они сдѣлали, чтобы предупредить ее? Что они дѣлаютъ, чтобы смягчить ея ужасы? Они раздуваютъ пожаръ. Каждый, кому только не лѣнь, подбрасываетъ свое полѣно.

Но что больше всего поражаетъ въ этой чудовищной эпопеѣ, это безпримѣрный въ исторіи единодушный воинственный подъемъ всѣхъ воюющихъ народовъ. Заражающая кровавая ярость, хлынувшая лѣтъ десять тому назадъ изъ Токіо, широкимъ потокомъ разливается по всему міру. И никто не устоялъ противъ этой эпидеміи. Ни одна свободная мысль не ускользнула отъ

ея бича. Надъ этой свалкой народовъ, изъ которой (какой бы ни былъ ея исходъ) Европа неминуемо выйдетъ искалѣченной, какъ будто рѣетъ демоническая иронія. Враждуютъ не только народы, въ слѣпой ярости (жуткимъ отсвѣтомъ перекидывающейся уже и въ нейтральныя страны) натравливающіе другъ на друга милліоны людей: вооружились и разумъ, вѣра, поэзія, наука, всѣ духовныя силы и въ каждомъ государствѣ становятся въ ряды своихъ армій. Среди духовной знати каждой страны нѣтъ ни одного человѣка, который не доказывалъ бы и не былъ бы убѣжденъ, что святая, божественная справедливость на сторонѣ его народа и что его народъ отстаиваетъ принципы свободы и человѣческаго прогресса. И я тоже утверждаю это...

Удивительные споры происходятъ между метафизиками, поэтами, историками. Эйкенъ выступаетъ противъ Бергсона, Гауптманъ противъ Метерлинка, Ролланъ противъ Гауптмана, Уэльсъ противъ Бернарда Шоу. Киплингъ и Аннунціо, Демель и де-Ренье сочиняютъ военные гимны. Барресъ и Метерлинкъ славословятъ ненависть. Между фугой Баха и шарманкой, гудящей „Deutschland über alles“, мы слышимъ дряхлый голосъ восьмидесятилѣтняго философа Вундта, призывающаго лейпцигскихъ студентовъ къ «священной войнѣ». И всѣ ругаютъ другъ друга «варварами». Академія гуманитарныхъ наукъ въ Парижѣ заявляетъ голосомъ своего президента Бергсона, что «походъ противъ Германіи, это — походъ культуры противъ варварства». Германская историческая наука устами Карла Лампрехта отвѣчаетъ, что «это война между германизмомъ и варварствомъ» и что «идущіе теперь бои—логическое послѣдствіе сраженій, происхо-

дившихъ въ теченіе долгихъ вѣковъ между гуннами и турками». Наука вслѣдъ за исторіей заявляетъ, вмѣстѣ съ Е. Перрье, членомъ академіи наукъ, что пруссаки не принадлежатъ къ арійской расѣ, что они происходятъ по прямой линіи отъ людей каменнаго вѣка, такъ называемыхъ аллофиловъ, и что «типичный черепъ современнаго германца, нижняя часть котораго (свидѣтельство о жестокихъ инстинктахъ) наиболѣе напоминаетъ черепъ пещернаго человѣка въ la Chapelle aux Saints,—это черепъ князя Бисмарка».

Но съ наибольшей яркостью обнаружила эта заразительная война несостоятельность двухъ нравственныхъ силъ—христіанства и соціализма. Враждебные другъ другу апостолы религіознаго и мірского интернаціонализма оказались вдругъ пламенными націоналистами [1]). Эрве жаждетъ лечь костьми за Аустерлицкое знамя. Строгіе ревнители гуманнѣйшей доктрины — германскіе соціалисты—голосуютъ въ рейхстагѣ за военный кредитъ, отдаютъ себя въ распоряженіе прусскаго министерства, которое пользуется ихъ газетами, чтобы распространить вплоть до казармъ самыя лживыя извѣстія, и посылаетъ ихъ въ качествѣ тайныхъ агентовъ съ порученіемъ сѣять смуту въ Италіи. Распространился было слухъ, что двое, трое изъ нихъ рѣшили остаться вѣрными своимъ убѣжденіямъ и отказались поднять оружіе на своихъ братьевъ. Но это оказалось только слухомъ: они возмущаются, негодуютъ, но шагаютъ дружно плечомъ къ плечу. Нѣтъ,

[1]) Напомнимъ, что статья Р. Роллана написана еще въ 1914 году.

Примѣчаніе переводчика.

Либкнехтъ не умеръ за соціализмъ [1]). А депутатъ Франкъ, самый пламенный глашатай франко-германскаго союза, палъ подъ французскими пулями во время торжества милитаризма. Эти люди, не имѣющіе отваги умирать за собственныя убѣжденія, находятъ въ себѣ отвагу умирать за чужія.

Что касается представителей Князя Міра, священниковъ, пасторовъ, епископовъ, то они идутъ тысячами, съ ружьемъ въ рукѣ, проповѣдывать сражающимся слово Божіе «Не убій» и «Любите другъ друга». Каждая побѣдная реляція германской, русской или австрійской арміи возноситъ благодарность Господу Богу—Unser Alter Gott, какъ говоритъ Вильгельмъ II или Артуръ Мейеръ. У каждаго народа, конечно, свой Богъ. И у каждаго изъ этихъ боговъ, молодого или стараго, свои левиты, для того, чтобы защищать его и побивать другихъ боговъ.

Двадцать тысячъ французскихъ священниковъ находятся въ дѣйствующей арміи. Іезуиты предлагаютъ свои услуги германской арміи. Кардиналы издаютъ воинственныя буллы. Сербскіе епископы въ Венгріи поощряютъ своихъ прихожанъ къ избіенію ихъ братьевъ, живущихъ въ предѣлахъ сербскаго королевства. И газеты воспроизводятъ, безъ всякихъ проявленій изумленія, странную сцену на вокзалѣ въ Пизѣ, когда итальянскіе соціалисты привѣтствовали семинаристовъ, присоединявшихся къ своимъ полкамъ, и всѣ вмѣстѣ пѣли «Марсельезу».

---

[1]) Либкнехтъ послѣ того съ достоинствомъ отмежевался отъ компромиссовъ своей партіи. Выражаю ему за это свое глубокое уваженіе.

Ром. Ролланъ.

Такъ могучъ увлекающій насъ всѣхъ циклонъ. Такъ слабы люди, которыхъ онъ встрѣчаетъ на своемъ пути. Опомнимся же, наконецъ! Какого характера ни была бы эта эпидемія, какъ сильно ни дѣйствовалъ бы ея ядъ, пускай это нравственный психозъ, пускай воздѣйствіе какихъ-то космическихъ силъ, — неужели нѣтъ никакой возможности бороться съ этимъ? Вѣдь мы боремся же съ чумой! Пытаемся же мы предупреждать бѣдствія, причиняемыя землетрясеніемъ. Или мы признаемъ неизбѣжность этихъ бѣдствій, какъ почтенный Луиджи Луццати въ своей нашумѣвшей статьѣ «Возможно ли торжество идеи отечества въ міровомъ бѣдствіи?». Неужели мы будемъ повторять вмѣстѣ съ нимъ, что «злой геній международныхъ войнъ, истребляющихъ милліоны человѣческихъ жизней, долженъ разорвать мѣшающія ему путы для того, чтобы люди прониклись великой и простой истиной—любовью къ своей родинѣ»... Стало быть, любовь къ родинѣ можетъ питаться только ненавистью къ другимъ странамъ и избіеніемъ тѣхъ, что становятся на защиту своей родины. Въ этомъ положеніи какая-то отталкивающая жестокость и какой-то нероновскій диллетантизмъ, который меня глубоко, глубоко возмущаетъ. Нѣтъ, моя любовь къ родинѣ не требуетъ отъ меня ненависти и жажды истребленія хорошихъ, чистыхъ людей, которые любятъ свою родину. Она подсказываетъ мнѣ только уваженіе къ нимъ и потребность объединиться съ ними во имя общаго нашего блага.

Вы, христіане, въ оправданіе своей измѣны завѣтамъ Учителя, утверждаете, что война зажигаетъ людей жертвенными порывами. Правда, войнѣ дано выявлять въ самыхъ сѣрыхъ людяхъ геній расы. Она сжигаетъ въ

своей огненной купели скверну и пошлость. Она закаляетъ духъ. Изъ скареднаго крестьянина, изъ робкаго мѣщанина она можетъ сдѣлать героя Вальми. Но неужели же достойнѣйшее примѣненіе самопожертвованія народа, это—истребленіе другихъ народовъ? И неужели, христіане, жертвуя собою, надо жертвовать и другими? Я знаю, бѣдные, что многіе изъ васъ охотнѣе проливаютъ свою кровь, чѣмъ чужую... Но какъ вы слабы духомъ! Сознайтесь, что вы несравненно больше боитесь общественнаго мнѣнія, подчиненнаго кровавому идолу, чѣмъ пуль и шрапнелей. Этотъ кровый идолъ поднялся въ вашихъ глазахъ выше скиніи Завѣта,—это гордость народа, ревниво охраняющаго свое достоинство. Да, современные христіане, вы не въ силахъ были бы отказать въ жертвѣ богамъ Римской имперіи. Вашъ папа Пій X, говорятъ, умеръ отъ горя, когда вспыхнула эта война. Умереть не трудно!.. Но этотъ громовержецъ Ватикана, не находившій достаточно строгихъ каръ для безобидныхъ священниковъ, увлекавшихся благородными химерами модернизма, сдѣлалъ ли онъ хотя бы малѣйшую попытку обуздать кровожадные и гибельные для міра инстинкты всѣхъ этихъ государей и преступныхъ народоначальниковъ! Будемъ надѣяться, что Господь Богъ подскажетъ новому папѣ, вступившему на тронъ Св. Петра, слова и дѣйствія, которыя смоютъ съ церкви позоръ молчанія!

Что касается васъ, соціалистовъ, защищающихъ, по вашимъ увѣреніямъ, свободу отъ деспотизма,—неужели, ваша задача защищать одинъ деспотизмъ, поддерживая другой? Низвергните всѣхъ тирановъ и протяните другъ другу руки!

Никакого повода не было къ войнѣ между нами, народами Запада! Вопреки всѣмъ увѣреніямъ неистовствующей печати, вдохновляемой небольшой кучкой людей, въ интересахъ которыхъ разжигать ненависть между народами, ненависти этой, однако, нѣтъ между нами, братьями Франціи, Англіи и Германіей. Мы не ненавидимъ другъ друга. Я знаю васъ и знаю свой народъ. Намъ всѣмъ нужны только миръ и свобода. Для человѣка, находящагося въ самой гущѣ этой свалки или имѣющаго возможность наблюдать всѣ враждебные лагери, скажемъ, съ вершинъ швейцарскихъ горъ, самымъ трагическимъ въ этой войнѣ представляется то, что завѣтнымъ сокровищамъ каждаго народа въ отдѣльности — независимости, чести и его существованію, какъ народа,—дѣйствительно грозитъ серьезная опасность... Но кто же обрушилъ на нихъ это бѣдствіе? Кто поставилъ ихъ передъ отчаянной диллемой—уничтожить противника или погибнуть? Кто, если не ихъ правительства? Три величайшихъ виновника этой войны (на мой взглядъ)—три хищныхъ орла, три монархіи — безчестная политика австрійскаго дома, кровожадный царизмъ и грубая Пруссія. Но злѣйшій врагъ не за предѣлами страны: онъ въ самомъ народѣ, и ни у одного народа нѣтъ мужества расправиться съ нимъ. Это—стоголовое чудовище, именуемое имперіализмомъ, это — жажда власти и превосходства, стремящаяся все поглотить, подчинить, уничтожить и не терпящая существованія рядомъ съ собою другого свободнаго государственнаго организма. Самый опасный для насъ, людей Запада, имперіализмъ, ставшій уже угрозою передъ всей Европой и вынудившій ее объединиться и вооружиться, это—имперіализмъ прусскій, воплощающій собою міросо-

зерцаніе военной феодальной касты, бичъ не только для всего остального міра, но и для самой Германіи, которую онъ такъ систематично и упорно развращалъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Прежде всего слѣдуетъ раздѣлаться съ этимъ прусскимъ имперіализмомъ. И не съ нимъ только однимъ. Затѣмъ необходимо взяться за царизмъ. Имперіализмъ въ большей или меньшей степени силенъ въ каждой странѣ. Какова бы ни была внѣшняя его форма, военная, финансовая, республиканская, феодальная, соціальная, интеллектуальная, это — всегда піявка, высасывающая самую здоровую, самую лучшую кровь Европы. По окончаніи войны, свободные люди всѣхъ странъ, мы должны встать всѣ одной грудью съ девизомъ Вольтера на устахъ: «Долой тирана».

По окончаніи войны... Потому что уже зло сдѣлано. Потокъ вышелъ изъ береговъ. И мы одни уже не въ силахъ вернуть его въ свое русло. И потомъ содѣяно уже слишкомъ много большихъ преступленій, преступленій противъ права, посягательствъ на свободу народовъ и на священныя сокровища мысли. Они должны быть искуплены. Они будутъ искуплены. Европа не можетъ просто предать забвенію ни насилія надъ благороднымъ бельгійскимъ народомъ, ни разрушеніе Малина и Лувэна, опустошенныхъ новыми Атиллами... Но только бы, ради Бога, эти злодѣянія не искуплялись такими же злодѣяніями. Не надо ни мести, ни возмездія! Это страшныя слова. Великій народъ не мститъ—онъ только возстанавливаетъ право. И лица, призванныя творить правосудіе, должны показать, что они достойны возложенной на нихъ задачи. И мы должны немолчно напоминать имъ объ этомъ. Мы не будемъ равнодушными свидѣтелями новыхъ вспы-

шекъ ярости, которой эти люди станутъ утолять свою жажду мщенія. Это было бы слишкомъ позорно...

Передъ нами другія задачи.

Первымъ дѣломъ, мы должны агитировать по всему міру за образованіе высшаго нравственнаго судилища, суда совѣсти, который бы разбиралъ и выносилъ бы приговоры по всѣмъ нарушеніямъ человѣческаго права, откуда бы они ни исходили... И такъ какъ слѣдственныя комиссіи воюющихъ народовъ никогда не будутъ свободны отъ подозрѣнія въ пристрастіи, то необходимо, чтобы за это взялись нейтральныя страны Новаго и Стараго міра. Мысль эту, брошенную недавно профессоромъ медицинскаго факультета въ Парижѣ Пренаномъ, горячо развивалъ въ своихъ статьяхъ въ «Journal de Génève» мой другъ, профессоръ Поль Сейпель. «Нейтральныя страны,—писалъ онъ,—давали бы людей, пользующихся нравственнымъ авторитетомъ, извѣстныхъ своей политической честностью, которые бы выполняли обязанности комиссаровъ-допросчиковъ. Комиссары могли бы слѣдовать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ армій... Такая организація дополняла бы и облегчала задачу гаагскому суду, собирая для него неопровержимые документы для необходимаго суда...».

Нейтральныя страны играютъ слишкомъ скромную роль. Онѣ полагаютъ, что общественное мнѣніе безсильно противъ неистовствующей ярости.

Это сознаніе своего безсилія овладѣло почти всѣми свободными мыслителями во всѣхъ странахъ. Но это только недостатокъ отваги и проницательности. Власть общественнаго мнѣнія въ настоящее время безмѣрна.

Нѣтъ теперь такого правительства, какъ бы оно ни было деспотично и какъ бы оно ни было увѣрено въ своей побѣдѣ, которое бы не дрожало и не заискивало передъ общественнымъ мнѣніемъ. Ярче всего доказали это усилія враждующихъ сторонъ — министровъ, канцлеровъ, монарховъ; самъ кайзеръ въ роли журналиста пытался оправдать свои преступленія и перечислять всѣ преступленія своихъ противниковъ передъ невидимымъ судилищемъ человѣчества. Это судилище должно, наконецъ, стать явнымъ. Рѣшитесь учредить его. Вы не сознаете своей нравственной силы, маловѣрные люди... И если бы даже представлялась какая-нибудь опасность, то развѣ не стоитъ итти на рискъ во имя достоинства человѣчества? Какой смыслъ жизни, когда, сберегая ее, вы роняете свою гордость и достоинство?...

Но передъ нами, художники и писатели, священники и мыслители всѣхъ странъ, стоитъ другая задача. Духовная знать совершитъ великое преступленіе, если— хотя бы даже и въ разгарѣ войны—не сумѣетъ уберечь отъ скверны свои идеи. Это позоръ—дѣлать изъ нихъ орудіе безсмысленной и чудовищной расовой политики. Расовая политика сама по себѣ нелѣпость (ибо нѣтъ въ одной странѣ нѣтъ безусловно чистой единой расы) и ведетъ только, какъ писалъ Ренанъ въ своемъ прекрасномъ письмѣ къ Штраусу, къ «зоологическимъ войнамъ, къ войнамъ истребительнымъ, аналогичнымъ тѣмъ, которыя ведутъ между собою разныя породы грызуновъ и хищниковъ въ борьбѣ за существованіе. И это было бы гибелью богатой смѣси народовъ, состоящей изъ многочисленныхъ и одинаково необходимыхъ элементовъ, которая зовется человѣчествомъ». Человѣчество—симфонія

великихъ коллективныхъ душъ. И тотъ, кто, будто бы понимая и любя ее, уничтожаетъ одинъ изъ ея составныхъ элементовъ, доказываетъ этимъ, что онъ—варваръ и что у него такое же представленіе объ этой симфоніи, какъ у иныхъ о порядкѣ, царящемъ теперь въ Варшавѣ.

У насъ, у европейской интеллигенціи, двѣ отчизны: одна—на землѣ, другая—въ царствѣ духа. Въ одной мы гости, другую мы сами создаемъ...

Первой мы можемъ отдавать наши жизни, наши вѣрныя сердца. Но какъ бы мы ни дорожили семьей, друзьями, отечествомъ,—они никоимъ образомъ не должны заявлять своихъ правъ на духъ нашъ. Духъ—это свѣтъ. И долгъ нашъ защищать его отъ бурь и заслонять отъ тучъ, стремящихся затемнить его. Нашъ долгъ строить, расширять, возвышать стѣны города, который будетъ вмѣщать въ себѣ братскія и свободныя души всего міра, и ограда этого города должна подняться выше всѣхъ справедливостей, выше всякой вражды между народами...

Я наблюдаю вокругъ себя тревогу дружественной намъ Швейцаріи. Сердце ея полно сочувствія къ разнымъ народамъ. Она страдаетъ отъ того, что не имѣетъ возможности ни отдать предпочтенія одному изъ нихъ, ни выразить это предпочтеніе.

Я понимаю ея муки. Но это благотворныя муки, и она сумѣетъ подняться изъ нихъ къ прекрасной радости гармоніи расы, которая будетъ являть собою возвышенный примѣръ для всей остальной Европы. Она должна во время бури выступать изъ смятенной стихіи островомъ справедливости и мира, гдѣ такъ же, какъ въ большихъ

монастыряхъ средневѣковья, духъ человѣческій находилъ бы убѣжище отъ разнузданной слѣпой силы и куда бы причаливали усталые путешественники всѣхъ странъ, всѣ, кому чужды чувства ненависти и, несмотря на преступленія, которыхъ были свидѣтелями и даже жертвами, не перестаютъ, однако, любить всѣхъ людей, какъ родныхъ братьевъ.

Я знаю, что въ наши дни такія мысли, высказываемыя вслухъ, не могутъ разсчитывать на большую аудиторію. Молодая Европа, горящая жаждой битвы, только презрительно улыбнется и покажетъ крѣпкіе зубы волченка. Но когда приступъ лихорадки пройдетъ, она почувствуетъ себя усталой и разбитой, и врядъ ли будетъ тогда очень гордиться своимъ хищнымъ героизмомъ.

Впрочемъ, я говорю не для того, чтобы образумить ее. Я говорю лишь для того, чтобы облегчить мою душу... И знаю, что вмѣстѣ съ тѣмъ принесу облегченіе и тысячамъ другихъ людей другихъ странъ, которые не могутъ или не отваживаются говорить...

IV.

Изъ двухъ золъ наименьшее: пангерманизмъ, панславизмъ?

Я не принадлежу къ тѣмъ, которые, согласно мнѣнія одного благочестиваго короля, полагаютъ, что съ еретикомъ (а въ настоящее время еретикъ—это каждый человѣкъ, не раздѣляющій вашихъ взглядовъ) не слѣдуетъ пускаться въ разсужденія: достаточно просто размозжить ему голову. Мнѣ необходимо вникнуть въ доводы моего противника. Мнѣ непріятно предполагать въ немъ только недобросовѣстность. Я допускаю, что онъ такъ же увлекается и такъ же искренекъ, какъ и я. Отчего же намъ не сдѣлать усилія, чтобы понять другъ друга? Это не прекратитъ войны между нами, но это, быть можетъ, притупитъ ненависть. А это она, ненависть,—мой злѣйшій врагъ и страшнѣе мнѣ моихъ враговъ.

Я могу соглашаться или не соглашаться съ тѣми мотивами, которые та и другая враждующая страна приводятъ въ свое оправданіе, но изъ газетъ и писемъ,

которыя я получаю здѣсь въ Женевѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со всѣхъ концовъ міра, я убѣдился въ томъ, что патріотическій пылъ почти вездѣ одинаковый и что каждый изъ народовъ, принимающій участіе въ этой Иліадѣ, воображаетъ, что сражается за свободу всего міра противъ варварства. Но слова—свобода и варварство не во всѣхъ странахъ имѣютъ одно и то же значеніе. Для насъ, французовъ, англичанъ, людей Запада, опаснѣйшій врагъ свободы, варварскій деспотизмъ, это — прусскій имперіализмъ. Его послужные списки ярко выведены на опустошенной дорогѣ изъ Льежа въ Санглисъ, черезъ Лувэнъ, Малинъ и Реймсъ. Для Германіи «чудовище» (какъ говоритъ старый Вундтъ), угрожающее культурѣ, это — Россія, и нѣмцы не находятъ достаточно презрительныхъ словъ для осужденія Франціи, заключившей союзъ съ царской Россіей. Сколько писемъ получилъ я, полныхъ укоровъ за этотъ союзъ. Не далѣе какъ вчера я прочиталъ въ мюнхенскомъ журналѣ «Форумъ» открытое письмо Вильгельма Герцога, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы я высказался по поводу Россіи. Что же, я ничего противъ этого не имѣю... Это дастъ намъ возможность, наконецъ, взвѣсить русскую опасность и германскую опасность и выяснить, какая изъ нихъ представляется намъ грознѣе.

Я не стану говорить о разныхъ вопіющихъ фактахъ за время настоящей войны между Германіей и Россіей. Все, что мы знаемъ, доходитъ до насъ изъ германскихъ или русскихъ источниковъ, одинаково сомнительныхъ. Ни тѣ, ни другіе, повидимому, другъ другу въ жестокости не уступаютъ. Германцы въ Калишѣ стоятъ казаковъ,

подвизавшихся въ Гродкенѣ и Зоротовѣ. Я буду говорить о духѣ русской и германской культуры, потому что только это одно имѣетъ для насъ значеніе.

Мои друзья германцы—тѣ, что были моими друзьями,—остались ими, вопреки всѣмъ требованіямъ фанатиковъ въ обоихъ лагеряхъ, указывающихъ необходимость порвать эти узы дружбы; вы знаете, какъ я люблю вашу старую Германію и все, чѣмъ я обязанъ ей. Я—сынъ Бетховена, Лейбница и Гёте едва ли не въ такой же степени, какъ и вы, если не больше. Но скажите, чѣмъ я, чѣмъ всѣ мы въ Европѣ можемъ считать себя обязанными вашей современной Германіи? Какое искусство создали вы послѣ произведеній Вагнера, обозначающихъ уже конецъ эпохи и отошедшихъ уже въ прошлое? Какую новую свѣжую мысль дали вы міру послѣ смерти Ницше, геніальное безуміе котораго, къ несчастью, наложило на васъ отпечатокъ безумія, но отнюдь не геніальности. Гдѣ искали мы въ послѣднія сорокъ лѣтъ нашу духовную пищу, нашъ насущный хлѣбъ, когда наша обильная сочная земля не утоляла нашего голода? Кто, если не русскіе писатели, были нашими духовными вождями? Кого вы, германцы, можете противопоставить такимъ колоссамъ поэтическаго гепія и нравственнаго величія, какъ Толстой и Достоевскій? Это они создали мою душу. И, защищая народъ, изъ котораго они вышли, я плачу мой долгъ имъ и ихъ народу. Это у нихъ я могъ бы почерпнуть презрѣніе, которое внушаетъ мнѣ теперь прусскій имперіализмъ, если бы не почерпнулъ его въ моемъ сердцѣ француза: Толстой еще двадцать лѣтъ назадъ выразилъ свое презрѣніе вашему кайзеру.

Въ области музыки Германія, столь гордая своей старой славой, можетъ выдвинуть лишь эпигоновъ Вагнера, неистовствующихъ виртуозовъ оркестра, какъ Рихардъ Штраусъ, но ни одного цѣльнаго и мощнаго произведенія въ духѣ „Бориса Годунова“. Ни одна новая тропа не была открыта германскими артистами. Въ одной страницѣ Мусоргскаго или Стравинскаго больше будущаго, больше истинной оригинальности, чѣмъ во всѣхъ партитурахъ Малера и Регера... Въ нашихъ университетахъ, въ клиникахъ, пастеровскихъ институтахъ наши студенты, наши ученые работаютъ мирно, бокъ-о-бокъ съ русскими студентами и учеными. Русскіе революціонеры, живущіе въ качествѣ эмигрантовъ въ Парижѣ, сливаютъ свои чаянія съ чаяніями французскихъ соціалистовъ.

Вы все твердите намъ о преступленіяхъ царскаго правительства. Мы ихъ не отрицаемъ. Царизмъ—нашъ врагъ. Я недавно писалъ это и опять это повторяю. Но онъ также врагъ и русской интеллигенціи, и русскаго общества. Этого нельзя сказать о вашей германской интеллигенціи, рабски исполняющей волю своего правительства. Я получилъ на-дняхъ ваше изумительное „Воззваніе къ культурнымъ народамъ“, которымъ главная армія нѣмецкихъ интеллигентовъ бомбардировала Европу въ то самое время, когда главный штабъ германской торговли бамбардировалъ міровой рынокъ своими циркулярами, украшенными изображеніемъ Меркурія, бога лжи. Эта мобилизація рыцарей пера и меркуріева жезла, съ которой ни одна другая страна не можетъ соперничать, дала намъ нѣсколько новыхъ поводовъ, вѣроятно, опасаться мощи организаціи германскаго государства,

но ни одного новаго повода къ уваженію Германіи... Культурные народы не безъ изумленія читали за подлинными подписями самыхъ выдающихся представителей науки, искусства, германской мысли—Беринга, Оствальда, Рентгена, Эйкена, Геккеля, Вундта, Демеля, Гауптмана, Зудермана, Гильдебранда, Клингера, Либермана, Гумпердинка, Вайнартнера и друг.—художниковъ, философовъ, музыкантовъ, богослововъ, химиковъ, экономистовъ, поэтовъ, профессоровъ двадцати университетовъ,—что неправда „будто Германія вызвала войну, неправда, что она преступно нарушила бельгійскій нейтралитетъ, неправда, что она, Германія, посягнула на жизнь или имущество хотя бы одного бельгійскаго гражданина, не будучи вынужденной къ тому необходимостью обороны, неправда, что Германія разрушила Лувэнъ" (Разрушила?—она его спасла!), „неправда, что Германія..." Неправда, словомъ, что день, это—день, а ночь, это—ночь...

Сознаюсь, я дочитывалъ это воззваніе съ такимъ же смущеніемъ, какое испытывалъ въ дѣтствѣ, когда взрослый человѣкъ, котораго я чтилъ, разсказывалъ въ моемъ присутствіи завѣдомо ложныя вещи... Я отворачивался и краснѣлъ за него... Слава Богу, преступленія царизма никогда не находили въ Россіи защитниковъ среди великихъ художниковъ, мыслителей, ученыхъ. Кто разоблачалъ ихъ передъ всѣмъ міромъ, если не Кропоткинъ, Толстой, Достоевскій, Горькій и другіе, пользующіеся заслуженной извѣстностью писатели?

Власть Россіи порою ложилась тяжкимъ гнетомъ на маленькія народности, которыя она поглотила. Но отчего же германцы, поляки, напримѣръ, все же предпочитаютъ русское владычество вашему? Или вы полагаете,

что Европѣ совершенно неизвѣстны чудовищные пріемы, которыми вы онѣмечивали поляковъ? Вы полагаете, что до насъ не доходятъ признанія жителей балтійскихъ губерній, которые, имѣя возможность выбирать между двумя завоевателями, все же отдаютъ предпочтеніе русскимъ, потому что они человѣчнѣе. Прочитайте письмо, полученное мною нѣсколько дней тому назадъ отъ одного латыша, который немало натерпѣлся въ свое время отъ лихоимства русскихъ властей, но безъ колебаній горячо сталъ теперь на сторону русскихъ противъ васъ...

Друзья мои, нѣмцы, одно изъ двухъ—или вы ни малѣйшаго представленія не имѣете о настроеніяхъ, преобладающихъ среди окружающихъ васъ народовъ, или же вы насъ считаете очень наивными и скудно освѣдомленными сосѣдями. Вашъ имперіализмъ подъ болѣе культурной оболочкой, по-моему, упорнѣе царизма ломаетъ преграды къ осуществленію алчной мечты о всемірномъ владычествѣ. Но тогда, какъ необъятная таинственная Россія, кишащая юными революціонными силами, радуетъ насъ надеждой на близкое обновленіе, систематическая жестокость въ вашей Германіи поддерживается слишкомъ прочной, стройной культурой, и нѣтъ почти никакой надежды, чтобы такая почтенная особа могла измѣниться къ лучшему въ столь преклонномъ возрастѣ...

Если я и питалъ такую надежду (у меня была такая надежда, друзья мои), то вы, художники и ученые, авторы этого воззванія, въ которомъ вы съ гордостью выражали свою солидарность съ прусскимъ милитаризмомъ, приложили всѣ свои усилія къ тому, чтобы отнять ее у меня, эту надежду.

Но вы должны знать, что для насъ, носителей латинской культуры, нѣтъ ничего тягостнѣе и невыносимѣе вашей интеллигентной солдатчины. И если бы злому року угодно было, чтобы этотъ духъ, въ концѣ концовъ, восторжествовалъ вмѣстѣ съ вами въ Европѣ, я бѣжалъ бы изъ нея навсегда. Мнѣ противно было бы жить въ такой Европѣ...

Привожу нѣсколько выдержекъ изъ интереснаго письма, полученнаго мною отъ представителя одной изъ маленькихъ народностей, оспариваемыхъ другъ у друга Россіей и Германіей... При всемъ желаніи сохранить свою независимость, народности эти тѣмъ не менѣе вынуждены выбирать между Россіей и Германіей и выборъ свой останавливаютъ на Россіи. Не мѣшаетъ послушать, что они говорятъ. Мы удѣляемъ слишкомъ много вниманія большимъ воюющимъ державамъ. Слѣдуетъ подумать и о небольшихъ судахъ, которыя ведутъ за собою большіе корабли. Вникнемъ на мигъ въ тоскливую тревогу, съ какой эти забытые эгоизмомъ Европы народы ждутъ исхода исполинской схватки, которая рѣшитъ ихъ судьбу. Англія и Франція не должны отворачиваться отъ умоляющихъ взглядовъ, устремленныхъ на нихъ, и молодая Россія, стремящаяся къ свободѣ, должна лелѣять благородную мысль о томъ, чтобы и ихъ согрѣть лучами свободы, которую она завоюетъ...

Письмо Ромэну Роллану.

30 сентября 1914 г.

«Милостивый государь, благодарю васъ за вашу статью: «Au dessus de la mêlée» . . . . Хотя я по воспитанію,

полученному мною, стою ближе къ германской и славянской культурѣ, нежели къ французской, я, однако, глубоко чту духъ французской культуры, такъ какъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, убѣжденъ теперь, что только Франція дастъ міру правильное рѣшеніе проблемъ національной независимости и народныхъ правъ...

«Вы приводите въ вашемъ письмѣ слова вашего друга, писателя и солдата, утверждающаго, что французы сражаются не только для того, чтобы отвоевать территорію своего отечества, но и во имя свободы всего міра . . . . Вы представить себѣ не можете, какой радостью откликаются такія слова въ сердцахъ угнетенныхъ націй, сколько струй сочувствія тянутся теперь ко Франціи со всѣхъ концовъ Европы и сколько надеждъ связано съ ея побѣдой...

«И, однако, эти французскія и англійскія заявленія возбуждали и немало сомнѣній, такъ какъ Франція и Англія—союзницы Россіи, политика которой не вяжется съ принципами права и свободы; и сама Германія, наконецъ, тоже заявляетъ, что она защищаетъ отъ Россіи идеи права и свободы».

«Интересно было бы знать, какъ эти германскіе писатели и профессора представляютъ себѣ въ дѣйствительности священную войну противъ Россіи, о которой они такъ много говорятъ. Они намѣрены помогать революціоннымъ партіямъ свергнуть самодержавіе? Но всѣ эти партіи, несомнѣнно, съ презрѣніемъ отвергнутъ поддержку военной Пруссіи. Или они ставятъ себѣ задачей освобожденіе сосѣднихъ народностей, угнетаемыхъ Россіей, поляковъ, напримѣръ, включивъ ихъ въ составъ Германской имперіи? Но всему міру извѣстно, что поляки,

германскіе подданные, перенесли несравненно больше тяжкихъ униженій и преслѣдованій со стороны германскаго правительства, чѣмъ поляки, русскіе подданные, со стороны русскаго правительства.

«Остается еще Балтійскій край, гдѣ нѣмцы споконъвѣку имѣли сторонниковъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ. Нѣмцы по происхожденію, хотя и русскіе подданные, они, конечно, встрѣтятъ нѣмцевъ съ раскрытыми объятіями. Но они составляютъ немногочисленное сословіе знатныхъ богатыхъ буржуевъ, насчитывающее нѣсколько тысячъ человѣкъ, тогда какъ остальное населеніе Балтійскаго края, латыши и эстонцы, сочли бы присоединеніе этихъ мѣстностей къ Германіи величайшимъ для себя бѣдствіемъ. Мы знаемъ, что значитъ германское владычество. И я, латышъ, знаю, какія чувства къ нѣмцамъ питаетъ мой народъ и какія надежды на будущее онъ лелѣетъ.

Латыши—народъ, родственный литовцамъ. Живутъ они въ Курляндіи, Лифляндіи и части Витебской губерніи. Духовный центръ—городъ Рига. Латышскія колоніи раскинуты по всѣмъ главнымъ городамъ Россіи. Издающіяся въ Парижѣ «Annales des Nationalités» посвятили въ прошедшемъ году два номера этимъ родственнымъ народамъ. Благодаря завидному географическому положенію своего края, латыши имѣли несчастье ознакомиться съ германскимъ игомъ еще задолго до ига русскаго. Если я скажу, что русскіе послѣ нѣмцевъ показались намъ избавителями, то ясно станетъ, чѣмъ были для насъ нѣмцы. Въ теченіе долгихъ вѣковъ нѣмцы путемъ грубаго насилія держали насъ въ условіяхъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ подлиннаго рабства. Всего какихъ-нибудь пятьдесятъ

лѣтъ тому назадъ Россія освободила насъ отъ оковъ этого рабства, но, оставивъ наши земли въ рукахъ нѣмецкихъ помѣщиковъ, совершила въ то же время большую несправедливость по отношенію латышей. Тѣмъ не менѣе, въ двадцать-тридцать лѣтъ мы выкупили изъ нѣмецкихъ рукъ часть нашихъ земель и достигли извѣстнаго уровня культуры и считаемся теперь, на ряду съ финляндцами и эстонцами, однимъ изъ культурнѣйшихъ народовъ въ предѣлахъ Россійской имперіи.

«Нѣмецкія газеты часто ставятъ намъ на видъ, что мы не сумѣли оцѣнить благодѣяній культуры, которыми нѣмцы насъ осыпали. Мы съ горькой усмѣшкой выслушиваемъ эти упреки и при словѣ «культуртрегеръ» ставимъ восклицательный знакъ, потому что нѣмцы превратили это слово въ насмѣшку. Мы достигли извѣстной степени культуры помимо ихъ и вопреки имъ. *Даже въ наши дни противъ рѣдкихъ попытокъ русскаго правительства ввести кой-какія реформы въ Балтійскомъ краю неизмѣнно возражаютъ въ Государственной Думѣ только депутаты нѣмецкаго происхожденія.* Управленіе въ остзейскихъ провинціяхъ рѣзко отличается отъ управленія въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Мы еще подчиняемся законамъ и уставамъ, какихъ не существуетъ больше нигдѣ въ Европѣ; но эти пережитки феодальныхъ временъ непоколебимо сохранились у насъ благодаря усиліямъ крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся всегда большимъ фаворомъ при русскомъ дворѣ.

«Когда-то, не зная какъ примирить наши симпатіи и наше благоговѣніе передъ германской культурой, передъ германскимъ искусствомъ, мы рѣшили, что живущіе

у насъ нѣмцы — какая-то особая разновидность этой расы, имѣющая мало общаго съ подлинными нѣмцами. Но преступленія, совершенныя этими подлинными нѣмцами въ Бельгіи и Франціи, убѣдили насъ въ томъ, что мы обольщали себя иллюзіями. Германцы всюду одинаковы, когда дѣло идетъ о завоеваніи и утвержденіи своего господства. И человѣческія чувства въ такихъ случаяхъ вездѣ и всюду имъ одинаково чужды. Въ Германіи, какъ и въ Россіи, существуютъ два разныхъ національныхъ теченія, — примыкающіе къ одному питаются идеями пангерманизма или панславизма, усматривая славу націи на полѣ сраженія и въ угнетеніи другихъ національныхъ индивидуальностей. Другіе осуществленіе того же идеала видятъ въ мирномъ господствѣ культуры и расцвѣтѣ художественнаго творчества. Толстой — воплощаетъ собою эту вторую Россію, въ такой же степени чуждую Россіи, представленной современнымъ русскимъ правительствомъ, въ какой Гёте далекъ и чуждъ прусскому милитаризму. Конечно, пропасть между этими двумя формами національной мысли въ Германіи не такъ глубока, какъ въ Россіи. Но надо учесть необъятныя пространства Россійской имперіи, вмѣщающей въ себѣ такія массы людей, темныхъ, невѣжественныхъ, которыми русское правительство пользуется для самыхъ гнусныхъ насилій.

«Но называть русскихъ варварами все же большая несправедливость. И менѣе кого бы то ни было имѣютъ право называть ихъ варварами нѣмцы.

«Кто имѣлъ возможность узнать германскую интеллигенцію и русскую интеллигенцію, никогда не скажетъ, что первая значительнѣе, лучше второй. Онѣ совершенно другъ

на друга не похожи. Добавлю, впрочемъ,—русская интеллигенція, пожалуй, симпатичнѣе: уже однимъ тѣмъ, что никогда она не нашла бы возможнымъ оправдать звѣрства своего правительства, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время германская интеллигенція. Она часто вынуждена бываетъ молчать, но она никогда не поднимала голоса въ защиту преступнаго правительства.

«Изъ этихъ моихъ словъ не слѣдуетъ, однако, дѣлать вывода, что я идеализирую русскихъ или что мои соотечественники, латыши, пользовались какими-либо привилегіями со стороны русскаго правительства. Отнюдь нѣтъ. Лично я въ моей жизни натерпѣлся больше отъ русскихъ, чѣмъ отъ нѣмцевъ. А что касается моего народа, то и онъ имѣетъ несчастье знать тяжелый кулакъ русскаго правительства и гнетъ панславизма. Въ 1906 году русскія нагайки яростнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, гуляли по спинамъ латышскихъ крестьянъ и представителей латышской интеллигенціи. Наибольшій процентъ разстрѣлянныхъ, повѣшенныхъ и замурованныхъ въ темницы пришелся на долю латышскаго народа. Послѣ этого ужаснаго года во всѣхъ главныхъ городахъ Западной Европы появились колоніи латышей-эмигрантовъ, которымъ удалось бѣжать и избѣгнуть жестокостей карательной экспедиціи русскаго правительства. Но вотъ что слѣдуетъ отмѣтить: *во главѣ большинства карательныхъ отрядовъ, посланныхъ въ нашъ край, стояли офицеры нѣмецкаго происхожденія. Они добивались этого назначенія и разстрѣливали, избивали, жгли съ такимъ рвеніемъ, что дѣянія ихъ, въ конечномъ итогѣ, значительно превзошли предписанія, полученныя ими отъ русскаго правительства. Въ тѣ*

дни мѣстности, по которымъ проходили солдаты, предводительствуемые русскими офицерами, считали себя счастливыми, потому что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русскіе офицеры карали палочными ударами, нѣмецкіе офицеры подписывали смертные приговоры.

«Если бы моему народу предложили выборъ между русскимъ и германскимъ правительствомъ, онъ выбралъ бы первое, какъ наименьшее изъ золъ. Я знаю изъ латышскихъ газетъ, что латыши съ энтузіазмомъ идутъ на фронтъ. Латыши съ энтузіазмомъ идутъ проливать кровь не за правительство, которое всѣми способами тормозитъ наше національное развитіе, запрещаетъ обученіе родному языку въ первоначальныхъ школахъ и заселяетъ наши земли русскими крестьянами, вынуждаетъ нашихъ крестьянъ эмигрировать въ Америку, переселяться въ Сибирь, замыкаетъ передъ латышами всѣ правительственныя учрежденія и проч. и проч.,—энтузіазмъ этотъ вызванъ только тѣмъ, что эта война ведется противъ Германіи и потому, что латыши знаютъ: нѣмцы уже съ давнихъ поръ стремятся къ овладѣнію Балтійскимъ краемъ. И для того, чтобы предотвратить это, мы не остановимся ни передъ какими жертвами. Мы дорожимъ нашей національной культурой, мы знаемъ цѣну панславизму и пангерманизму и мы полагаемъ, что для независимости культуры небольшихъ народностей панславизмъ менѣе опасенъ, чѣмъ пангерманизмъ. Это вытекаетъ, прежде всего, изъ характера обѣихъ расъ.

«Германцы угнетаютъ систематично, и потому ихъ гнетъ болѣе ощутителенъ. И, вдобавокъ, они невыносимы своимъ высокомѣрно-презрительнымъ отношеніемъ

ко всему не нѣмецкому, они невыносимы своей безпощадной логичностью, своимъ хладнокровіемъ, съ которыми они выполняютъ самыя жестокія мѣры преслѣдованія во всѣхъ странахъ, гдѣ они утверждаютъ свое господство.

«Русскіе по складу своего характера менѣе послѣдовательны, менѣе уравновѣшены. Они скорѣе слѣдуютъ велѣніямъ своего сердца, и потому они менѣе страшны въ роли угнетателей. Они наносятъ порою жестокіе и чувствительные удары, но голосъ совѣсти не рѣдко останавливаетъ ихъ замахнувшуюся руку. Они внѣшне непріятнѣе и грубѣе нѣмцевъ (я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, чиновниковъ и офицеровъ), но они гораздо человѣчнѣе вторыхъ, часто подъ маской безупречной учтивости скрывающихъ чувства безпощадной злобы.

«Въ этомъ же 1906 году, когда въ Россіи происходили массовыя казни, нѣсколько русскихъ офицеровъ покончили самоубійствомъ, такъ какъ не въ состояніи были примирить въ своей совѣсти званіе солдата съ ремесломъ палача. Офицеры же нѣмецкаго происхожденія съ радостной готовностью выполняли роль палачей.

«Но и русское владычество, однако, чрезвычайно тягостно, хотя оно и предпочтительнѣе для насъ владычества германскаго. И я съ сложнымъ чувствомъ читаю въ газетахъ сообщенія о русскихъ побѣдахъ. Я радуюсь имъ, потому что это въ то же время побѣды союзниковъ. Но, съ другой стороны, я боюсь побѣдоносной Россіи. Послѣ русско-японской войны, когда потерпѣвшее пораженіе правительство почувствовало, что твердая почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, оно пошло на нѣкоторыя уступки требованіямъ народа, но стало упразднять всѣ

вольности по мѣрѣ того, какъ вновь обрѣтало увѣренность въ своей силѣ. Чего мы можемъ ждать отъ побѣдоноснаго царизма, особенно мы, не-русскіе, если не яростнаго разгула всесокрушающихъ панславистскихъ стремленій?

«Въ настоящее время это самый тревожный для всѣхъ подчиненныхъ Россіи народностей вопросъ. Я прочиталъ въ вашей статьѣ, что вслѣдъ за прусскимъ милитаризмомъ придетъ очередь русскому царизму. Какъ надо понимать ваши слова? Неужели вы полагаете, что вспыхнетъ новая война, цѣлью которой будетъ расправа съ царизмомъ, или что онъ падетъ подъ ударами внутренней революціи? Или Франція и Англія, заключая союзъ съ Россіей, заручились ея обѣщаніями, дающими надежды на новый курсъ внутренней политики въ Россіи? Быть можетъ и обращеніе къ полякамъ уже первая ласточка новой эры? И будетъ ли имѣть это обращеніе реальныя послѣдствія по окончаніи войны? И какія у Россіи намѣренія относительно другихъ угнетаемыхъ нынѣ народностей—финновъ, латышей, литовцевъ, армянъ, евреевъ? Вопросы эти, быть можетъ, лишены всякаго политическаго смысла. Мы не представляемъ себѣ ясно, какимъ образомъ Франція и Англія могли бы быть нашими освободительницами, и тѣмъ не менѣе всѣ наши надежды обращены къ нимъ. Мы хотимъ вѣрить, что онѣ сумѣютъ такъ или иначе добиться того, чтобы союзница ихъ, Россія, оказалась достойной ихъ и идей, за которыя онѣ сражаются. Было бы очень грустно, если бы умирающіе теперь за свободу напоили своей кровью угнетателей.

«Я подробно изложилъ вамъ, хотя вы и не просили меня объ этомъ, всѣ муки, надежды и страхи народа,

выросшаго на узкой тропѣ межъ двумя пропастями, между пангерманизмомъ и панславизмомъ. Мы страстно желаемъ пораженія пангерманизма и боимся панславизма, хотя и не стремимся къ политической автономіи. Мы жаждемъ только возможности мирнаго развитія нашихъ умственныхъ, художественныхъ и экономическихъ силъ безъ вѣчной угрозы обрусенія или онѣмеченія. При той нашей культурѣ, которой мы достигли, преодолѣвая самыя тяжелыя препятствія, мы считаемъ себя достойными и свободы и правъ человѣческихъ. И мы убѣждены, что наша національная индивидуальность внесетъ созвучную ноту въ гармонію народовъ и культуръ».

«Journal de Génève», 10 октября 1914 г.

V.

Inter arma caritas.

Я обращаюсь снова къ братьямъ-врагамъ. На этотъ разъ я не стану ни спорить, ни доказывать. Совершенно безцѣльно спорить съ людьми, не доискивающимися истины, а увѣренными въ томъ, что они владѣютъ ею. Никакими доводами разума не пробить теперь плотной стѣны увѣренности, которой Германія оградила себя отъ правды. Эта увѣренность, это фарисейское самодовольство ярче всего сказалось въ возмутительномъ письмѣ придворнаго проповѣдника, славящаго Бога за то, что онъ самъ, его императоръ, его народъ—безгрѣшны, безупречны, невинны, и заранѣе радующагося, въ своемъ «святомъ гнѣвѣ», гибели всѣхъ, не раздѣляющихъ его мнѣнія... [1]).

---

[1]) Открытое письмо доктора богословія, Эрнста Дріандера, перваго проповѣдника при дворѣ Вильгельма, напечатанное въ «Journal de Génève» 18 октября 1914 г.

Я далекъ, конечно, отъ мысли, что этотъ памятникъ противухристіанской гордости выражаетъ образъ мыслей лучшей части германскаго народа. Я знаю, сколько скромныхъ, сердечныхъ людей, неспособныхъ причинить кому-либо малѣйшее зло, составляютъ духовное украшеніе Германіи. Я лично знаю немало такихъ людей и никогда ихъ чтить не перестану. Я знаю, сколько сильныхъ, даровитыхъ людей упорно продолжаютъ свои научныя занятія и доискиваются истины. Но когда мы видимъ, какъ эти превосходные люди довѣрчиво, покорно, съ закрытыми глазами утверждаютъ вещи, которыя германскому правительству угодно было вбить имъ въ голову, когда мы видимъ, съ другой стороны, какъ самые проницательные умы, историки, ученые люди, искусившіеся въ критикѣ всякихъ историческихъ и библейскихъ текстовъ, принимаютъ за чистѣйшую монету свѣдѣнія, идущія всегда изъ одного и того же источника, и ссылаются на заявленія своего кайзера и канцлера, какъ на неопровержимыя доказательства, словно благонравные ученики, у которыхъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ одинъ аргументъ: Magister dixit,—то гаснетъ всякая надежда убѣдить ихъ, что существуетъ истина и помимо словъ «учителя» и что, кромѣ Бѣлой книги, у насъ въ рукахъ всевозможныя книги всѣхъ цвѣтовъ и что безпристрастный судья долженъ знать все, что въ этихъ книгахъ написано. Но имѣютъ ли они даже представленіе объ этихъ книгахъ и допускаетъ ли учитель обращеніе въ ввѣренномъ ему классѣ книгъ, написанныхъ его соперниками? Хаотическое непониманіе царитъ не только въ оцѣнкѣ фактовъ. И въ самомъ образѣ мыслей—полнѣйшій хаосъ. Между со-

временной Германіей и остальною Европой нѣтъ больше никакихъ точекъ взаимопониманія. Имъ говорятъ: «Человѣчество», они отвѣчаютъ: «Übermensch», «Übervolk», и само собою разумѣется, что «Übervolk»—сверхнародъ, это они, Германія, охвачены болѣзненнымъ возбужденіемъ, коллективнымъ безумiемъ, исцѣлить которое можетъ только время. Согласно научнымъ медицинскимъ наблюденіямъ аналогичныхъ случаевъ, эти формы безумія развиваются обыкновенно очень быстрымъ темпомъ и сопровождаются внезапнымъ упадкомъ духа. Остается, стало быть, только ждать и всѣми силами охранять себя отъ безумія Аякса.

Подождемъ. Но Аяксъ надѣлаетъ намъ еще немало хлопотъ, къ этому мы должны быть готовы. Сколько кругомъ насъ руинъ! Надо помогать потерпѣвшимъ. Правда, мы немного можемъ сдѣлать. Въ вѣчной борьбѣ между зломъ и добромъ силы далеко не равны: цѣлое столѣтіе приходится возсоздавать то, что разрушено было въ одинъ день. Слѣпой ярости хватаетъ всего на одинъ какой-нибудь день, а упорный трудъ—это повседневный хлѣбъ. Трудъ не прекращается и тогда, когда міръ мнится наканунѣ гибели. Подъ перекрестнымъ огнемъ двухъ армій винодѣлы Шампани продолжаютъ убирать виноградъ. Будемъ и мы дѣлать нашу работу. Она требуетъ рукъ всѣхъ находящихся въ тылу. И мнѣ кажется, что для людей, продолжающихъ теперь писать, есть дѣло болѣе достойное, чѣмъ строчить кровожадныя статьи и, сидя за письменнымъ столомъ, выкрикивать: «Убивай! Убивай!». Война мнѣ ненавистна, но еще ненавистнѣе мнѣ люди, воспѣвающіе ее, не принимая въ ней непосредственнаго участія. Что бы мы сказали объ

офицерахъ, плетущихся позади своихъ солдатъ? Достойнѣйшее занятіе для находящихся въ заднихъ рядахъ. это—поднимать падающихъ и напоминать во время битвы прекрасный и слишкомъ забытый девизъ: Inter arma caritas.

Кругомъ столько горя и несчастья, которымъ могли бы помочь сердечные, искренніе люди, объединившись и столковавшись между собою. Взять хотя бы военноплѣнныхъ. Но, зная, что современная Германія стыдится своей прежней чувствительности, я, конечно, не стану дѣлать попытокъ растрогать ее «хныканьемъ», какъ выразились *тамъ* по поводу нашихъ жалобъ на разрушеніе Лувэна и Реймса.

«Война, это—война». Пускай такъ! И, стало быть, это въ порядкѣ вещей, чтобы побѣдители тащили за собою тысячи плѣнниковъ, офицеровъ и солдатъ. Объ этихъ я и скажу теперь нѣсколько словъ. И затѣмъ лишь, чтобы, по возможности, утѣшить близкихъ, которые разыскиваютъ ихъ и безпокоятся объ ихъ судьбѣ. Въ одномъ и въ другомъ лагерѣ безсовѣстной печатью распространяются самыя нелѣпыя легенды, съ цѣлью убѣдить міръ, что противникъ попираетъ ногами самыя элементарныя правила человѣчности. Одинъ мой австрійскій другъ, начитавшись лживыхъ сообщеній какихъ-то газетъ, прислалъ мнѣ недавно письмо съ просьбой позаботиться о нѣмецкихъ раненыхъ во Франціи, брошенныхъ нами на произволъ судьбы. И развѣ я не слышалъ и не читалъ такія же слова возмущенія и такія же опасенія со стороны французовъ относительно судьбы нашихъ раненыхъ, подвергающихся въ Германіи всевозможнымъ мученіямъ? Но все это ложь, какъ съ од-

ной, такъ и съ другой стороны. И тѣ немногіе, которые, подобно намъ, имѣютъ возможность получать вѣрныя свѣдѣнія изъ обоихъ лагерей, должны, наоборотъ, заявлять во всеуслышаніе, что въ этой войнѣ, которая ведется на поляхъ сраженія съ жестокостью, о какой и представленія не имѣли въ предыдущихъ европейскихъ войнахъ,— въ отношеніи обезвреженныхъ противниковъ, раненыхъ или плѣнныхъ, воюющіе проявляютъ и заботливость и участіе (на тысячи случаевъ могутъ быть, конечно, отдѣльныя непріятныя исключенія).

Письма, получаемыя нами, и, между прочимъ, докладъ доктора Шнеели, объѣздившаго германскіе госпитали и лагери военноплѣнныхъ (напечатанъ 18 октября въ «Neue Züricher Zeitung»), убѣждаютъ насъ въ томъ, что и въ Германіи дѣлаются попытки примирить человѣчность съ требованіями войны, и раненые плѣнные пользуются такимъ же внимательнымъ уходомъ, какъ и нѣмецкіе раненые, и что плѣнные въ прекрасныхъ товарищескихъ отношеніяхъ со своими часовыми, и что пища имъ полагается изъ одного котла...

Было бы очень желательно, чтобы произведено было тщательное слѣдствіе и о положеніи лагерей германскихъ военноплѣнныхъ во Франціи. Изъ личныхъ наблюденій я убѣдился въ томъ, что и у насъ положеніе плѣнныхъ никакихъ ужасовъ за ихъ судьбу внушать не должно. Изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ [1]) я знаю о дружбѣ,

[1]) Газеты всѣхъ странъ печатаютъ только извѣстія явно тенденціозныя и неблагопріятныя для противника. Онѣ какъ будто ставятъ себѣ задачей подбирать самые вопіющіе факты для того, чтобы поддерживать огонь взаимной ненависти. Они приводятъ разсказы часто изъ весьма сомнительныхъ источни-

устанавливающейся между ранеными обоихъ лагерей какъ въ Германіи, такъ и во Франціи. И здѣсь и тамъ бывали случаи, когда мѣстные солдаты уступали на перевязкахъ и при выдачѣ порцій очередь своимъ товарищамъ враждебныхъ странъ. Да кому, впрочемъ, неизвѣстно, что именно въ арміи наименѣе сильно чувство національной вражды, потому что люди тамъ научаются цѣнить отвагу противника, потому что всѣ тамъ страдаютъ одинаково и потому что, когда вся энергія направлена на дѣйствіе, въ сердцѣ человѣческомъ остается мало мѣста для злобы. Лишь у людей, не занятыхъ всепоглощающей работой, ненависть принимаетъ порою черты неумолимой жестокости, той жестокости, которая у нѣкоторыхъ интеллигентовъ проявляется въ такихъ жуткихъ формахъ...

И нравственныя страданія плѣнниковъ вовсе не такъ ужасны, какъ ихъ рисуютъ. И какъ бы печальна ни была ихъ судьба, она все же не такъ тяжела, какъ положеніе другого рода плѣнниковъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Сознаніе исполненнаго долга, воспоминаніе о борьбѣ облагораживаютъ его несчастье въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ противника. И онъ вовсе не исключительно во власти врага. Онъ подъ защитой международныхъ договоровъ и Краснаго Креста, и никто

ковъ и всегда сенсаціонные. И никогда не приводятъ благопріятныхъ отзывовъ плѣнныхъ объ обращеніи съ ними враговъ. Въ письмахъ, которыя получаетъ нашъ комитетъ для пересылки роднымъ, плѣнные нѣмцы разсказываютъ о пріятныхъ прогулкахъ, о морскихъ купаніяхъ, доставляющихъ имъ большое удовольствіе. Одинъ пишетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ, другой о томъ, что онъ пользуется пребываніемъ на югѣ для пополненія своей коллекціи насѣкомыхъ.

не лишенъ возможности узнать, гдѣ онъ находится, и придти ему на помощь.

Международный комитетъ помощи военноплѣннымъ, дѣйствующій всего около мѣсяца, явился для военноплѣнныхъ истиннымъ ангеломъ-хранителемъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Франціи и Германіи несутся теперь къ Женевѣ упованія и горячая благодарность многихъ тысячъ людей. Къ сожалѣнію, заинтересованныя въ его дѣятельности государства не оказываютъ комитету достаточно ревностной поддержки и часто заставляютъ долго ждать списковъ военноплѣнныхъ. Во главѣ комитета, работающаго подъ флагомъ международнаго комитета Краснаго Креста (предсѣдатель его Густавъ Адоръ), стоитъ Максъ Дольфусъ. Въ распоряженіи комитета около 300 сотрудниковъ-добровольцевъ, принадлежащихъ къ разнымъ кругамъ мѣстнаго населенія. Черезъ комитетъ ежедневно проходитъ болѣе 15.000 писемъ. Онъ ежедневно разсылаетъ по назначенію до 7.000 писемъ и денежныхъ переводовъ, среднимъ числомъ тысячи на четыре франковъ. Вначалѣ онъ располагалъ довольно скудными свѣдѣніями, но уже теперь онъ ежедневно выдастъ не менѣе тысячи справокъ о военноплѣнныхъ, и число это растетъ по мѣрѣ полученія болѣе полныхъ списковъ отъ правительствъ враждующихъ государствъ.

Работа его благотворна не только тѣмъ, что устанавливаетъ сношенія между плѣнными воинами и ихъ семьями. Благодаря своей гуманной миротворческой дѣятельности и безпристрастному ознакомленію съ положеніемъ вещей въ враждующихъ странахъ, онъ можетъ содѣйствовать смягченію ненависти, распаляемой въ сердцахъ недобросовѣстными разсказами, и доказать, что

и въ душѣ самаго ожесточеннаго врага теплится живое человѣческое чувство. Онъ можетъ обращать вниманіе правительствъ или, по крайней мѣрѣ, общественнаго мнѣнія на случаи, гдѣ возможно быстрое соглашеніе въ интересахъ обѣихъ сторонъ... какъ, напримѣръ, обмѣнъ тяжко ранеными, для которыхъ совершенно исключена возможность принимать еще когда-либо участіе въ войнѣ и медленное умираніе которыхъ вдали отъ близкихъ является никому ненужной жестокостью.

Комитетъ можетъ, наконецъ, и разумно руководить великодушными жертвователями, съ такой готовностью идущими навстрѣчу нуждающимся, указывая тѣхъ, которые наиболѣе нуждаются въ помощи: раненыхъ плѣнныхъ, выздоравливающихъ, не имѣющихъ ни бѣлья, ни обуви, ни другихъ вещей, которыми враждебное правительство не въ состояніи ихъ снабжать.

Вмѣсто того, чтобы осыпать подарками (которые, впрочемъ, никогда не бываютъ лишними, и сражающіяся арміи и ихъ соотечественники обязаны и имѣютъ возможность снабжать всѣмъ, что имъ нужно), лучше, конечно, направлять пожертвованія наиболѣе нуждающимся въ помощи военноплѣннымъ—слабымъ, разбитымъ и одинокимъ...

Но есть еще одинъ разрядъ плѣнныхъ, и на нихъ-то я хотѣлъ бы, главнымъ образомъ, обратить вниманіе моихъ читателей—потому, что ихъ положеніе прямо трагическое. Я говорю о плѣнныхъ мирныхъ гражданахъ, не стоящихъ подъ защитой международныхъ обязательствъ.

Это одно изъ новшествъ этой дикой войны, какъ будто поставившей себѣ задачей глумленіе надъ всѣми человѣческими правами. Въ предыдущихъ войнахъ практиковались время отъ времени только аресты нѣсколькихъ заложниковъ въ обезпеченіе выполненія завоеваннымъ городомъ извѣстныхъ обязательствъ. Но никогда и рѣчи быть не могло объ ограбленіи цѣлыхъ мѣстностей или уводѣ мирнаго населенія города, какъ это дѣлалось древними завоевателями и съ самаго начала этой войны опять вошло въ моду.

И такъ какъ никто такого обстоятельства не предвидѣлъ, то ничего и не предпринималось для того, чтобы упорядочить положеніе такихъ плѣнныхъ—безъ нарушенія права войны, если возможно сопоставленіе такихъ словъ, какъ право и война. И такъ какъ въ пылу битвъ трудно было удѣлять вниманіе такимъ вопросамъ, то рѣшили и вовсе не считаться съ этими плѣнными. Они какъ будто и не существуютъ. Но, увы, они существуютъ. Ихъ цѣлыя тысячи и во всѣхъ враждующихъ межъ собою странахъ. Кому принадлежитъ инициатива увода мирныхъ гражданъ—трудно еще сказать съ увѣренностью. Но по всѣмъ даннымъ, Германія уже во второй половинѣ іюля 1914 г. арестовала значительное число мирныхъ эльзасцевъ. Въ отвѣтъ на это Франція на второй день послѣ объявленія о мобилизаціи отвѣтила арестомъ германцевъ и австрійцевъ, находившихся на ея территоріи. Такіе же массовые аресты произведены были вслѣдъ затѣмъ въ Германіи и Австріи. Завоеваніе Бельгіи и вторженіе въ сѣверныя провинціи Франціи повлекли за собою ростъ этихъ репрессій, сопровождавшихся уже и насиліями. Германцы, отступая послѣ пораженія на Марнѣ, методически уводили

изъ деревень и городовъ Пикардіи и Фландріи все населеніе, способное носить оружіе. Изъ Дуэ они увели 500 человѣкъ. Въ Амьенѣ 1.800 человѣкъ, которымъ велѣно было собраться передъ крѣпостью, подъ предлогомъ переписи, тотчасъ же были уведены. Имъ не разрѣшили даже забѣжать на нѣсколько минутъ домой, чтобы взять смѣну платья.

Многіе случаи такого увода въ плѣнъ не оправдывались даже военной необходимостью. Въ деревнѣ Компіусъ—на Марнѣ—саксонцы арестовали дряхлаго семидесятитрехлѣтняго кюре, едва передвигавшаго ноги, и пятерыхъ крестьянъ въ возрастѣ отъ шестидесяти до семидесяти лѣтъ, изъ которыхъ одинъ былъ хромой, и угнали ихъ пѣшкомъ. Въ иныхъ мѣстахъ они уводили женщинъ, дѣтей. Семейства, которыя уводили сразу, въ одной группѣ, еще благословляли свою судьбу. Но я знаю случаи, когда обезумѣвшіе отъ горя мужья разыскивали своихъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей, исчезнувшихъ послѣ прохода нѣмцевъ черезъ Кьевршенъ (сѣверъ Франціи).

Изъ деревни Гвебвиллеръ французы увели мать и дѣтей; дѣтей они скоро отослали на родину, а мать удержали въ качествѣ заложницы. Одинъ французскій капитанъ, раненый осколкомъ бомбы, узналъ, что жена его ранена нѣмецкой пулей; это было въ Помени (въ департаментѣ Мейрs и Мозель). Ее увезли куда-то, и всѣ его попытки разыскать жену оказались тщетными. Въ Виллеръ-о-Ванъ нѣмецкій отрядъ увелъ отъ мужа жену, шестидесятитрехлѣтнюю старуху. Въ Мюльгаузенѣ оторвали отъ матери шестнадцатилѣтнюю дѣвочку.

Въ этихъ уводахъ, нелѣпыхъ и жестокихъ, не было, конечно, и тѣни человѣческаго чувства. Люди изощря-

лись въ жестокости и умышленно разлучали близкихъ другъ другу людей. Роднымъ не давали никакой возможности узнавать о мѣстонахожденіи уведенныхъ въ плѣнъ. О Бельгіи я-и не говорю. То, что тамъ происходитъ, окружено могильной тайной. За три мѣсяца оттуда до насъ не дошли никакія извѣстія. Мы не знаемъ, цѣлы ли еще бельгійскіе города, деревни. Передо мною лежатъ письма родителей (нѣкоторые изъ нихъ даже не принадлежатъ ни къ одной изъ воюющихъ націй), умоляющихъ дать имъ какія-либо свѣдѣнія объ ихъ дѣтяхъ: о двѣнадцатилѣтнемъ, о восьмилѣтнемъ ребенкѣ, задержанныхъ въ Бельгіи въ самомъ началѣ наступательныхъ дѣйствій германскихъ войскъ. Въ спискѣ этихъ исчезнувшихъ дѣтей (тоже военноплѣнные, очевидно) я нашелъ и четырехлѣтнихъ, и даже двухлѣтнихъ гражданъ (неужели это военнообязанные?).

Мы знаемъ, какіе тревожные дни переживаютъ люди, оставшіеся въ захваченныхъ непріятелемъ мѣстностяхъ. Представьте себѣ положеніе людей, уведенныхъ въ плѣнъ безъ всякихъ средствъ и лишенныхъ возможности получать поддержку отъ родныхъ. Сколько ужасовъ узнаемъ мы изъ первыхъ писемъ, дошедшихъ до насъ отъ иностранцевъ, задержанныхъ въ Германіи или во Франціи,—мать съ маленькимъ больнымъ мальчикомъ, обладающая значительными средствами, нуждается въ предметахъ первой необходимости; другая,—съ двумя дѣтьми,—проситъ насъ передать ея роднымъ, что если она не вернется къ нимъ послѣ войны, значитъ—умерла съ голоду.

Врядъ ли кто слышалъ въ первые мѣсяцы войны, за шумомъ битвы, эти вопли горя... Красный Крестъ былъ заваленъ исполинской работой и могъ удѣлять вниманіе

только военноплѣннымъ. Правительства же совершенно игнорировали существованіе своихъ несчастныхъ гражданъ (стоитъ ли тратить время на людей, которыхъ нельзя использовать въ цѣляхъ войны?). А, между тѣмъ, это самыя невинныя жертвы схватки. Они не принимали въ ней никакого участія и совершенно не были подготовлены къ обрушившемуся на нихъ несчастью.

Но нашелся одинъ хорошій человѣкъ; онъ не попеняетъ мнѣ, надѣюсь, за то, что я назову его имя—докторъ Феррьере, который принялъ къ сердцу горе этихъ парієвъ войны. Онъ пламенно отдался заботамъ о плѣнныхъ, и благодаря его упорнымъ стараніямъ при Красномъ Крестѣ вскорѣ создался комитетъ помощи несчастнымъ. Онъ работалъ, не останавливаясь передъ затрудненіями, не смущаясь препятствіями. Началъ онъ съ того, что составилъ списки исчезнувшихъ, затѣмъ, обнадеживая и успокаивая ихъ родныхъ, направилъ всѣ свои усилія на разузнаваніе мѣстъ заключенія, и мало-по-малу эти плѣнники получили возможность переписываться со своими родными и друзьями. Какая это отрада, когда можно сообщить семьѣ, что найденъ сынъ, найденъ отецъ! Каждый изъ членовъ нашего комитета—я тоже имѣю честь состоять въ немъ теперь—испытываетъ при этомъ такую радость, словно дѣло идетъ о человѣкѣ, близкомъ всѣмъ намъ!

И случаю угодно было, чтобы въ первомъ такомъ письмѣ, которое мнѣ пришлось написать, я сообщилъ радостную вѣсть моимъ землякамъ, живущимъ въ моемъ родномъ городкѣ.

Въ настоящее время комитетъ развилъ уже широкую дѣятельность. Мы имѣемъ возможность оказывать немед-

ленную помощь въ исключительно несчастныхъ случаяхъ. Между правительствами враждующихъ странъ состоялось соглашеніе, по которому женщины и дѣти моложе семнадцати лѣтъ и мужчины старше шестидесяти лѣтъ подлежатъ немедленному освобожденію. Возвращеніе освобождаемыхъ на родину началось уже 23-го октября при содѣйствіи бернскаго комитета, учрежденнаго союзнымъ совѣтомъ. Ближайшая наша задача (если не будетъ возможности освободить всѣхъ изъ плѣна), это разузнать, по крайней мѣрѣ, гдѣ они находятся, и дать имъ возможность вступить въ переписку съ ихъ родными. Въ такихъ случаяхъ приходится разсчитывать больше на рвеніе частныхъ лицъ, чѣмъ на правительства. Друзья наши въ Германіи, въ Австріи и въ предѣлахъ Франціи, къ которымъ мы обратились съ предложеніемъ оказывать намъ содѣйствіе, тотчасъ же горячо откликнулись на нашъ призывъ. Лишь въ такихъ вопросахъ, стоящихъ выше національнаго самолюбія, проявляется братство истребляющихъ другъ друга народовъ и все святотатственное безуміе войны. Ахъ, какъ мы всѣ близки, друзья и враги, какъ тѣсно единитъ насъ страданіе, для облегченія котораго мало всѣхъ рукъ человѣческихъ. Послѣ трехъ мѣсяцевъ братоубійственной воины намъ привелось, наконецъ, испытать отрадное, освѣжающее дуновеніе человѣчности, и теперь яростные клики неистовствующихъ, разжигающихъ ненависть газетъ внушаютъ намъ еще больше отвращенія и жалости. Чего онѣ добиваются? Онѣ требуютъ возмездія за преступленія и сами же совершаютъ ихъ: потому что смертоносныя слова сѣютъ смерть. Организмъ, снѣдаемой лихорадкой Европы, съ болѣзненной чуткостью отражаетъ каждое слово, каждый звукъ. На злобу онъ отвѣчаетъ

острой и жгучей ненавистью. Кабинетные герои, бойкіе щелкоперы, удары ваши падаютъ чаще всего на вашихъ же соотечественниковъ, на вашихъ же солдатъ, на вашихъ же плѣнныхъ, находящихся во власти врага. Они отвѣчаютъ за зло, содѣянное вами, а вы... вы не отвѣчаете за свои поступки...

Прекратить войну не въ нашей власти. Но долгъ нашъ всѣми силами смягчать ея жестокость. Есть врачи, цѣлящіе физическіе недуги. Нужны врачи, которые бы искусно прочищали и лечили раны злобы и мести, которыми люди отравили свои души. И мы, пишущіе, мы должны взять на себя эту задачу. И въ то время, какъ улей Краснаго Креста собираетъ свой медъ подъ грохотъ пуль, мы, какъ библейскія пчелы въ пасти мертваго льва, будемъ поддерживать его, слѣдовать мысленно за походными лазаретами и поднимать падающихъ на поляхъ сраженій. Великая скорбь должна образумить обезчестившую себя Европу. Она должна открыть глаза ослѣпленнымъ гордостью народамъ и показать имъ, что всѣ они жалкіе, равные передъ горемъ и что не углублять надо это горе, а общими усиліями одолѣвать его.

30 октября 1914 г.

VI.

Народу, страдающему во имя справедливости.

(Для книги короля Альберта).

2 ноября 191... г. День всѣхъ святыхъ.

Бельгія создала героическую поэму, которая будетъ жить въ памяти потомства много, много вѣковъ. Подобно тремстамъ спартанцевъ, боролась маленькая бельгійская армія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ германскимъ колоссомъ. Леманъ — Леонидъ, Ѳермопилы — Льежъ, Лувэнъ—сожженная Троя. Героическій король Альбертъ, окруженный своими сподвижниками. Сколько легендарной красоты въ этихъ герояхъ, которыхъ не коснулась еще кисть исторіи. Героизмъ этого народа, безъ единой жалобы пожертвовавшаго собою во имя своего достоинства, вспыхнулъ свѣтозарной молніей въ эпоху, когда побѣдоносная

Германія утверждала господство политическаго реализма, самоувѣренно опиравшагося на силу и корысть. Это было долгожданное освобожденіе идеализма Западной Европы. И чудомъ казалось намъ всѣмъ, что первый сигналъ къ освобожденію данъ былъ этимъ маленькимъ народомъ.

Чудомъ люди называютъ внезапное проявленіе скрытаго естества. Народы и отдѣльныя личности лучше всего познаются въ внезапной опасности. Сколько неожиданнаго явила намъ эта война въ окружающихъ насъ, въ близкихъ намъ людяхъ! Сколько героическихъ сердецъ, сколько яростнаго звѣрства! Но передъ нами раскрываются не новыя души, а лишь нѣдра души человѣческой.

Въ этотъ страшный часъ проснулся дремавшій духъ бельгійскаго народа. Мужество, которое она проявила за три послѣднихъ мѣсяца, внушаетъ намъ чувство глубокаго изумленія. Но оно, нисколько не поражаетъ тѣхъ, кто слѣдилъ за историческимъ развитіемъ этого народа, маленькаго по своей территоріи и численности и одного изъ самыхъ большихъ въ Европѣ по напряженности и кипучести жизненныхъ силъ. Люди этой страны никогда не уклонялись отъ войны съ своими могучими сосѣдями, королями Франціи и Испаніи. Исторія Бельгіи—непрерывная смѣна героевъ и жертвъ, Артевельдовъ и Эгмонтовъ. Эта страна, впитавшая въ себя кровь милліоновъ людей, дала самую пышную въ Европѣ духовную жатву. Изъ этой страны вышла современная живопись, лучезарнымъ предтечей которой была еще въ эпоху Возрожденія школа ванъ-Дейка. Отсюда вышла и современная музыка, въ теченіе двухъ съ лишкомъ вѣковъ орошавшая своими свѣжими струями Францію, Германію и Италію. Отсюда пошелъ и великолѣпный расцвѣтъ современной поэзіи.

И два самыхъ блестящихъ представителя французской литературы, Метерлинкъ и Верхарнъ, — бельгійцы. Это народъ, много и тяжко страдавшій, мужественно и бо ро переносившій свои страданія, народъ-мученикъ Филиппа II и императора Вильгельма. Это народъ Рубенса, народъ кермессъ и Тилля Уленшпигеля. Кто не знаетъ изумительной эпической поэмы Шарля де-Костера?

Помните героическія, веселыя и славныя приключенія Уленшпигеля и Ламма Геджака, двухъ фландрскихъ весельчаковъ, достойныхъ итти рядомъ съ безсмертнымъ Донъ-Кихотомъ и Санхо-Панча? Кто охватилъ этотъ неукротимый духъ, суровый и веселый, мятежный, бунтующій по самой природѣ своей противъ всякой власти, изъ всѣхъ испытаній выходящій смѣющимся и радостнымъ,—тому ясно, какой удѣлъ у народа, давшаго міру Уленшпигеля, и тотъ въ самые мрачные часы съ твердой надеждой ждетъ близкой зари его радости и счастья. Пусть Бельгія завоевана—бельгійскій народъ никогда не будетъ ни завоеванъ, ни покоренъ и не можетъ умереть.

Помните заключительныя строки книги объ Уленшпигелѣ? Его считали умершимъ и собирались уже хоронить, когда онъ вдругъ проснулся и сказалъ:

«Неужели можно похоронить Уленшпигеля—духъ, и Неле — сердце нашей матери, Фландріи? Мы можемъ уснуть, но умереть—никогда. Пойдемъ, Неле».

«Онъ ушелъ, напѣвая свою шестую пѣснь. И никому невѣдомо, гдѣ онъ допѣлъ послѣднюю пѣснь свою».

VII.

Моимъ обвинителямъ.

До меня съ нѣкоторымъ опозданіемъ дошло въ Женеву извѣстіе о кампаніи, поднятой противъ меня нѣкоторыми французскими газетами по поводу статей, напечатанныхъ мною въ «Journal de Génève», вѣрнѣе по поводу нѣсколькихъ недобросовѣстно подобранныхъ выдержекъ изъ этихъ статей, потому что самыхъ статей моихъ почти никто во Франціи не читалъ.

Въ отвѣтъ на эти нападки мнѣ остается только собрать мои статьи въ одну книжку и выпустить ее въ Парижѣ. Я ни одного слова въ свое оправданіе не добавлю, такъ какъ въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни одной строки, которую я не считалъ бы своимъ правомъ и долгомъ написать.

Я полагаю, впрочемъ, что теперь и не время защищать себя отъ какихъ бы то ни было нападокъ. Те-

перь слишкомъ много и несравненно болѣе важнаго дѣла. Надо защищать другихъ, надо защищать тысячи жертвъ, которыхъ ежедневно выбрасываетъ война. Тратой времени на полемику съ противниками мы обворовываемъ этихъ несчастныхъ плѣнныхъ и ихъ родныхъ, которыхъ мы всѣми силами стараемся приблизить другъ къ другу.

Но такъ какъ эти газеты нападали не только на меня, но и на идеи, на задачу, которую я считаю задачей истинной Франціи, и такъ какъ мои друзья ждутъ, чтобы я выступилъ на защиту тѣхъ моихъ мыслей, которыя и они раздѣляютъ, то я пользуюсь предложеннымъ мнѣ гостепріимствомъ и отвѣчу откровенно и чистосердечно на моемъ родномъ французскомъ языкѣ [1]).

Я напечаталъ до сихъ поръ четыре статьи: 1) Письмо Гергардту Гауптману,—на слѣдующій день послѣ разрушенія Лувэна. 2) Въ сторонѣ отъ схватки. 3) Изъ двухъ золъ наименьшее, и 4) Inter arma caritas.

Въ этихъ четырехъ статьяхъ я говорилъ, что изъ всѣхъ имперіалистическихъ тенденцій прусскій имперіалистическій милитаризмъ представляетъ наибольшую опасность для міра и что это врагъ европейской свободы, врагъ западно-европейской культуры, наконецъ, врагъ самой Германіи и что необходимо его уничтожить. Полагаю, что на это никто мнѣ возражать не станетъ.

Въ чемъ-же меня упрекаютъ? Я выразилъ свое несочувствіе обращенію союзниковъ къ державамъ Азіи

[1]) Редакторъ одной большой парижской газеты предложилъ мнѣ отвѣтить печатно на нападки моихъ соотечественниковъ. Я послалъ ему эту статью, которой онъ, однако, въ своей газетѣ не помѣстилъ. *Ром. Ролланъ.*

и Африки и, повторяю свои слова, я вижу въ такомъ объединеніи серьезную и близкую опасность для Европы и для самихъ союзниковъ, и первые симптомы этой надвигающейся опасности мы видимъ уже въ назрѣвающемъ возстаніи мусульманъ. Но не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ. Мнѣ ставятъ на видъ, главнымъ образомъ:

1) То, что я не подвожу подъ одинъ знаменатель весь нѣмецкій народъ и его вождей какъ военныхъ, такъ и духовныхъ.

2) То, что я продолжаю относиться съ уваженіемъ и дружескимъ чувствомъ къ нѣкоторымъ представителямъ этого народа, съ которымъ мы воюемъ.

Отвѣчу прежде безъ обиняковъ на второй вопросъ. Да, у меня есть друзья среди нѣмцевъ, такъ же, какъ и среди французовъ, итальянцевъ, англичанъ и другихъ народовъ. Это мой кладъ, я горжусь имъ и берегу его.

Когда человѣку выпадаетъ на долю счастье встрѣтить на жизненномъ пути хорошихъ людей, съ которыми онъ можетъ дѣлить самыя свои сокровенныя думы, съ которыми его связываютъ братскія узы, то онъ дорожитъ этими узами и, конечно, не станетъ разрывать ихъ въ часъ тяжкихъ испытаній.

Какимъ трусомъ показалъ бы себя человѣкъ, который робко отрекся бы отъ нихъ въ угоду навязчивому общественному мнѣнію, не имѣющему никакихъ правъ на наше сердце? Неужели любовь къ родинѣ требуетъ отъ человѣка черствости сердца, которая, я знаю, расцвѣчивается эпитетами героической, корнельевской? Но на это самъ Корнель отвѣтилъ:

«Васъ Альба назначилъ—я васъ не знаю.

«Я знаю васъ, и въ этомъ моя мука».

Я когда-нибудь докажу, письмами, которыя я получаю, сколько въ такихъ дружескихъ связяхъ печали и трагизма. Но, благодаря этимъ связямъ, мы можемъ предохранять свою душу отъ ненависти, которая страшнѣе войны, потому что ненависть,—это уже гноящаяся рана, и она также мучительна для того, кому она нанесена, какъ и для того, кто ее нанесъ.

Я съ тоской смотрю, какъ разливается по жиламъ человѣчества убійственный ядъ. Жестокости и опустошенія, совершенныя германскими войсками, вызвали у потерпѣвшаго населенія жажду мщенія, которая вполнѣ понятна, но которой печать никоимъ образомъ не должна разжигать потому, что это желаніе можетъ повести къ несправедливостямъ, опаснымъ не только для побѣжденнаго, но прежде всего для побѣдителя.

Самая благородная въ этой войнѣ роль выпала на долю Франціи, и что еще важнѣе—міръ призналъ уже прекрасную значительность этой роли. Одинъ нѣмецъ писалъ мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: «Франція одержала въ этой войнѣ чудесную нравственную побѣду. Сочувствіе всего міра несется теперь къ ней. И что всего удивительнѣе—сама Германія питаетъ тайную нѣжность къ своему противнику».

Всѣ наши помыслы должны быть направлены на то, чтобы она донесла до конца эту нравственную побѣду во всей ея чистотѣ и человѣчности.

Я никогда не дѣлалъ отличія между нравственными задачами Франціи и всего человѣчества. И потому, что

я—французъ, я уступаю нашимъ врагамъ—пруссакамъ—девизъ: «Oderint, dum metuant».

Я хочу, чтобы Франція была любима, я хочу, чтобы она побѣждала не только силой и не только правомъ (въ этомъ тоже немало жестокости), но превосходствомъ своего великаго, благороднаго сердца.

Я хочу, чтобы она была настолько сильна, чтобы побѣждать безъ ненависти и чтобы, даже побѣждая, она видѣла въ побѣжденныхъ ею только заблуждающихся братьевъ, которыхъ надо жалѣть, обезвредивъ ихъ.

Наши солдаты это понимаютъ. Я не буду останавливаться теперь на письмахъ, которыя мы получаемъ съ фронта и въ которыхъ такъ ясно сквозитъ братское сочувствіе между сражающимися. Находящіеся вдали отъ поля битвы, тѣ, кто только говорятъ, пишутъ и пребываютъ въ искусственномъ вынужденномъ возбужденіи, которому не находятъ исхода,—тѣ подвержены приступамъ болѣзненной ярости. И они-то и представляютъ главную опасность. Они—общественное мнѣніе, они—единственные имѣющіе возможность высказываться (другіе вынуждены молчать)... И только для нихъ я и пишу эти строки, а не для тѣхъ, кто непосредственно участвуютъ въ этой войнѣ: тѣхъ мы ничему научить не въ состояніи...

И когда я вижу, что публицисты не останавливаются ни передъ какими возбуждающими вымыслами, чтобы только разжечь ненависть въ народѣ и направить всю его духовную энергію на ненависть къ нашимъ противникамъ, я чувствую, что мой долгъ поднять голосъ противъ того, что я считаю и нравственнымъ заблужденіемъ, и политической ошибкой. Мы воюемъ съ государствомъ, а не съ

народомъ. И дико взваливать на шестьдесятъ пять милліоновъ людей отвѣтственность за дѣянія нѣсколькихъ тысячъ, быть можетъ нѣсколькихъ сотенъ людей. Я живу во французской Швейцаріи, исполненной такой горячей симпатіи къ Франціи, но вынужденной сдерживать свои чувства, и за эти три мѣсяца по письмамъ и газетамъ, получаемымъ мною изъ Германіи, внимательно изучаю настроенія германскаго народа. Я имѣлъ возможность отмѣтить много фактовъ, ускользающихъ отъ большинства французовъ. Что больше всего поразило меня, что явилось для меня полной неожиданностью, это то, что въ Германіи, въ общемъ, нѣтъ вовсе настоящей ненависти къ Франціи,—вся ненависть направлена противъ Англіи.

Французская культура никогда такъ сильно не привлекала Германію, какъ въ послѣдніе два, три года, и это только усугубляетъ трагизмъ положенія... Въ Германіи начинали уже узнавать настоящую Францію, Францію труда и вѣры... Среди новыхъ поколѣній нѣмцевъ, среди молодежи, которую повели на бойню въ Ипръ и Диксмюде, находились восторженные идеалисты, зачарованные мечтой о всемірномъ братствѣ. Надо ли говорить о томъ, что для многихъ изъ нихъ война была ужасомъ, «несчастьемъ, позоромъ, отреченіемъ отъ идеала, отрицаніемъ духа»,— какъ писалъ одинъ изъ нихъ наканунѣ смерти. Говорить ли о томъ, что многіе молодые германцы оплакивали смерть Пеги? Никто этому не повѣритъ. Но придется повѣрить, когда я напечатаю весь матеріалъ, имѣющійся у меня на рукахъ.

Зато во Франціи знаютъ, что германскій народъ, оплетенный сѣтью лжи своего правительства, въ своемъ чистосердечномъ, слѣпомъ и упорномъ довѣріи къ нему

убѣжденъ, что весь міръ завидуетъ ему, что онъ окруженъ злостными врагами и что онъ долженъ всѣми силами защищать себя или погибнуть.

Франція, вѣрная своимъ рыцарскимъ традиціямъ, воздаетъ должное храбрости противника. Она признаетъ, что его готовность на жертву, за отсутствіемъ другихъ достоинствъ, не знаетъ границъ. И, стало быть, большая ошибка доводить его до отчаянія. Вмѣсто того, чтобы толкать этотъ ослѣпленный народъ къ трагизму героической самозащиты, попытайтесь открыть ему глаза. Это не невозможно. Одинъ эльзасскій патріотъ, котораго врядъ ли можно заподозрѣть въ пристрастіи къ Германіи, д-ръ Бюхеръ изъ Страсбурга, говорилъ мнѣ однажды, что, когда нѣмецъ даже напичканъ всякими нелѣпыми предразсудками, тщательно укрѣпляемыми въ немъ его воспитателями, съ нимъ все-таки можно спорить, потому что его логичный умъ добросовѣстно считается съ доводами противника. Я вижу подтвержденіе этимъ словамъ въ тайной эволюціи, совершающейся въ психикѣ многихъ германцевъ. Во многихъ письмахъ, которыя я прочиталъ за послѣдній мѣсяцъ, сквозятъ уже тревожныя сомнѣнія въ законности дѣйствій Германіи въ Бельгіи. Я наблюдалъ, какъ постепенно назрѣвали эти сомнѣнія въ сознаніи людей, еще недавно увѣренныхъ въ своей правотѣ. Путь истины дологъ. Но свѣтъ ея раньше или позже долженъ разгорѣться... Пускай же оружіемъ нашимъ будетъ истина. Мы должны, подобно солдатамъ Революціи, духъ которой воскресаетъ въ нашихъ войскахъ, сражаться не только противъ, но и за нашихъ враговъ. Освобождая міръ, освободимъ также ихъ. Франція не можетъ разорвать однѣхъ оковъ только затѣмъ, чтобы навязать міру другія.

Вы думаете о побѣдѣ? Я думаю о грядущемъ мирѣ. И сколько бы самые воинственные изъ васъ ни бряцали оружіемъ и ни утѣшали насъ забавными посулами безпрерывной войны,—какъ выразился одинъ писатель: *«войны, которая будетъ длиться послѣ войны, до безконечности...»* (она все-таки должна будетъ кончиться, когда всѣ перебьютъ другъ друга),—раньше или позже вамъ и вашимъ зарейнскимъ сосѣдямъ все же придется протянуть другъ другу руки—хотя бы ради того, чтобы столковаться объ общихъ дѣлахъ... Раньше или позже вы должны будете возстановить сносныя человѣческія отношенія... Не уничтожайте же всѣхъ мостовъ, вѣдь намъ придется переходить черезъ рѣку! Не разрушайте будущаго! Открытая, чистая рана можетъ зажить. Не отравляйте же ее! Мы должны охранять себя отъ ненависти. Если во время мира, какъ говоритъ государственная мудрость, надо подготовлять войну, то во время войны надо подготовлять миръ. Мнѣ кажется, что это достойнѣйшая задача для насъ, находящихся внѣ зоны битвы и, благодаря нашей творческой дѣятельности, тѣснѣе другихъ связанныхъ съ міромъ, съ немногочисленной мірской церковью, которая свято блюдетъ свою вѣру въ единство человѣческой мысли и вѣритъ, что всѣ люди—дѣти одного отца... Во всякомъ случаѣ, если такая вѣра навлекаетъ на насъ хулу, то она дѣлаетъ намъ честь, и потомство наше сумѣетъ ее оцѣнить.

17 ноября 1914 г.

VIII.

Идолы.

На протяженіи сорока слишкомъ вѣковъ усилія величайшихъ умовъ, обрѣвшихъ внутреннюю свободу, направлены были на то, чтобы пріобщать братьевъ своихъ радости этой свободы, научить ихъ прямо и безстрашно глядѣть правдѣ въ глаза, относиться къ себѣ безъ ложной гордости и безъ ложной скромности, учитывать всѣ свои слабыя и сильныя стороны, для того, чтобы имѣть возможность подчинять ихъ своей волѣ и находить надлежащее примѣненіе своимъ силамъ... Путь, который проходили эти люди, они освѣщали, какъ звѣзда волхвовъ, лучами своей мысли, сіяніемъ своей жизни...

Усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіе сорока вѣковъ человѣчество оставалось въ рабствѣ—я говорю не о властелинахъ: это рабство земное, и цѣпи эти раньше или позже неизмѣнно падаютъ, — но о рабствѣ у призра-

ковъ своего духа. Рабство человѣчества — въ немъ самомъ. Отдѣльныя личности жертвуютъ своей жизнью для того, чтобы разорвать путы, связывающіе человѣчество. Оно вновь скрѣпляетъ концы и вновь опутываетъ себя. Каждаго освободителя оно возводитъ въ властелина и каждый идеалъ, который могъ бы привести его къ освобожденію, превращаетъ въ грубаго идола. Исторія человѣчества—это исторія господства идоловъ, смѣняющихъ другъ друга. И кажется даже, что, по мѣрѣ того, какъ человѣчество становится старше, власть идола надъ нимъ все мощнѣй и пагубнѣй...

Вначалѣ оно поклонялось божествамъ изъ дерева, камня или металла.

Но этихъ могъ сокрушить и топоръ и огонь... Ихъ смѣнили другіе, не подверженные воздѣйствіямъ извнѣ, идолы, запечатлѣнные въ безплотномъ духѣ человѣческомъ. И, тѣмъ не менѣе, идолы эти жаждали царства земного. Народы проливали за нихъ лучшую свою кровь. И революціонныя войска пушками утверждали въ Европѣ господство идоловъ религіи, отечества, свободы... Смѣнились властелины, рабы остались тѣ же... Нашъ вѣкъ позналъ новыхъ идоловъ: идола расы, рожденнаго возвышеннѣйшими мечтами, но въ лабораторіяхъ кабинетныхъ ученыхъ превратившагося въ Молоха, котораго Германія 1870 г. натравила на Францію и котораго противники ея, очевидно, намѣрены теперь выставить противъ Германіи. Новѣйшій идолъ, это уже подлинный продуктъ германской науки, связанной братскими узами съ промышленностью, торговлей и фирмой Круппъ: идолъ культуры, окруженной левитами, германскими мыслителями...

* * *

Черта, общая культу всѣхъ идоловъ, это—приспособленіе идеала къ дурнымъ инстинктамъ человѣка. Человѣкъ культивируетъ тѣ пороки, которые ему выгодны. Но надо найти имъ законное оправданіе. Отказаться отъ нихъ онъ не желаетъ; тогда онъ идеализируетъ ихъ. Вотъ почему главная задача, которая поглощала всѣ помыслы человѣка въ теченіе многихъ вѣковъ, состояла въ примиреніи его идеала съ его посредственностью. Это ему всегда удавалось. Толпѣ же это не стоитъ никакого труда. Она механически прилаживаетъ свои хорошія качества къ дурнымъ, свой героизмъ къ своей пошлости... Въ вихрѣ уносящихъ ее страстей и быстромъ бѣгѣ дней она не замѣчаетъ своей нелогичности. Но интеллигенція, духовная знать нѣсколько требовательнѣе къ себѣ.

И не потому вовсе, что она безпристрастнѣй, сдержанѣй толпы.

Это—большое заблужденіе. Чѣмъ богаче и содержательнѣе душа человѣческая, тѣмъ жаднѣе она раскрывается для страстнаго чувства. И исторія показываетъ намъ яркими примѣрами, до какихъ жуткихъ крайностей доходили въ своихъ увлеченіяхъ фанатики вѣры или революціонные вожди... Но творцовъ мысли влечетъ работа тонкая, филигранная; ихъ отталкиваетъ грубая форма стадной мысли, петли которой поминутно соскакиваютъ со спицъ стройнаго мышленія... Они вяжутъ плотную ткань, въ которой инстинкты и идеи плотно пригнаны другъ къ другу. Изъ рукъ ихъ выходятъ чудовищныя произведенія. Укажите такому интеллигенту какой угодно идеалъ и какую угодно низкую страсть,—онъ всегда умудрится согласовать ихъ между собой. На поддержку убій-

ства, грабежа, поджоговъ призывается любовь къ Богу, любовь къ людямъ. Братство 93 года прекрасно уживалось со святой гильотиной. Мы видѣли, какъ въ наше время представители церкви оправдывали ростовщиковъ и застрѣльщиковъ войны. Всего какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ одинъ пасторъ изъ Вюртемберга [1]) доказывалъ, что ни Іоаннъ Креститель, ни Христосъ, ни апостолы ничего ровно противъ милитаризма не имѣли... Ловкій, не глупый интеллигентъ, престидижитаторъ мысли... «*Имѣю честь явить передъ почтенной публикой ловкость моихъ рукъ...*» Все искусство въ томъ, чтобы изъ всякой мысли извлечь, совершенно обратный выводъ, напримѣръ, братоубійственную войну изъ нагорной проповѣди или, какъ профессоръ Оствальдъ, изъ мечты о духовномъ интернаціонализмѣ—военную диктатуру кайзера.

Для этихъ Робертовъ Гуденовъ [2])—это пустякъ, дѣтская игра.

Вернемся, однако, къ словамъ Оствальда, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предсталъ вдругъ въ роли крестителя мессіанизма, и попытаемся разобрать сущность его заявленій.

Мы имѣемъ, прежде всего, дѣло съ идоломъ Культуры (made in Germany), Культуры, которая пишется

[1]) Евангелическій пасторъ Шренкъ въ своей статьѣ «Война и Новый Завѣтъ», перепечатанной вслѣдъ затѣмъ и швейцарскими газетами.

[2]) Робертъ Гуденъ — знаменитый французскій престидижитаторъ, жившій въ Парижѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.
Примѣч. переводчика.

съ прописной буквы, прямолинейно, четырьмя штрихами, какъ лошадь на барельефѣ (такъ выразился въ письмѣ ко мнѣ Мигуэль де-Унамуно). Кругомъ маленькіе боги, вышедшіе изъ его реберъ: Kulturstaat, Kulturbund, Kulturimperium...

«*Я хочу*,—такъ говоритъ докторъ Оствальдъ,—*я хочу открыть вамъ великую тайну Германіи. Мы, вѣрнѣе, германская раса, открыли двигательную мощь организаціи. Другіе народы живутъ подъ знакомъ индивидуализма, мы подъ знакомъ организаціи. Успѣхи организаціи,—это ступень къ болѣе высокой культурѣ*»...

Ясно, какъ день, не правда ли, что, подобно миссіонерамъ, идущимъ къ язычникамъ обращать ихъ въ вѣру Христову, въ сопровожденіи эскадры и десанта, первымъ дѣломъ учреждающимъ въ языческой странѣ банкирскую контору, окруженную пушками,—германская интеллигенція не можетъ эгоистично хранить для себя одной свои сокровища, она чувствуетъ потребность дѣлить ихъ со всѣмъ міромъ...

«*Германія стремится организовать Европу, потому что до сихъ поръ Европа не была организована... Мы стараемся извлечь изъ каждой личности максимумъ производительныхъ силъ, способствующихъ процвѣтанію общества. Для насъ это и есть наивысшая форма развитія личности.*

Не восхитительны ли эти слова о человѣческой «культурѣ»? Словно рѣчь идетъ о спаржѣ или артишокахъ! И вотъ этого счастья и этой выгоды, этого «максимума производительныхъ силъ», этой огородной культуры, этой свободы артишоковъ профессоръ Оствальдъ

и не хотѣлъ бы лишить остальные народы Европы. И, разъ они недостаточно развиты, чтобы съ восторгомъ птти навстрѣчу такимъ намѣреніямъ...

...«*война путемъ организаціи пріобщитъ ихъ къ болѣе высокой культурѣ*»...

Химикъ и философъ, въ настоящее время политическій дѣятель и стратегъ, широкими линіями рисуетъ картину побѣдъ Германіи и перекроенной Европы: Соединенные Штаты Европы подъ эгидой закованнаго въ латы кайзера, побѣжденная Англія, разоруженная Франція, искромсанная Россія... Товарищъ его, Геккель, дополняетъ эту заманчивую картину будущей Европы дѣлежомъ Бельгіи, Англіи и сѣверной Франціи; такъ размечталась, въ извѣстной баснѣ, Перетъ, пока не разбила свою кринку съ молокомъ. Но и Геккель и Оствальдъ, однако, умалчиваютъ о томъ, требовали ли интересы ихъ «болѣе высокой культуры» разрушенія рынка въ Ипрѣ, библіотеки въ Лувэнѣ и Реймсскаго собора. Запомнимъ только удивительную фразу Оствальда, произнесенную имъ послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ, опустошеній и проектовъ дѣлежа (онъ, навѣрно, и не подозрѣвалъ, сколько въ ней достойнаго Мольера трагическаго комизма): «*Какъ вамъ извѣстно, я—пацифистъ!*»

Но первосвященники при всей пылкости своихъ чувствъ все же обыкновенно сохраняютъ извѣстную дипломатическую сдержанность,—чего нельзя уже сказать объ остальномъ причтѣ. То же мы видимъ и среди этихъ Kulturmenschen. Рвеніе левитовъ, вѣроятно, не разъ приводило въ смущеніе Моисея и Аарона—Геккеля и Оствальда...

Я не знаю, какого они мнѣнія о статьѣ Томаса Манна, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Neue

Rundschau—Gedanken im Kriege». Но я знаю, какого мнѣнія о ней французская интеллигенція. Германія не могла дать ей болѣе остраго оружія противъ себя, какъ эта статья...

Маннъ, одержимый маніей величія и ослѣпленный дикимъ фанатическимъ патріотизмомъ, выбиваясь изъ силъ, взваливаетъ на Германію тягчайшія обвиненія, какія когда-либо возводились на нее. Въ то время, какъ Оствальдъ пытается отождествить задачи войны съ задачами культуры и цивилизаціи, Маннъ заявляетъ: «Межъ ними нѣтъ ничего общаго. Война ведется именно Культурой, то-есть Германіей противъ цивилизаціи...»

И, заносясь на вершины безумнаго бахвальства, опредѣляетъ цивилизацію словами: разсудокъ—Vernunft, пріятная обходительность или Sanftigung, Sittigung, умъ—Auflösung, Geist, а культуру величаетъ «*духовной организаціей міра*», которая не исключаетъ вовсе «кровавой ярости», *Культура*,—это «квинтъ-эссенція демонизма» (Die Sublimierung des Dämonischen). Она «выше морали, разсудка и науки».

И тогда, какъ Оствальдъ и Геккель видятъ въ милитаризмѣ только инструментъ, орудіе, которыми культура пользуется въ интересахъ побѣды, Томасъ Маннъ утверждаетъ, что культура и милитаризмъ связаны братскими узами, что идеалъ культуры—идеалъ милитаризма, что у нихъ общіе принципы, общій врагъ и врагъ этотъ — миръ, врагъ этотъ — духъ человѣческій... «Да, штатскій буржуазный духъ»... Онъ поднимаетъ и предлагаетъ своему отечеству знамя со стихами:

«Das Gesetz ist der Freund der Schwachen
Möchte gern die Welt verflachen,
Aber der Krieg lässt die Kraft erscheinen...»

(«Законъ—другъ слабыхъ. Онъ міръ ввергаетъ въ жалкое прозябанье. Война въ немъ силы пробуждаетъ»).

Въ этой преступной, какъ на аукціонѣ, надбавкѣ ярости Томасъ Маннъ, однако, оказался побѣжденнымъ. Оствальдъ славилъ побѣду культуры, хотя бы и путемъ насилія. Маннъ доказывалъ, что культура сама по себѣ—сила. И долженъ былъ явиться третій, сорвать послѣднее покрывало стыдливости и сказать:

«Нужна только сила и больше ничего». Мы всѣ читали выдержки изъ циничной статьи Максимиліана Гардена, называвшаго жалкой ложью растерянныя усилія германскаго правительства оправдать нарушеніе нейтралитета Бельгіи:

«*Къ чему весь этотъ шумъ?*—не посовѣстился онъ писать. «*Право куетъ намъ только сила*»...

«Власть имущіе, хозяева положенія никогда не подчиняются нелѣпымъ требованіямъ или постановленіямъ безсильной шайки». Развѣ это не признаки безумія, до котораго довели германскую интеллигенцію заносчивость и борьба, и развѣ это не признаки нравственной анархіи, царящей теперь въ этомъ государствѣ, организація котораго импонируетъ лишь людямъ, не видящимъ лѣса изъ за деревьевъ?..

Для кого не ясна слабость правительства, которое зажимаетъ ротъ соціалистической печати и терпитъ такія наглыя заявленія... Кто не понимаетъ, что такія слова позорятъ Германію передъ лицомъ всего міра?.. Эти жалкіе интеллигенты воображаютъ, что своей безстыжей кичливостью и хвастовствомъ идеями Ницше и Бисмарка они обнаруживаютъ какой-то героизмъ, импонирующій міру. Они только возстанавливаютъ его противъ

себя. Они хотятъ, что бы словамъ ихъ вѣрили... И, конечно, имъ вѣрятъ. Но вся Германія будетъ отвѣчать за безуміе нѣсколькихъ своихъ писателей. Самыми коварными ея врагами окажутся ея духовные вожди.

* * *

Въ моихъ словахъ нѣтъ никакого пристрастія. Я нисколько не горжусь и нашей французской интеллигенціей. Мнѣ одинаково чуждъ какъ идолъ расы, такъ и цивилизаціи, а также идолы латинской культуры, о которыхъ у насъ такъ много шумятъ. Я никакихъ идоловъ не выношу, даже идола человѣчности. Но, по крайней мѣрѣ, идолы, которымъ поклоняются мои соотечественники, менѣе опасны, они не предпринимаютъ наступательныхъ дѣйствій. И, наконецъ, даже самые экзальтированные французскіе интеллигенты всегда сохраняютъ здоровый и здравый смыслъ, тогда какъ у германскихъ интеллигентовъ, о которыхъ я выше говорилъ, его не осталось и слѣда. Надо, однако, имѣть мужество сказать: ни французскіе, ни германскіе интеллигенты не оказали большихъ услугъ здравому смыслу, они не сумѣли оградить его отъ ярости и безумія. И наблюдая ихъ растерянность, я вспоминаю прекрасныя слова Эмерсона:

— «Самая рѣдкая въ человѣкѣ черта, это—умѣніе дѣйствовать самостоятельно».

Все, что они дѣлали и писали за все это время, навѣяно было имъ другими, извнѣ, слѣпымъ и властнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Я не осуждаю тѣхъ, кто вынуждены были молчать—потому ли, что они находились въ рядахъ дѣйствующей арміи, или потому, что цензура, свирѣпствующая въ воюющихъ странахъ, замыкала имъ

уста. Но позорная слабость, съ которой духовные вожди сложили оружіе передъ коллективнымъ безуміемъ, доказала, что это не были люди съ твердой волей...

Нѣсколько парадоксальныхъ замѣчаній въ моихъ книгахъ навлекли на меня обвиненіе въ томъ, что я веду кампанію противъ интеллигенціи; это было бы, по крайней мѣрѣ, нелѣпо со стороны человѣка, который, подобно мнѣ, всю свою жизнь посвятилъ культу мысли.

Но, сознаюсь, интеллектуализмъ часто казался мнѣ карикатурой на живую мысль, изуродованной, искаженной, обезплоченной мыслью, безсильной не только руководить жизнью, но даже понимать ее... Текущія событія окончательно убѣдили меня въ этомъ. Интеллигентъ живетъ, къ сожалѣнію, исключительно въ царствѣ тѣней, въ царствѣ идей. Но идеи сами по себѣ бытія не имѣютъ, жизненное содержаніе ихъ опредѣляется лишь извѣстными переживаніями или чаяніями; это стройныя заключенія или гипотезы, рамки для того, что было или будетъ, удобныя формулы, необходимыя формулы. Безъ нихъ нельзя ни жить, ни дѣйствовать... Но все горе въ томъ, что самыя идеи возводятся въ властную, подавляющую реальность. И никто не содѣйствуетъ этому въ такой мѣрѣ, какъ интеллигентъ, какъ писатель, который пользуется ими въ интересахъ своей профессіи. Въ силу профессіональнаго умственнаго уродства онъ всегда склоненъ подвести живую дѣйствительность подъ мертвую букву идеи. А если, вдобавокъ, его охватываетъ еще какая-нибудь коллективная страсть, то она, конечно, вливается въ ту идею, которая наиболѣе полно ее выражаетъ; она просачивается въ плоть его и кровь, а идея расцвѣчиваетъ ее... И отъ человѣка остается только призракъ

его духа, въ которомъ уживаются рядомъ безуміе сердца и безуміе мысли... И вотъ почему писатели, философы не только сильнѣе другихъ охвачены воинственной лихорадкой, но больше всѣхъ способствовали ея распространенію... Правда, они дольше другихъ и страдаютъ отъ нея, но въ этомъ ихъ возмездіе, потому что простые люди, входя въ неизбѣжную колею повседневной жизни заботъ, умѣряютъ свой пылъ и дѣлаютъ это безъ угрызеній совѣсти, писатели же опутаны сѣтью своей разсудочной діалектики, и каждая строка, выходящая изъ-подъ ихъ пера, плотнѣе стягиваетъ тенета, въ которыхъ они бьются... Мы наблюдаемъ, какъ въ солдатахъ всѣхъ странъ съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе таетъ ѣдкій дымъ ненависти; мы знаемъ, что изъ однихъ окоповъ въ другіе протягиваются нити братскаго единенія. Писатели же съ возрастающимъ рвеніемъ подбираютъ разжигающіе ярость факты. И можно безошибочно предсказать, что, когда въ народахъ угаснетъ самое воспоминаніе объ этой безсмысленной войнѣ, въ сердцахъ ихъ духовныхъ вождей все еще будетъ тлѣть ненависть и злоба...

Кто сокрушитъ этихъ кумировъ? Кто откроетъ глаза ихъ фанатичнымъ жрецамъ? Кто убѣдитъ ихъ въ томъ, что ни одному богу, измышленію ихъ разсудка, ни религіозному, ни мірскому, не дано права насильно навязывать себя другимъ людямъ, хотя бы онъ и былъ достойнѣе и лучше всѣхъ боговъ, и не дано ему право презирать людей за то, что они не признаютъ его. Допустимъ, что ваша культура, благодаря германскому удобренію, даетъ самые ученые, самые значительные человѣческіе ростки, но кто далъ вамъ право считать себя садовниками всего человѣчества? Воздѣлывайте вашъ садъ, предоставьте

намъ воздѣлывать нашъ... Есть одинъ священный цвѣтокъ, за который я отдамъ всѣ богатства вашей флоры, это—дикая фіалка свободы... Васъ она не волнуетъ, вы топчете ее ногами. Но она не погибнетъ—она переживетъ всѣ ваши казарменныя и тепличныя сокровища... Она не боится бурь: она выдержала и не такія грозы—страшнѣе той, что сейчасъ бушуетъ... Германскіе, французскіе писатели, вспахивайте и засѣивайте поля вашего духа,—но чтите и другія поля... Прежде, чѣмъ организовать весь міръ, вамъ слѣдовало бы организовать свой внутренній міръ. Постарайтесь, если это возможно, забыть на время про свои идеи и вглядитесь въ самихъ себя... И къ намъ тоже приглядитесь. Піонеры культуры и прогресса германской расы и латинскаго міра, взглянемъ въ глаза другъ другу...

Братъ, неужели ты не чувствуешь во мнѣ сердце, подобное твоему—и тѣ же страданія и тѣ же надежды, тотъ же эгоизмъ и тотъ же героизмъ и ту же власть мечты, упорно прядущую свою тонкую, какъ паутина, ткань? Неужели ты не видишь, что ты, это—я?—какъ сказалъ однажды старый Гюго одному изъ своихъ враговъ...

Истинный носитель творческой мысли, истинный интеллигентъ, это—тотъ, кто не возводитъ свое я и свой идеалъ въ центръ міра, но, озираясь кругомъ, видитъ, какъ млечный путь въ небесахъ, тысячи огоньковъ, среди которыхъ сіяетъ и пламя его собственной души, и не пытается ни заслонить ихъ, ни затмить, а благоговѣйно признаетъ ихъ право на существованіе и преклоняется передъ общимъ источникомъ огня...

Чуткость мысли ничего не стоитъ безъ чуткости сердца, и грошъ ей цѣна безъ здраваго смысла и

безъ духа живого, безъ здраваго смысла, который каждому народу, каждой личности указываетъ его мѣсто въ мірѣ; безъ духа живого, являющагося судьей заблуждающагося разума, воиномъ, который со своей колесницы передъ Капитоліемъ напоминаетъ торжествующему цезарю, что онъ плѣшивъ...

4 декабря 1914 г.

IX.

Во имя Европы.

Манифестъ писателей и мыслителей Каталоніи.

Національныя страсти разгораются. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ онѣ безпощадно терзаютъ нашу Европу. Но имъ не удастся изгладить образъ ея въ сердцахъ людей, оставшихся вѣрными ей. Онѣ только оживили нашу вѣру въ нее. Мы теперь только осознали все ея значеніе и нашу любовь къ ней. Во всѣхъ странахъ мы нашли невѣдомыхъ намъ дотолѣ братьевъ, сыновей одной и той же матери, вставшихъ, какъ одинъ человѣкъ, на ея защиту въ тотъ мигъ, когда другіе отступились отъ нея...

Къ намъ присоединился еще одинъ голосъ изъ Испаніи, голосъ испанской интеллигенціи. Вслушаемся въ призывъ этого рождественскаго колокола, который вѣтеръ до-

носитъ намъ съ Средиземнаго побережья. Вскорѣ мы услышимъ и колокола сѣверной Европы, а тамъ они сольются всѣ въ одномъ стройномъ хорѣ. Это благотворное для насъ испытаніе. Мы должны быть ему благодарны. Тѣ, кто разсчитывали разъединить, только тѣснѣе сплотили насъ.

31 декабря 1914 г.

Ромэнъ Ролланъ.

Манифестъ друзей духовнаго единенія Европы.

Группа барселонскихъ интеллигентовъ, стоящихъ столь же далеко отъ безличнаго интернаціонализма, сколько и отъ узкаго локализма, сплотилась съ цѣлью служенія своей непреклонной вѣрѣ въ духовное единство Европы, съ цѣлью служенія своимъ убѣжденіямъ, поскольку это возможно въ удушливой трагической атмосферѣ, созданной настоящими событіями...

Мы исходимъ изъ положенія, что страшная война, раздирающая на части Европу, въ сущности, означаетъ гражданскую войну.

Это не значитъ, однако, что всякая гражданская война—война несправедливая... Но, въ такомъ случаѣ, оправданіемъ ей можетъ быть только конфликтъ между задачами нравственнаго идеалистическаго характера. И если мы желаемъ торжества одной изъ нихъ, то лишь въ интересахъ всеобщей европейской республики и всеобщаго блага. Стало быть, ни одна изъ участвующихъ въ борьбѣ сторонъ не имѣетъ права добиваться гибели своего противника. Еще менѣе честно руководиться пре-

ступнымъ предположеніемъ, что какая-либо изъ сторонъ освобождается почему-то отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ...

И, однако, мы видѣли съ глубокой скорбью, какъ люди, пользуясь нравственнымъ авторитетомъ, неистово возглашали такія положенія и какъ они подхватывались— и не только толпою, не только малосознательной массой. Въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ казалось, что нашъ европейскій идеалъ потерпѣлъ полное крушеніе. Но въ самое послѣднее время наблюдаются уже другія настроенія. Имѣется уже множество указаній на то, что буря въ умахъ человѣческихъ утихаетъ и что въ скоромъ времени въ сознаніи лучшихъ людей вновь оживутъ вѣчныя духовныя цѣнности...

Мы ставимъ себѣ задачей всѣми силами содѣйствовать этому просвѣтленію человѣческаго сознанія. Мы не одиноки. За насъ во всѣхъ странахъ міра самыя пламенныя чаянія проницательныхъ умовъ и безмолвныя упованія чистосердечныхъ людей, которые, не считаясь съ личными симпатіями и тяготѣніями, остаются вѣрными возвышенной задачѣ духовнаго единенія человѣчества...

И мы увѣрены, что въ далекомъ будущемъ человѣчество оцѣнитъ наши скромныя усилія...

Прежде всего, мы будемъ предавать широкой гласности всѣ факты, заявленія, манифестаціи въ воюющихъ и нейтральныхъ странахъ, въ которыхъ въ той или иной степени проявлено честное безпристрастіе и благородное великодушіе...

Позднѣе мы расширимъ рамки нашей дѣятельности и перейдемъ къ другимъ, болѣе отвѣтственнымъ задачамъ.

Мы просимъ у нашихъ друзей, у тружениковъ печати, у нашихъ соотечественниковъ немного вниманія къ этимъ животрепещущимъ вопросамъ, немного уваженія къ высшимъ заданіямъ человѣчества, немного любви къ великимъ традиціямъ и несчетнымъ возможностямъ *Единой Европы*.

Барселона, 27 ноября.

Евгеній д'Орсъ, членъ каталонской академіи. Мануэль де Монтоліу, писатель. Аврелій Расъ, редакторъ журнала Estudio. Августинъ Муруа, профессоръ каталанскаго университета. Мигуэль Оливеръ. Телесфоро д'Арандзади, профессоръ университета. Жуанъ Палау, публицистъ. Пабло Вила, директоръ гимназіи Mont d'Or. Энрико Джарди, адвокатъ. Е. Мессегуэръ, публицистъ. Карменъ Карръ, начальница общежитія для студентокъ Эль Хогаръ. Эстебанъ Террадесъ, членъ каталанской академіи. Джозе Зулуэта, членъ парламента. Р. Джори, писатель. Эвдальдо Дюранъ Рейнальсъ, библіотекарь каталанской библіотеки. Рафаэль Кампалансъ, инженеръ. Дж. М. Лопэзъ-Пико, писатель. Е. Рукабадо, писатель. Е. Куэлло-Калу, профессоръ университета. Мануэль Ревентосъ, профессоръ Escuela de Funcionarios. Дж. Фарранъ Майораль, писатель. Джемъ Массо Торрентсъ, членъ каталанской академіи. Іорге Рубіо Балагуэръ, директоръ каталанской библіотеки.

«Journal de Génève» 9 января 1915 года.

X.

Воззваніе Голландіи къ интеллигенціи всѣхъ странъ.

Въ моей послѣдней замѣткѣ, напечатанной въ «Journal de Génève», въ которой я привелъ прекрасный манифестъ каталанской интеллигенціи, «Во имя духовнаго единенія Европы», я говорилъ, что вслѣдъ за этимъ голосомъ съ Средиземнаго побережья мы услышимъ скоро и голоса съ сѣвера. Предлагаю вниманію нашихъ читателей письмо изъ Голландіи.

Nederlandsche Anti-oorlog Raad—нидерландскій комитетъ протеста противъ войны—едва ли не самая значительная попытка, сдѣланная въ послѣдніе мѣсяцы съ цѣлью объединить пацифистскія стремленія. Признавая всю цѣнность усилій въ пользу мира, сдѣланныхъ за нѣсколько лѣтъ, Н. К. П. П. В. убѣжденъ, что вся эта работа могла бы быть плодотворнѣе, и, пожалуй, могла бы даже предупредить

настоящую трагедію, если бы она велась съ большей интенсивностью. «Не было должнаго объединенія, была безцѣльная трата энергіи и не было достаточно чуткаго проникновенія въ психологію массъ. Очередная задача теперь — исправленіе существенныхъ ошибокъ. «Неужели міровая трагедія соперничества будетъ разыгрываться и во время пацифистскаго движенія, или же эта война убѣдитъ всѣхъ ея противниковъ въ необходимости стройной организаціи и энергичной мобилизаціи всѣхъ силъ?»

Эту задачу и поставилъ передъ собой Н. К. П. П. В. Учрежденный 8 октября 1914 года, онъ успѣлъ уже къ 15 января 1915 года сплотить 350 голландскихъ обществъ благотворительныхъ, политическихъ— всѣхъ партій, представителей разныхъ интеллигентныхъ профессій и рабочихъ, и подъ его манифестами теперь красуются уже сотни именъ самыхъ именитыхъ гражданъ Нидерландовъ: государственныхъ дѣятелей, видныхъ духовныхъ лицъ, офицеровъ, писателей, профессоровъ, артистовъ, промышленниковъ. Словомъ, онъ представляетъ собою значительную нравственную силу. Надо, однако, сдѣлать оговорку: комитетъ вовсе не настаиваетъ на немедленномъ прекращеніи войны и цѣною какихъ бы то ни было жертвъ. Во-первыхъ, онъ самъ это заявляетъ: онъ не переоцѣниваетъ своихъ силъ. Онъ не питаетъ наивной вѣры въ значеніе туманныхъ формулъ мира, ни даже въ точно опредѣленныя взаимныя обязательства. Увы, онъ извлекъ изъ этой міровой войны горькій опытъ. И потомъ онъ отлично понимаетъ, что миръ цѣною какихъ бы то ни было жертвъ при настоящихъ условіяхъ былъ бы лишь освященіемъ большой

несправедливости. Многолюдныя собранія, устроенныя имъ 15 декабря въ главныхъ городахъ Нидерландовъ, единодушно высказались въ томъ смыслѣ, что такой миръ столько же невозможенъ, сколько и нежелателенъ. Добавлю еще, что нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя со всей осторожностью, къ какой обязываютъ нейтральное положеніе и искреннее желаніе сохранить полное безпристрастіе, свидѣтельствуютъ, однако, и о его тайныхъ симпатіяхъ:

«Мы считаемъ необходимымъ возстановить подорванную этой войной автономную силу права въ международныхъ отношеніяхъ. Долгъ каждаго гражданина уважать право, хотя бы обычное, хотя бы утвержденное сводомъ государственныхъ законовъ. Это долгъ каждаго гражданина, который онъ обязанъ исполнять и безъ санкціи своей партіи. Реформы, конечно, прекрасныя вещи, но безъ уваженія къ праву и безъ вѣрности взятымъ на себя обязательствамъ нечего и надѣяться на болѣе или менѣе продолжительный миръ».

Задача Н. К. П. П. В. прежде всего выяснить условія, при которыхъ возможенъ былъ бы справедливый, гуманный и продолжительный миръ, обезпечивающій Европѣ спокойное плодотворное будущее, возможность полезнаго общаго труда, и заинтересовать задачей, которую онъ себѣ ставитъ, общественное мнѣніе всѣхъ странъ. Не буду останавливаться на другихъ напечатанныхъ манифестахъ, какъ: «Воззваніе къ нидерландскому народу», отъ октября 1914 года, или «Воззваніе о содѣйствіи и агитаціи въ пользу мира»—попытка мобилизаціи пацифистскихъ силъ,—которые во многомъ совпадаютъ съ воззваніями «Union of democratic control»: 1) Упраздненіе

системы тайной дипломатіи и большей части министерствъ иностранныхъ дѣлъ; 2) запрещеніе частнаго производства военнаго оружія; 3) утвержденіе элементарнаго принципа народнаго права, согласно которому одна страна не можетъ быть аннектирована помимо добровольно выраженнаго согласія населенія этой страны.

Я приведу лишь манифестъ, обращающійся къ мыслителямъ, писателямъ, художникамъ и ученымъ всѣхъ странъ: мы находимъ въ немъ поддержку въ той задачѣ, которую сами преслѣдуемъ, поддержку нашимъ усиліямъ уберечь европейскую мысль отъ пагубныхъ воздѣйствій этой войны и неустаннымъ напоминаніямъ, что, при самомъ дикомъ разгулѣ страстей, священный долгъ ея состоитъ въ томъ, чтобы охранять духовный союзъ культурнаго человѣчества.

7 февраля 1915 года.

Ром. Ролланъ.

Nederlandsche Anti-oorlog Raad.

«Вскорѣ послѣ того, какъ вспыхнула европейская война, разныя группы интеллигентовъ воюющихъ странъ начали отстаивать правоту своихъ правительствъ безчисленными манифестами и въ брошюрахъ, которыя широко распространяли въ нейтральныхъ странахъ. Помимо войны мечомъ, они ведутъ не менѣе яростную войну перомъ. Эти произведенія дошли и до нижеподписавшихся, подданныхъ нейтральныхъ странъ. Мы горячо заинтересовались ими—мы могли составить себѣ по нимъ

ясное представленіе о состояніи умовъ интеллигентовъ воюющихъ странъ и ихъ мнѣніяхъ о причинахъ и смыслѣ настоящей войны. Мы нисколько не удивляемся тому, что всѣ защитники воюющихъ державъ одинаково убѣждены въ своей правотѣ. Мы не удивляемся и тому, что люди испытываютъ такую властную потребность доказать и гражданамъ нейтральныхъ странъ свою правоту. Конечно, въ такой странной борьбѣ психологически необходимо, чтобы всѣ воюющіе народы безусловно вѣрили въ справедливость своихъ выступленій, и вполнѣ естественно, что они страстно жаждутъ пріобщить къ этой вѣрѣ и другихъ. Только непоколебимая увѣренность въ справедливости ихъ дѣйствій предохраняетъ ихъ отъ колебаній и сомнѣній...

«Но съ глубокой скорбью убѣждались мы въ томъ, что во всѣхъ этихъ писаніяхъ не было и намека на безпристрастное, справедливое отношеніе къ противнику. Поступки ихъ объяснялись самыми недостойными, самыми отталкивающими побужденіями. Мы чтимъ увѣренность воюющихъ народовъ въ томъ, что они воюютъ за правое дѣло. Но, пока у насъ не составится совершенно ясной картины о причинахъ этой войны, мы полагаемъ преждевременнымъ противопоставлять одни мнѣнія и доводы другимъ. Это сдѣлано будетъ позднѣе, когда можно будетъ безпристрастно взвѣшивать одни и другіе доводы, когда національныя страсти улягутся и исторія сможетъ спокойно произнести свой судъ.

«Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ своимъ долгомъ и считаемъ нашимъ преимуществомъ въ качествѣ нейтральныхъ гражданъ громко высказываться о положеніи, упорно поддерживающемъ ненависть между ны-

нѣшними врагами. Мы понимаемъ, что разыгрывающіяся событія не могутъ не разжигать національныхъ страстей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы держимся того мнѣнія, что патріотизмъ не долженъ исключать способности безпристрастной оцѣнки заслугъ противника, что справедливое сознаніе народомъ своихъ достоинствъ не обязываетъ вовсе приписывать враждебному народу всевозможныхъ грѣховъ и пороковъ и что убѣжденные въ своей правотѣ не должны забывать, что противникъ также глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ...

«Народы враждуютъ между собою обыкновенно изъ какихъ-либо политическихъ соотношеній, мѣняющихся съ обстоятельствами, которыхъ никто предвидѣть не можетъ. Сегодняшній врагъ можетъ завтра быть союзникомъ. Но печать въ воюющихъ странахъ взяла въ отношеніи противника такой тонъ, который грозитъ опасностью укрѣпить на-вѣки ненависть въ сердцахъ человѣческихъ. Къ бѣдствіямъ, непосредственно вытекающимъ изъ настоящей войны, прибавится еще одно страшное несчастье: сотрудничество ненавидящихъ другъ друга народовъ въ области науки, искусства, литературы и въ работѣ по созданію прочныхъ гарантій мира будетъ если не совсѣмъ невозможнымъ, то, во всякомъ случаѣ, встрѣтитъ тяжелыя психологическія препятствія... А, между тѣмъ, послѣ этой войны народы должны же будутъ возобновить и соціальныя и духовныя связи. Чѣмъ меньше нагромождено будетъ съ одной и другой стороны жестокихъ обвиненій, чѣмъ менѣе противники будутъ обличать другъ друга во всякихъ порокахъ, чѣмъ меньше будетъ разжигаться взаимная злоба, тѣмъ легче будетъ потомъ вновь связать прерванныя нити международныхъ отно-

шеній. Но на тѣхъ, кто устно или печатно сѣетъ ненависть и разжигаетъ національныя страсти, на тѣхъ падаетъ отвѣтственность за продолженіе этой ужасной войны.

«Вотъ почему, мы, нижеподписавшіеся, обращаемся ко всѣмъ гражданамъ воюющихъ странъ съ предложеніемъ воздерживаться какъ устно, такъ и печатно отъ словъ, сѣющихъ ненависть въ сердца человѣческія. Мы обращаемся, прежде всего, къ руководителямъ общественнаго мнѣнія въ каждой странѣ, къ представителямъ науки и искусства, къ людямъ, которые не могутъ не знать, что во всѣхъ культурныхъ странахъ есть люди, раздѣляющіе ихъ взгляды на право и нравственность. И пусть вожди всѣхъ націй помнятъ въ эти дни (какъ выразился однажды одинъ нидерландскій общественный дѣятель), не только о томъ, что ихъ разъединяетъ, но и о томъ, что ихъ единитъ».

Подписались: Дрессельгюисъ, первый секретарь министерства юстиціи, предсѣдатель Н. К. П. П. В. Шаперъ, членъ нижней палаты, товарищъ предсѣдателя. М-me Ассеръ-Тобекъ, секретарь нидерландской лиги женскаго равноправія. Профессоръ ванъ-Эмденъ, профессоръ юридическаго факультета въ Амстердамѣ. Д-ръ Кооленъ, членъ нижней палаты. Рутгенсъ, членъ нижней палаты. Д-ръ де-Іонгъ ванъ-Беекъ энъ-Донкъ, секретарь Н. К. П. П. В. Слѣдуютъ подписи 130 политическихъ дѣятелей, писателей, художниковъ (среди нихъ имена Фредерика ванъ-Эйдена, Вильгельма Мепгельберга и др.).

Секретаріатъ Терезіастраатъ, 51—Гаага.

«Journal de Genève»—15 февраля 1915 года.

XI.

Письмо Фредерику ванъ-Эйдену.

Дорогой другъ, вы предлагаете мнѣ гостепріимство на столбцахъ вашей газеты «De Amsterdammer». Благодарю и принимаю ваше предложеніе. Объединеніе свободныхъ духомъ людей, сторонящихся разгула національныхъ страстей,—важнѣйшая задача момента.

Въ дикой свалкѣ народовъ, всколыхнувшей жизнь Европы, мы должны спасти, по крайней мѣрѣ, знамя и объединиться вокругъ него. Необходимо пересоздать общественное мнѣніе въ Европѣ. Это ближайшая наша очередная задача. Постараемся хоть мы быть только людьми среди этихъ тысячъ людей, которые умѣютъ быть только нѣмцами, только австрійцами, французами, англичанами и проч., и проч. Будемъ хоть мы людьми, передъ которыми эгоистическіе національные интересы не заслоняютъ интересовъ культуры, той культуры, ко-

торую каждый народъ преступно отождествляетъ со своей собственной культурой для того, чтобы разрушать чужую... Я бы хотѣлъ, чтобы ваша благородная страна, всегда мужественно отстаивавшая свою независимость отъ окружающихъ ее мощныхъ державъ, стала въ эти дни сердцемъ идеалистической Европы, въ которую мы вѣримъ, очагомъ, вокругъ котораго сосредоточатся усилія всѣхъ жаждущихъ содѣйствовать ея возрожденію.

Мы должны узнать нашихъ невѣдомыхъ намъ друзей и помочь имъ узнать другъ друга. Обращаю ваше вниманіе на двѣ значительныхъ группы: на каталанскую интеллигенцію, учредившую въ Барселонѣ общество друзей духовнаго объединенія Европы, и на лондонскій Union of democratic control, вызванный къ жизни негодованіемъ противъ этой европейской войны и твердымъ сознаніемъ необходимости отнять у дипломатіи и у военныхъ партій всякую возможность вызвать въ будущемъ другую такую же войну. Посылаю вамъ программы и первые манифесты. Этотъ союзъ, въ совѣтѣ котораго состоятъ члены парламента и писатели, какъ Израэль Зангвиль, Норманъ Энджелъ, Вернонъ Ли, имѣетъ уже развѣтвленія въ двадцати англійскихъ городахъ.

Постараемся создать тѣсную и прочную связь между этими организаціями, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою національную окраску и свою индивидуальность, но стремящіяся, хотя бы и разными способами, къ возстановленію европейскаго единства. Прежде всего, мы должны сообща учесть наши силы, а затѣмъ приступить къ работѣ.

Что мы предпримемъ? Сдѣлаемъ попытку прекратить борьбу? Объ этомъ сейчасъ и думать нечего. Звѣрь спущенъ съ цѣпи, и правительства такъ хорошо сумѣли разжечь и распалить злобу и ненависть, что если бы и пожелали, то врядъ ли имъ удалось и сейчасъ опять вогнать звѣря въ его логовище... Возможно, что нейтральныя европейскія страны и Америка рѣшатся, наконецъ, выступить съ попыткой прекратить эту затяжную войну, которая грозитъ полнымъ разоренiемъ какъ воюющимъ странамъ, такъ и имъ. Но я не знаю, чего можно ждать отъ запоздавшаго вмѣшательства....

Во всякомъ случаѣ, я представляю себѣ другое поле для нашей дѣятельности. Какъ бы ужасна ни была эта война, прекратить ее не въ нашей власти.... Но мы должны, по крайней мѣрѣ, направить всѣ наши заботы на то, чтобы эта катастрофа дала въ конечномъ результатѣ какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра. И потому необходимо заинтересовать весь міръ упроченiемъ будущаго мира, обузданiемъ аппетитовъ побѣдителя, предупрежденiемъ дипломатическихъ интригъ, которыя могли бы вызвать новую войну реванша, а также предупрежденiемъ повторныхъ нравственныхъ преступленій. Поэтому я считаю священнымъ принципомъ первый пунктъ устава Union of democratic control, относительно того, что ни одна страна не можетъ переходить отъ одного правительства къ другому безъ ясно выраженнаго добровольнаго согласія всего населенія. Необходимо прежде всего уничтожить власть нѣкоторыхъ ненавистныхъ сужденій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ

рабскимъ міромъ, которыя профессоръ Лассонъ [1] недавно еще излагалъ, какъ угрозу ближайшему будущему въ своемъ циничномъ манифестѣ-катехизисѣ силы—Das Kulturideal und der Krieg.... И этотъ принципъ самоопредѣленія народовъ долженъ быть проведенъ въ жизнь безъ промедленія. Если это отложено будетъ до окончанія войны, когда уже соберется конференція державъ, то можетъ возникнуть подозрѣніе въ поблажкѣ интересамъ побѣдителя.... Именно теперь, при одинаковомъ соотношеніи силъ воюющихъ странъ, надо оформить и узаконить это элементарное право народовъ.

Изъ самаго принципа самоопредѣленія вытекаетъ необходимость непосредственнаго его осуществленія.

Разъ вся Европа взбудоражена, то надо воспользоваться этимъ для того, чтобы водворить порядокъ въ запущенномъ домѣ. Слишкомъ долго накапливался въ немъ мусоръ вопіющихъ несправедливостей. Теперь, когда приближается часъ всеобщаго разсчета, пора положить имъ конецъ.

Нашъ долгъ, долгъ всѣхъ людей, которымъ не чужды братскія, человѣческія чувства, напоминать о правахъ угнетаемыхъ маленькихъ народностей. Ихъ достаточно въ обоихъ лагеряхъ: Шлезвигъ, Эльзасъ-Лотарингія Польша, прибалтійскія провинціи, Арменія, евреи...

[1]) «Предоставить народу,—писалъ Лассонъ,—или, вѣрнѣе одной группѣ этого народа рѣшить международные вопросы какъ принадлежность къ тому или другому государству, это все равно, что предоставить дѣтямъ какой-либо семьи выбирать себѣ отцовъ. Это—самая вздорная мысль, какая только могла родиться въ неумной головѣ».

Въ самомъ началѣ войны Россія выступила съ великодушнѣйшими обѣщаніями. Совѣсть міра въ свое время отмѣтила ихъ. Надо надѣяться, что Россія выполнитъ ихъ. Мы отвѣтственны также за судьбу Польши, бьющейся въ когтяхъ трехъ имперскихъ орловъ, какъ и за распятую Бельгію. Мы искупаемъ грѣхи отцовъ. И потому, что отцы наши, изъ ограниченнаго реализма и трусливаго эгоизма, допустили нарушенія правъ народовъ Восточной Европы, Западная Европа въ настоящее время кромсается на части, и угроза распада нависла надъ всѣми маленькими странами и надъ вашей, друзья мои, и надъ той страной, гдѣ я живу, въ качествѣ гостя,—надъ Швейцаріей. Покушеніе на независимость одной изъ этихъ странъ равносильно покушенію на независимость всѣхъ другихъ странъ. Протянемъ другъ другу руки.

Надъ всѣми расовыми вопросами, являющимися часто выдумкой, которая прикрываетъ кичливое самолюбіе большинства и интересы финансовыхъ или феодальныхъ сословій, стоитъ одинъ законъ человѣческій, вѣчный, міровой, который мы всѣми силами должны отстаивать и проводить въ жизнь, это—право всѣхъ народовъ располагать собою. И каждый нарушитель этого закона—нашъ общій врагъ.

12 января 1915 г.

XII.

Ближній нашъ—врагъ нашъ.

Ураганъ войны продолжаетъ неистовствовать, опустошая самыя стойкія души и увлекая ихъ въ свой яростный вихрь,—я же продолжаю свое скромное паломничество и разыскиваю подъ обломками рѣдкія сердца, оставшіяся вѣрными прежнему идеалу братства человѣческаго... И какую радость я испытываю, когда нахожу ихъ и могу оказать имъ помощь... Я знаю, что каждый ихъ искренній порывъ, такъ же, какъ и мой, каждое слово любви возстанавливаетъ противъ нихъ оба враждующихъ лагеря... Воюющіе между собой народы сошлись въ ненависти къ тѣмъ, кто не желаетъ ненавидѣть. Европа напоминаетъ теперь осажденный городъ. Въ ней свирѣпствуетъ безумная лихорадка. И каждый человѣкъ,

дѣлающій надъ собою усиліе и старающійся не бредить подобно другимъ, кажется подозрительнымъ. И въ эти дни напряженнаго возбужденія, когда правосудіе не можетъ удѣлять много времени судебнымъ разбирательствамъ, каждый подозрѣваемый считается измѣнникомъ. И каждый, имѣющій отвагу во время войны говорить о мирѣ между людьми, знаетъ, что онъ рискуетъ ради своей вѣры своимъ покоемъ, своимъ именемъ и даже личными дружескими отношеніями... Но какая цѣна вѣрѣ, ради которой люди ничѣмъ не жертвуютъ?

Правда, наша вѣра подвергается большимъ испытаніямъ въ эти тяжелые дни насилія, несправедливости и жестокости... Но вѣра подвергалась болѣе тяжкому искусу въ тѣ времена, когда Тотъ, Кого человѣчество чтитъ на протяженіи столькихъ вѣковъ (къ сожалѣнію, больше словами, нежели сердцемъ), поручилъ рыбакамъ Іудеи поддерживать ея пламя?.. Потокъ крови, сожженные города, всѣ ужасныя дѣянія и кровожадныя мысли никогда не вытравятъ изъ нашихъ тоскующихъ душъ сверкающій слѣдъ галилейскаго челна и не заглушатъ страстнаго трепета голосовъ, которые на протяженіи столькихъ вѣковъ возглашали свѣтлый разумъ единымъ отечествомъ всѣхъ людей... Вы предпочитаете заглушать въ себѣ эти голоса и утверждать, какъ это дѣлаютъ ваши писатели-пустозвоны, что съ этой войной начинается новая эра, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, и что она только опредѣлитъ будущія цѣнности человѣческія... Такимъ языкомъ говорятъ всѣ ослѣпленные люди. Но ослѣпленіе проходитъ. Вѣченъ только разумъ. Разумъ и любовь. Будемъ же разыскивать подъ залитыми кровью развалинами молодые ростки новой жизни...

Когда я нахожу зябкіе, но жизненные цвѣтки человѣческаго состраданія, пробивающіеся сквозь ледяную кору ненависти, сковавшей Европу, я испытываю такую же радость, какую даетъ намъ видъ первыхъ цвѣтковъ, пробивающихся изъ земли въ вѣтренные дни капризнаго марта... Они говорятъ о томъ, что тепло жизни не угасло въ нѣдрахъ земли, что братская любовь не угасла въ нѣдрахъ народной души и что она скоро опять станетъ явной для всѣхъ.

Я указывалъ неоднократно на убѣжища этого духа европейской культуры въ нейтральныхъ странахъ... Въ воюющихъ странахъ онъ преслѣдуется арміей журналистовъ, самой безпощадной въ мірѣ арміей (потому что она ничѣмъ не рискуетъ)... Всѣ усилія, сдѣланныя въ Голландіи и въ Испаніи во имя спасенія духовнаго единства Европы, неутомимая помощь, горячее сочувствіе, которыя оказываетъ Швейцарія несчастнымъ плѣннымъ, раненымъ, жертвамъ одного и другого лагеря, служатъ большимъ утѣшеніемъ для людей, задыхающихся въ атмосферѣ навязываемой имъ ненависти и жаждущихъ чистаго вольнаго воздуха... Но меня болѣе умиляютъ и трогаютъ проявленія братской взаимопомощи между воюющими народами, между друзьями и врагами—какъ бы эти проявленія человѣческаго чувства ни были робки и рѣдки...

Бездну злобы и недоразумѣній прорыла настоящая война, въ сущности, между двумя только народами—между Германіей и Англіей. Нѣмецкіе писатели и публицисты, слѣдующіе данному имъ лозунгу скорѣе жалостливаго сочувствія въ отношеніи Франціи, чѣмъ вражды, и проводящіе даже грань между русскимъ народомъ и его пра-

вительствомъ, въ отношеніи Англіи обнаруживаютъ непримиримую ненависть. «Hasse England» стало ихъ Delenda Carthago. Самые умѣренные изъ нихъ заявляютъ, что война эта можетъ кончиться только съ уничтоженіемъ морского владычества Англіи. И Англія, съ своей стороны, рѣшила вести войну до полнаго сокрушенія прусскаго милитаризма. И вотъ между этими двумя народами и завязаны были первыя благородныя узы взаимопомощи...

Уже два дня послѣ объявленія войны основанъ былъ въ Лондонѣ кентерберійскимъ архіепископомъ, нѣсколькими извѣстными въ англійскомъ обществѣ лицами, какъ Дж. Алленъ-Бакеръ, Дикинсонъ, лордомъ и леди Кортней офъ-Пенуизъ и нѣкоторыми членами парламента «Комитетъ взаимопомощи германцамъ, австрійцамъ и венгерцамъ» («Emergency Committee for the Assurance of Germans, Austrians and Ungarians in distress»). Это учрежденіе, раскинувшееся своими отдѣленіями почти по всей Англіи, поставило себѣ задачей доставать средства для возвращенія на родину невоеннообязанныхъ, сопровождать на родину нѣмецкихъ женщинъ и дѣвушекъ и призрѣвать бѣдныхъ и больныхъ нѣмцевъ и подыскивать имъ посильную работу... Въ концѣ декабря на это истрачено было уже около 200 тысячъ франковъ. Нѣкоторыя подкомиссіи посѣщаютъ лагери военноплѣнныхъ, облегчаютъ письменное общеніе между воюющими странами. Передъ Рождествомъ члены общества развезли по лагерямъ военноплѣнныхъ около 20.000 тысячъ пакетовъ съ подарками и 200 рождественскихъ елокъ... Другое англійское общество, существовавшее уже до войны,— «Общество поддержки находящихся въ нуждѣ иностран-

цевъ» (Society of friends of foreigners in distress),—аккуратно съ самаго начала войны содержитъ на свой счетъ 1.500 германскихъ и австрійскихъ семействъ. Наконецъ, лондонское центральное бюро всемірной лиги женскаго равноправія съ своей стороны тоже оказало значительныя услуги иностранкамъ: оно доставило за свой счетъ на родину около 700—800 женщинъ... Въ Германіи, въ Берлинѣ, основано было такое же общество для оказанія помощи находящимся на чужбинѣ нѣмцамъ и иностранцамъ, находящимся въ Германіи. Среди членовъ этого общества мы видимъ представителей германской знати, ученаго міра и высшаго духовенства: Марія Бюловъ-Мерлинъ, графиня Елена Гаррахъ, Нора фонъ-Шлейницъ, профессора Форстеръ, Баумгартенъ, Поль Наторпъ, Мартинъ Раде, Зигмундъ Шульце и друг. Во главѣ общества стоитъ женщина недюжинной религіозной души, д-ръ Елизабетъ Ротгенъ. Легко представить себѣ, какимъ нареканіямъ и націоналистическимъ нападкамъ со стороны германскихъ шовинистовъ подвергалось это учрежденіе. Но, несмотря на все, оно дѣлаетъ свое дѣло. И вотъ какъ руководители учрежденія излагаютъ, отстаиваютъ свою благородную задачу передъ слугами германскаго шовинизма:

«Въ самомъ началѣ войны намъ ясно стало, что мы должны придти на помощь иностранцамъ, подданнымъ воюющихъ съ нами странъ, застрявшихъ въ Германіи. Дѣятельность, подобная нашей, также непопулярна въ нашей странѣ, какъ и въ другихъ странахъ. Въ дни, когда весь германскій народъ одной грудью всталъ противъ врага, всякое выраженіе вниманія къ подданнымъ враждебныхъ намъ странъ, выходящее за предѣлы услугъ,

предусмотрѣнныхъ международнымъ правомъ, кажется излишнимъ. Задумали мы это дѣло не только съ мыслью о нашихъ соотечественникахъ, оставшихся на чужбинѣ, но и въ силу неодолимой потребности оказать дружескія услуги безвинно страдающимъ отъ послѣдствій этой войны. Только по человѣчному чувству къ врагу и познаютъ другъ друга люди, сохранившіе свою вѣру въ Господа Бога...

«Мы имѣли возможность успокоить множество нѣмецкихъ семей насчетъ судьбы ихъ близкихъ, находящихся въ воюющихъ съ нами странахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить и иностранцевъ, что ихъ родные могутъ разсчитывать на помощь съ нашей стороны... Мы имѣли возможность оказать человѣческія услуги безвиннымъ врагамъ, въ которыхъ видимъ только братьевъ нашихъ и сестеръ...

«Помимо практической помощи, которую мы оказываемъ, для насъ большая отрада, большое утѣшеніе въ сознаніи, что и въ такое время мы можемъ слѣдовать зову человѣчности и любви къ ближнему. Весь міръ полонъ теперь трагизма, исполняющаго насъ религіознымъ благоговѣніемъ передъ человѣческимъ страданіемъ, но также и дѣйственной любви и потребности самопожертвованія и вытѣсняетъ изъ души нашей всѣ чувства, кромѣ состраданія и жажды благотворенія.

«Наше страстное желаніе быть полезными и облегчать страданія никакихъ границъ не признаетъ. И потребность эта проявляется съ особой силой въ тѣхъ случаяхъ, когда мы въ самомъ чуждомъ намъ страданіи находимъ отраженія нашихъ собственныхъ страданій. То, что единитъ людей, задѣваетъ больше сокровенныя струны человѣческаго существа, нежели то, что ихъ раздѣляетъ... Уже одно

то, что мы въ состояніи перевязывать раны, которыя мы не вынуждены наносить, уже одно это служитъ залогомъ болѣе свѣтлыхъ дней, которые раньше или позже наступятъ для всего человѣчества. Возможность такой дѣятельности среди бури, сметающей съ лица земли вещи, казавшіяся намъ незыблемыми, закаливаетъ нашу отвагу и окрыляетъ насъ надеждой на то, что въ недалекомъ будущемъ построены будутъ новые мосты, по которымъ разъединенные теперь люди смогутъ вновь сойтись и вновь слиться въ общемъ порывѣ»...

Я привелъ эти святыя слова для моихъ французскихъ друзей, которые часто высказывали мнѣ письменно и устно свое сочувствіе такого рода мыслямъ и свою непоколебимую увѣренность въ неминуемое торжество человѣчности. Посвящаю эти слова тѣмъ гражданамъ Франціи, которые и въ эти дни войны своимъ справедливымъ умомъ и добротою сердца укрѣпляли въ человѣчествѣ любовь къ Франціи, въ то же время возбуждавшей удивленіе своей храбростью и доблестью; посвящаю эти слова тѣмъ, которые оправдываютъ слова о Франціи, прочитанныя мною съ глубокимъ волненіемъ на открыткѣ, посланной на родину однимъ нѣмецкимъ инвалидомъ во время его проѣзда черезъ Женеву: «добрая Франція»—«gutes Frankreich»,—или, какъ говорили наши старые, чувствительные писатели: «сладчайшая Франція».

Пользуюсь случаемъ, чтобы обратить вниманіе моихъ французскихъ читателей на учрежденіе г-жи Артуръ Шпитцеръ, существующее въ Женевѣ, подъ названіемъ «Посылка для военноплѣннаго».

Это учрежденіе, имѣющее корреспондентовъ и въ Парижѣ, основано было въ ноябрѣ, «съ цѣлью облегченія

положенія французскихъ, бельгійскихъ и англійскихъ военноплѣнныхъ, которымъ родные не въ состояніи оказывать какую-либо помощь». Всѣмъ желающимъ послать пакетъ родственнику или другу, находящемуся въ плѣну, предлагается послать другой такой же пакетъ для другого военноплѣннаго, не имѣющаго ни близкихъ, ни родныхъ, ни друзей, ни средствъ... Будемъ надѣяться, что эта прекрасная идея солидарности разовьется позднѣе, и, помогая ближнему своему одною рукою, каждый другой рукою будетъ помогать и своему врагу...

«Journal de Génève», 15 марта 1915 г.

XIII.

Письмо въ газету «Svenska Dagbladet».

Цвѣтъ интеллигентной европейской молодежи—въ рядахъ дѣйствующихъ армій. Крикуны, переругивающіеся теперь изъ одного лагеря въ другой, никоимъ образомъ не могутъ считаться выразителями европейской мысли. Когда народы послѣ тяжкихъ испытаній вернутся съ театра войны, они отомстятъ забвеніемъ этимъ людямъ, оказавшимся недостойными быть духовными вождями рода человѣческаго... И тогда среди нихъ заплачетъ не одинъ человѣкъ, какъ св. Петръ, услыхавъ крикъ пѣтуха...

«Господи, я отрекся отъ тебя»...

Передъ единымъ идеаломъ человѣчества блѣднѣютъ идеалы отдѣльныхъ народовъ... Ничто не въ силахъ будетъ помѣшать возстановленію духовныхъ узъ между враждующими теперь народами. Нація, которая не пожелаетъ входить въ общій союзъ народовъ, обречетъ себя этимъ самымъ на гибель.

Потому что эти узы, соединяющіе народы,—носители ихъ жизненныхъ соковъ. Узы эти, впрочемъ, и не прерывались совершенно и въ самомъ разгарѣ войны... На долю войны выпало даже печальное преимущество объединить на всемъ земномъ шарѣ людей, не желающихъ пускать въ свою душу чувства національной вражды... Война закалила ихъ нравственныя силы, спаяла въ одну желѣзную глыбу ихъ волю, и они ошибаются, думая, что ихъ идеи свободнаго братства между народами заглохли навсегда. Онѣ молчатъ, скованныя господствующей по всей Европѣ военной и гражданской цензурой... Но оковы спадутъ и идеи свободы и братства опять вырвутся на волю... Я страдаю за милліоны несчастныхъ жертвъ, гибнущихъ теперь на поляхъ битвъ. Но я не сомнѣваюсь въ грядущемъ братствѣ европейскихъ народовъ. Я вѣрю въ его пришествіе... Настоящая война — его крещеніе кровью...

10 апрѣля 1915 года.

XIV.

Война и литература.

За долгіе мѣсяцы войны ученые, философы во всѣхъ воюющихъ странахъ заставили много говорить о себѣ. Война эта кажется чуть ли не ихъ собственной войной,—столько неистовой ярости они вложили въ свои словесныя выступленія... Но до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не было еще отмѣчено, что, за нѣсколькими исключеніями, мы слышимъ, въ сущности, только людей зрѣлаго уже возраста, голоса академій, премированныхъ поэтовъ, маститыхъ писателей и маститыхъ профессоровъ, почтенной гвардіи литературы, искусства и науки...

Во Франціи этому явленію объясненіе очень простое...

Всѣ, способные носить оружіе, вплоть до людей 48-милѣтняго возраста, не говорятъ—эти дѣйствуютъ... Въ Германіи дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Въ Германіи значительная часть литературной молодежи—по причинамъ, которыя я здѣсь разбирать не буду,—осталась дома и продолжаетъ печататься, и даже находящіеся на

фронтѣ умудряются посылать въ редакціи журналовъ статьи и стихи.

Нѣмцы упорны въ своей страсти къ писательству...

Мнѣ казалась не безполезной попытка выяснить главныя идейныя теченія, господствующія среди этой литературной молодежи...

Доказано, что во всѣхъ странахъ самыя пылкія чувства у писателей проявлялись el mezzo de cammino...

Объясненія этому мы будемъ доискиваться позднѣй... Сейчасъ же намъ важно только провѣрить лишній разъ, насколько нѣмецкіе писатели оправдали это наблюденіе... Почти всѣ знаменитые, увѣнчанные лаврами поэты, всѣ богатые годами и славой писатели въ самомъ началѣ войны подхвачены были, какъ перышки, разразившимся ураганомъ... Это тѣмъ болѣе примѣчательно, что многіе изъ нихъ были дотолѣ апостолами мира жалости и гуманности.

Демель, противникъ войны, другъ всего человѣчества, по собственнымъ его словамъ, не знавшій, какому изъ десяти народовъ онъ обязанъ своимъ дарованіемъ, слагаетъ пѣсни войнѣ (Schlachtenlieder), слагаетъ пѣсни знамени (Fahnenlieder), поноситъ непріятеля, воспѣваетъ смерть и самъ несетъ людямъ смерть: въ пятьдесятъ одинъ годъ онъ учится стрѣльбѣ и становится въ ряды арміи, сражающейся противъ Россіи.

Гергардтъ Гауптманъ—«поэтъ любви ко всему человѣчеству»,—какъ называетъ его Фрицъ фонъ-Унру,—стряхиваетъ съ себя свою неврастенію и призываетъ людей косить траву, насыщенную кровью... Франкъ

Ведекиндъ изливаетъ потоки брани на царизмъ; Лиссауэръ — на Англію. Арно Гольцъ заговаривается отъ ярости. Петцольду хотѣлось бы пребывать во всѣхъ пуляхъ, вонзающихся въ сердце врага. И Рихардъ Нордхаузенъ поетъ гимнъ мортирѣ 42...

Молодые писатели и поэты въ самомъ началѣ войны тоже охвачены были этимъ воинственнымъ пыломъ... Но у многихъ онъ скоро угасъ въ перенесенныхъ и причиненныхъ другимъ страданіяхъ... Фрицъ фонъ-Унру, вступившій въ уланскій полкъ и уѣзжавшій въ дѣйствующую армію съ ликующими криками: «Парижъ... Парижъ—вотъ наша ближайшая цѣль!»... уже въ сентябрѣ 1914 года пишетъ на Энѣ стихотвореніе «Агнецъ»— «Агнецъ Божій, я видѣлъ твой тоскливый взглядъ... Верни намъ миръ и покой, уведи насъ въ царство любви, верни намъ наши утраты».

Рудольфъ Леонардъ въ самомъ началѣ воспѣваетъ войну, самъ участвуетъ въ ней и, нѣсколько времени спустя, перечитывая свой сборникъ воинственныхъ стиховъ, пишетъ на первой страницѣ: «Написано въ опьянѣніи первыхъ недѣль. Опьянѣніе прошло. Мы вновь сильны духомъ. Мы опять овладѣли собою и будемъ любить другъ друга».

Въ воплях состраданія, идущихъ изъ разрываемаго на части сердца, мы услыхали невѣдомыхъ дотолѣ поэтовъ. Андреа Фрамъ, написавшій книжку стиховъ «Дома», страдаетъ отъ того, что не страдаетъ въ то время, какъ тысячи другихъ людей страдаютъ и умираютъ... «И вся твоя любовь, и всѣ твои страданія, и самыя пламенныя твои желанія безсильны облегчить послѣдній часъ умирающему тамъ»...

Людвигъ Маркъ «не можетъ придти въ себя отъ кошмара»:

«Menschen in Not
Brüder dir tot...
Krieg ist im Land...

Поэтъ, пишущій подъ псевдонимомъ д-ра Оулгласса, въ 70-лѣтнюю годовщину со дня рожденія Ницше (15 октября) предлагаетъ нѣмцамъ новый идеалъ: «Не сверхъ-человѣка, но, по крайней мѣрѣ, человѣка»... И этотъ идеалъ Францъ Верфель воплощаетъ въ стихахъ, звенящихъ мучительной жалостью, которая единитъ людей въ скорби и смерти:

«Тѣснѣе всякихъ общихъ мыслей и произведеній сближаетъ насъ угасающій взглядъ, ложе умирающаго и предсмертная тоска—въ тотъ мигъ, когда догораетъ жизнь. Гнешь ли ты спину передъ власть имущимъ, или дрожишь передъ милымъ любимымъ лицомъ, или острымъ холоднымъ взглядомъ выслѣживаешь врага,—ты долженъ бы всегда представлять себѣ потухающій взглядъ, жуткій хрипъ, сухія губы, судорожно-сжимающую руку, послѣднее одиночество и капли холоднаго пота на челѣ... Будь добръ... Нѣжность, это—мудрость, кротость—высшій разумъ... Всѣ мы—чужіе на землѣ, всѣ мы умираемъ для того, чтобы слиться гдѣ-то вновь»...

Но изъ всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ самыя свѣтлыя, самыя возвышенныя слова написалъ и въ дни этой чудовищной войны сохранилъ поистинѣ гетевское величіе духа Германъ Гессе, почетный гость и почти пріемный сынъ Швейцаріи. Продолжая жить въ Бернѣ, за чертою нравственной заразы, онъ все время упорно держится въ сторонѣ отъ всякаго, хотя бы и косвеннаго участія

въ этой войнѣ. 3 ноября 1914 года помѣщена была въ «Neue Züricher Zeitung» его прекрасная статья, перепечатанная вслѣдъ затѣмъ 16 ноября въ «Journal de Génève»—«О, друзья, зачѣмъ такія рѣчи», въ которой онъ заклиналъ европейскихъ художниковъ и мыслителей спасать міръ, который еще могъ быть спасенъ, и не разрушать, въ свою очередь, перомъ будущее Европы... Онъ написалъ послѣ того много прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ одно—«Миръ»—своей трогательной классической простотой найдетъ дорогу не къ одному сердцу, исполненному печали...

«Jeder hat's gehabt.
Keiner hat's geschützt
Jeden hat der süsse Quell gelabt...
O, wie klingt der Name Friede jetzt...
Klingt so fern und zag,
Klingt so tränenschwer
Keiner weiss und kennt den Tag,
Jeder sehnt ihm voll Verlangen her»...

(«Это было у всѣхъ, но этого не оцѣнилъ никто, и всѣхъ живилъ родникъ чудесный... О, какъ звучитъ теперь это слово—миръ... Такъ тихо, такъ робко звучитъ оно, слезами насыщены его звуки, и не знаетъ никто и не вѣдаетъ дня, когда онъ вновь наступитъ, и всѣ о немъ томятся тяжко...»).

Любопытно также отмѣтить отношеніе къ войнѣ молодыхъ литературныхъ изданій... Въ то время, какъ старые почтенные журналы, въ родѣ «Neue Rundschau», печатавшаго дикій бредъ Томаса Манна о культурѣ и цивилизаціи,

и другіе журналы всѣ въ большей или меньшей степени охвачены были воинственнымъ пыломъ, многіе изъ молодыхъ журналовъ съ надменнымъ равнодушіемъ проходятъ мимо текущихъ событій...

Невозмутимые «Blätter für die Kunst», которыми незримо руководитъ талантливый Стефанъ Георге, нашли возможнымъ выпустить въ концѣ 1914 года томикъ стиховъ въ 156 страницъ, въ которыхъ не было и намека на войну... Предупреждая возможные упреки въ томъ, что теперь не время для стиховъ, редакція въ послѣсловіи заявляетъ, что «программа журнала остается неизмѣнной» и приводитъ слова Жана Поля о томъ, что «всего болѣе нужны поэты именно въ то время, когда кажется, что можно обойтись безъ нихъ»...

Чуткій, страстный и смѣлый журналъ «Action» («Дѣло»), издающійся въ Берлинѣ и, несмотря на крайній свой модернизмъ, рѣзко отличающійся отъ олимпійской безстрастности «Blätter für die Kunst», въ номерѣ отъ 15 августа 1914 года, подобно первому, заявляетъ, что онъ политикѣ удѣлять вниманія не будетъ, и страницы его попрежнему будутъ посвящены только вопросамъ литературы и искусства... И если онъ, тѣмъ не менѣе, отводитъ мѣсто воинственнымъ стихамъ, которые присланы съ фронта военными врачами Вильгельмомъ Клеммомъ и Гансомъ Кохомъ, то лишь принимая во вниманіе ихъ художественную цѣнность, а не пылкость выраженныхъ въ этихъ стихахъ патріотическихъ чувствъ. Журналъ ѣдко вышучиваетъ смѣхотворныхъ пѣвцовъ нѣмецкаго шовинизма, Генриха Вирдта, автора «Deutschland hasse»—преступныхъ поэтовъ, возбуждающихъ ненависть лживыми сообщеніями, и профес-

сора Геккеля. Журналъ этотъ доходитъ даже до крайности въ своемъ диллетантизмѣ. Онъ какъ ни въ чемъ не бывало печатаетъ сженедѣльно переводы съ французскаго (Андре Жида, Пеги, Леона Блуа), воспроизведенія шедевровъ французской живописи—Домье, Делакруа, Сезана, Матисса, де-Френе... Кубизмъ процвѣтаетъ въ этомъ берлинскомъ журналѣ. Номеръ этой «Action» отъ 24 октября посвященъ Пеги, на первой страницѣ помѣщенъ портретъ Пеги, работы Эгона Шиле, и редакторъ журнала Францъ Пфемфертъ въ редакціонной статьѣ называетъ его «яркимъ выразителемъ мощи и нравственной красоты современной французской литературы». Добавимъ, что, какъ это часто бываетъ по ту сторону Рейна, они, конечно, нѣсколько пересаливаютъ, оплакивая смерть этого великаго человѣка, какъ «смерть своего соотечественника», и провозглашая себя его преемниками. Но чрезмѣрные восторги все же достойнѣе чрезмѣрной хулы...

Самый значительный изъ этихъ журналовъ—по многообразію разбираемыхъ вопросовъ, по численности и талантливости сотрудниковъ, это журналъ «Die weissen Blätter» (Бѣлыя страницы). Во главѣ его стоитъ человѣкъ съ недюжиннымъ широкимъ умомъ, писатель Рене Шикеле,—эльзасецъ по происхожденію, чутко и мучительно переживающій трагедію этой войны. Журналъ этотъ почти такого же характера, какъ французскій журналъ «Nouvelle Revue française». Послѣ четырехмѣсячнаго перерыва журналъ вновь сталъ выходить въ январѣ 1915 года. «Мы полагаемъ,—сказано было отъ редакціи въ этомъ январскомъ номерѣ,—что надо именно теперь, во время войны заняться перестройкой всего нашего

жизненнаго уклада и споспѣшествовать грядущей побѣдѣ духа. Отъ духовнаго единства Европы какъ будто не осталось и слѣда. И долгъ нашъ, всѣхъ не находящихся на полѣ битвы, отнынѣ—согласовать каждый шагъ нашъ съ велѣніями совѣсти, жить такъ, какъ долженъ будетъ жить каждый нѣмецкій гражданинъ по окончаніи этой войны...».

На ряду съ безпристрастными сообщеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій, съ историческими романами (какъ «Тихо Брахе», Макса Брода) или сатирическими комедіями Карла Штернгейма, донимающаго своей ѣдкой ироніей высшую нѣмецкую знать и крупныхъ промышленниковъ, «Бѣлыя страницы» печатаютъ и много статей по злободневнымъ вопросамъ. Нѣмецкій журналъ нѣсколько иначе оцѣниваетъ событія, чѣмъ французскіе журналы, что вполнѣ естественно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣзко осуждаетъ всякія проявленія необузданнаго шовинизма... Статьи Макса Шеллера «Европа и война» обнаруживаютъ весьма похвальную попытку такого безпристрастія... Журналъ оказываетъ гостепріимство искреннимъ, горячимъ статьямъ Аннеты Кольбъ (нѣмки по отцу, француженки по матери), вызвавшей въ Дрезденѣ бурю негодованія своей лекціей, въ которой она имѣла отвагу говорить о своей преданности обѣимъ родинамъ и о томъ, что Германія, въ сущности, не знаетъ настоящей Франціи... Въ февральскомъ номерѣ журнала напечатанъ былъ ея страстный протестъ противъ «войны съ звѣринымъ оскаломъ»...

«Журналисты очень заблуждаются, воображая, что этой площадной бранью по адресу непріятеля они внушаютъ отвагу своимъ соотечественникамъ... Мы

отвергаемъ такіе пріемы... Мы заявляемъ, что въ нашихъ глазахъ каждый сражающійся противъ насъ солдатъ-доброволецъ, который изъ ложно понятаго патріотизма стрѣляетъ въ насъ изъ засады и знаетъ, чѣмъ онъ рискуетъ, несравненно достойнѣе журналиста, который легко примѣняется къ обстоятельствамъ и не сражается съ врагомъ, а плюетъ на него громкими патріотическими тирадами»...

Самый замѣтный, самый краснорѣчивый и самый отважный среди этихъ молодыхъ писателей, пытавшихся оградить свою душу отъ разлагающаго вліянія національныхъ страстей, это вынесенный бурными волнами событій на широкое поле общественности Вильгельмъ Герцогъ, редакторъ мюнхенскаго «Форума», такъ же, какъ и Пеги своими «Cahiers de la quinzaine», одинъ заполняющій почти весь журналъ своими пламенными статьями... Проникнутый идеями Генриха фонъ-Клейста, о которомъ онъ написалъ восторженную біографію, онъ разсматриваетъ и судитъ современныя событія трагическими глазами этого мятежнаго поэта... Нѣмецкая цензура тщетно замыкала ему уста, тщетно урѣзывала его отчеты о лекціи Шпителлера или Аннеты Кольбъ,— его крики негодованія и мстительной ироніи доходятъ и до насъ... Онъ безпощадно бичуетъ 93-хъ представителей германской интеллигенціи, которые «воображаютъ себя Аяксами, потому что рычатъ громче всѣхъ», онъ бичуетъ политическихъ дѣятелей въ родѣ Геккеля, сѣющихъ раздоръ среди людей, бардовъ-патріотовъ, беззастѣнчиво глумящихся надъ патріотизмомъ другихъ народовъ... Онъ нападаетъ на Томаса Манна, высмѣиваетъ его софизмы, защищаетъ отъ него Францію, французскую армію, фран-

цузскую культуру... Онъ напоминаетъ, что всѣ великіе люди Германіи подвергались преслѣдованіямъ, обидамъ, клеветамъ... Грюнвальдъ и Дюреръ, Бахъ и Моцартъ и другіе.

Въ статьѣ, озаглавленной «Der neue Geist», онъ зло вышучиваетъ возрожденіе ходульности на подмосткахъ всѣхъ нѣмецкихъ театровъ и литературную посредственность патріотическихъ произведеній и спрашиваетъ, гдѣ же, въ чемъ онъ проявляется теперь, этотъ новый духъ. Отъ этого вопроса логическій переходъ къ кампаніи противъ Оствальда и Геккеля...

«Гдѣ его искать, новый духъ? Въ университетахъ? Вы читали этотъ грубый неуклюжій манифестъ 93-хъ профессоровъ? Понравились вамъ заявленія этой полуистлѣвшей муміи Лассона? Когда я былъ на первомъ курсѣ философскаго факультета въ Берлинѣ, аудиторія, въ которой онъ читалъ лекцію, была для насъ увеселительнымъ мѣстомъ (Lachkabinet)...

«А теперь съ его словами стали считаться! Англійскія газеты, французскія, итальянскія печатаютъ его старческій лепетъ, его выступленія противъ Голландіи и поясняютъ своимъ читателямъ, что это настроеніе нѣмецкой интеллигенціи... Сколько вреда причинили намъ эти тайные совѣтники и эти профессора съ ихъ просвѣтительной дѣятельностью... Сейчасъ даже учесть еще нельзя, сколько зла они сдѣлали намъ...

«Ихъ нечуткость, ихъ неумѣніе представить себя въ положеніи другого человѣка обособили ихъ отъ всего міра»...

Этимъ представителямъ народа, этимъ интеллигентнымъ болтунамъ и политическимъ авантюри-

стамъ онъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ противопоставляетъ тихихъ, вдумчивыхъ людей, народную массу, которая вездѣ, во всѣхъ странахъ, одинаково страдаетъ и молчитъ... И онъ сливается съ нею «въ незримо обобщающей печали».

«Страдающій человѣкъ, знающій, что тысячи другихъ людей обречены переносить такія же страданія, будетъ терпѣть безропотно... Онъ даже съ готовностью пріиметъ муки, потому что онѣ обогащаютъ его душу, обостряютъ его чуткость и дѣлаютъ его сильнѣе и человѣчнѣе».

И онъ приводитъ слова стараго Экегардта:

«Самый быстрый конь, несущій насъ къ совершенству, это—страданіе (Das schnellste Tier, das euch zur Vollkommencheit trägt, ist Leiden)».

* * *

Въ заключеніе этого краткаго очерка о молодыхъ писателяхъ, дѣлающихъ свое дѣло и во время войны, надо отмѣтить и тѣхъ, кого война уже скосила... Эти были едва ли не талантливѣйшіе среди молодыхъ—Эрнстъ Штадлеръ, страстно увлекавшійся французской поэзіей, французскимъ искусствомъ, переводчикъ Франсисъ Жаммъ, поклонникъ Пеги, незадолго до своей смерти въ ноябрѣ 1914 года обмѣнивавшійся письменно изъ французскихъ окоповъ мыслями съ австрійскими писателями о Верлэнѣ, котораго онъ переводилъ... Несчастный Георгъ Тракль, поэтъ меланхоліи, посланный съ санитарнымъ отрядомъ въ Галицію и не вынесшій зрѣлища страданій, которыя ему пришлось видѣть.

Въ концѣ октября 1914 года онъ покончилъ самоубійствомъ...

Сколько скрытыхъ трагедій, надъ которыми мы не рѣшаемся еще поднять завѣсы... Когда мы поднимемъ ее позднѣй, человѣчество ужаснется того, что содѣяно имъ...

* * *

Когда я пробѣгалъ эти навѣянныя войною произведенія нѣмецкихъ писателей, мнѣ пришла въ голову мысль, которую, надѣюсь, поймутъ многіе изъ моихъ французскихъ читателей.

Я думалъ о томъ, что наши молодые писатели не занимаются теперь литературой... Ихъ произведенія, это—ихъ поступки, а также письма ихъ. И когда я перечитывалъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, я говорилъ себѣ, что наши французскіе писатели сдѣлали больше писателей другихъ странъ. Я не буду теперь говорить о томъ, какое мѣсто займутъ эти героическія письма не только въ нашей исторіи, но и въ художественной литературѣ. Лучшая наша молодежь вложила въ эти письма всю свою душу, свою вѣру и свои таланты... За одно такое письмо я отдамъ прекраснѣйшія строфы прекраснѣйшей поэмы... Значеніе ихъ ясно станетъ позднѣй. Что бы мы ни думали о смыслѣ этой войны, каковы бы ни были ея послѣдствія, Франція (сражающаяся Франція) вписала въ книгу исторіи этой войны—на клочкахъ бумаги, испачканныхъ въ грязи и часто въ крови,—нѣсколько потрясающихъ величавыхъ страницъ.

Конечно, мы мучительнѣе, острѣе переживаемъ эту войну, чѣмъ наши противники... У кого изъ насъ хватило бы духу писать драму или романъ, когда страдаетъ родина, когда умираютъ братья?

Я не провожу сравненій между двумя народами. Самое важное для насъ въ настоящее время, это доказать, что и въ самой Германіи ненавистный намъ духъ алчнаго имперіализма и безчеловѣчной гордости, духъ военнаго сословія и педантовъ-мегаломановъ имѣетъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ небольшой хотя бы группы нѣмецкихъ интеллигентовъ. Ихъ очень мало пока—мы никакими иллюзіями себя не обольщаемъ... И потому мы должны удвоить наши усилія для того, чтобы сломить общаго врага... Меня спросятъ, много ли пользы въ томъ, что мы узнаемъ имена нѣсколькихъ благородныхъ, но безсильныхъ людей?

Чѣмъ менѣе внимаютъ ихъ голосамъ, тѣмъ больше заслуги въ томъ, что они все же поднимаютъ свой голосъ. И долгъ всѣхъ борцовъ за идеалы справедливости воздать также справедливость людямъ, которые во всѣхъ странахъ (даже въ странѣ, воплощающей въ себѣ насиліе надъ правомъ путемъ кулака) отстаиваютъ свободу заодно съ нами...

19 апрѣля 1915 года.

XV.

Избіеніе избранныхъ.

Это выраженіе не новое [1]): ново содержаніе, вложенное въ него современной дѣйствительностью. Никогда еще человѣчество не расточало такъ всѣ свои умственные и нравственные резервы — священниковъ, мыслителей, ученыхъ, художниковъ,—весь цвѣтъ будущаго на кровавой аренѣ и не обращало съ такой легкостью, какъ теперь, своихъ геніевъ въ пушечное мясо...

Въ такой расточительности можетъ быть и много величія, но когда есть величіе въ самой войнѣ, когда народъ борется за вѣчныя цѣнности, зажигающія своимъ неугасимымъ пламенемъ весь народъ отъ мала до велика, когда это пламя растворяетъ всѣ эгоистическія стремленія, облагораживаетъ желанія и множество душъ человѣческихъ спаиваетъ въ одну единую душу...

[1]) Это выраженіе принадлежитъ молодому писателю Люсьену Мори.

Но когда самый поводъ къ войнѣ кажется сомнительнымъ, когда задачи недостойны задачъ, которыя она ставитъ себѣ (таково мнѣніе о задачахъ, преслѣдуемыхъ нашимъ противникомъ), каково же тогда положеніе избранныхъ, духовной знати, которая имѣетъ печальное гордое преимущество прозрѣвать хотя бы часть истины и должна въ то же время сражаться, умирать и убивать за вѣру, въ которой она колеблется?..

Людей экспансивныхъ, опьяненныхъ борьбой или ослѣпленныхъ самой необходимостью дѣйствія, такіе вопросы мало тревожатъ...

Врагъ для нихъ—препятствіе, которое необходимо устранить съ пути.

Кромѣ этого препятствія для нихъ ничто не существуетъ, они сознаютъ только одну необходимость—одолѣть это препятствіе. Это ихъ задача, ихъ роль... Каждый долженъ исполнять свой долгъ. Они исполняютъ свой долгъ. Эти, конечно, не считаются съ меньшинствомъ. Но мы считаемся съ нимъ, мы, не принимающіе непосредственнаго участія въ борьбѣ, имѣющіе возможность и обязанность видѣть все, мы, составляющіе часть этого вѣчнаго меньшинства, вѣчно гонимаго и вѣчно непобѣдимаго... И потому мы должны вслушиваться и говорить о нравственныхъ страданіяхъ меньшинства... Пусть другіе выдумываютъ и повторяютъ плоскіе выкрики толпы... Должны же, наконецъ, зазвучать другіе голоса, которые передали бы весь трагизмъ войны и ея священный ужасъ...

Я буду брать примѣры изъ непріятельскаго лагеря по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что Германія съ самаго начала войны покрыла себя позоромъ

несправедливости, на фонѣ которой лишь ярче выдѣлились страданія маленькаго прямодушнаго, честнаго народа... Во-вторыхъ, потому, что показанія о дѣйствіяхъ германскихъ войскъ откровеннѣйшимъ образомъ подтверждались официальными сообщеніями, безвастѣнчивости которыхъ германская цензура и не подозрѣвала... И потому еще, что я почтительно преклоняюсь передъ геройской дисциплиной молчанія сражающейся и безмолвно страдающей Франціи. Дай Богъ, чтобы это молчаніе не было нарушено людьми, которые пытаются умалить ея страданія вздорными и непристойными газетными разсказами и оскверняютъ величіе жертвы возмутительно легкомысленной и пошлой болтовней...

* **

Я говорилъ въ предыдущей статьѣ «Литература и война», что часть интеллигентной германской молодежи ничуть не раздѣляла воинственнаго рвенія своихъ старшихъ товарищей. Я приводилъ рѣзкія слова порицанія, которыя высказывали эти молодые писатели теоретикамъ имперіализма. А группа этихъ писателей вовсе не такъ малочисленна (предположеніе о малочисленности этой группы высказано было въ очень сдержанной и корректной статьѣ газеты «Temps»), такъ наша, скажемъ, группа символистовъ. Среди нихъ имѣются писатели, пользующіеся широкой извѣстностью, которые пишутъ не для ограниченнаго меньшинства, за исключеніемъ кружка Стефана Георге, но которые пишутъ для всѣхъ.

Самый смѣлый изъ молодыхъ журналовъ, «Форумъ» Вильгельма Герцога, имѣлъ многочисленныхъ читателей и въ окопахъ и получалъ оттуда сочувственныя письма...

Но удивительнѣе всего то, что эти сомнѣнія въ правотѣ своего дѣла проникли и въ ряды сражающихся, и даже въ среду нѣмецкаго офицерства. Въ номерѣ журнала «Friedenswarte» («На стражѣ мира») за ноябрь—декабрь, издаваемомъ одновременно въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лейпцигѣ д-ромъ Альфредомъ Фридоля, помѣщено воззваніе къ германскимъ народамъ за подписью барона фонъ-Биберштейна, прусскаго ландрата и капитана запаснаго перваго пѣхотнаго батальона. Статья написана была въ октябрѣ въ окопахъ на сѣверѣ Арраса, гдѣ Биберштейнъ 11 ноября былъ убитъ. Статья эта говоритъ о непритворномъ ужасѣ передъ этой войной и страстномъ желаніи, чтобы эта война была послѣдней... «Къ этому пришли всѣ, находящіеся на фронтѣ, всѣ увидали воочію страшныя бѣдствія современной войны...»

Нельзя пройти мимо честной откровенности фонъ-Биберштейна: онъ нашелъ въ себѣ рѣшимость сознаться и покаяться въ содѣянныхъ Германіей несправедливостяхъ. «Война—писалъ онъ—открыла намъ глаза на то, какъ мы нелюбимы всюду... Нѣтъ дыма безъ огня: чѣмъ-нибудь, вѣроятно, мы вызвали это всеобщее недружелюбное къ намъ отношеніе. До извѣстной степени мы и оправдали его... Будемъ надѣяться, что Германія извлечетъ изъ этой войны не одинъ полезный урокъ и постарается разобраться въ своихъ проступкахъ и искупить ихъ...» Къ сожалѣнію, и въ этой статьѣ звучитъ еще германское высокомѣріе; выражая свое желаніе мира, авторъ полагаетъ, что миръ міру дастъ только Германія. Въ общемъ, статья эта во многомъ напоминаетъ воинственный пацифизмъ Оствальда...

Но вотъ драматическія сцены въ стихахъ, написанныя другимъ нѣмецкимъ офицеромъ, поэтомъ Фрицомъ фонъ-Унру, поручикомъ уланскаго полка, стоявшаго на западномъ фронтѣ. Сцены эти вышли недавно подъ общимъ заглавіемъ «Предъ рѣшительнымъ шагомъ».

Это—драматическая поэма, въ которой авторъ воспроизвелъ свои собственныя впечатлѣнія и свое нравственное перевоплощеніе. Герой такъ же, какъ и авторъ, офицеръ уланскаго полка, прошелъ нѣсколько этаповъ войны, но вездѣ онъ чувствуетъ себя чужимъ; ему чужды кровожадные инстинкты, онъ вездѣ видитъ ужасающую дѣйствительность во всей ея наготѣ и тяжко страдаетъ отъ этого... Двѣ сцены, перепечатанныя «Новой Цюрихской газетой», вводятъ читателя въ грязную, залитую кровью траншею, гдѣ нѣмецкіе солдаты, съ горькими словами на устахъ, умираютъ или ждутъ смерти, какъ скотъ на бойнѣ... Офицеры распиваютъ шампанское вокругъ мортиры «42», хохочутъ, пьянѣютъ и засыпаютъ, отуманенные виномъ и усталостью. Я приведу нѣсколько строкъ изъ первой сцены, нѣсколько жуткихъ словъ человѣка, притаившагося въ траншеѣ, подъ грохотъ картечи.

«Тамъ, въ тылу смѣхъ и ликованіе, тамъ празднуютъ каждую нашу побѣду. Насъ рѣжутъ, какъ скотъ на бойнѣ, и говорятъ: ничего не подѣлаешь—война, это—война. Когда война кончится, они года три еще будутъ носиться съ нами; они хитры, эти господа... Но не успѣетъ посѣдѣть первый калѣка, его сѣдые волосы уже будутъ предметомъ насмѣшки...»

Уланъ, охваченный ужасомъ среди потоковъ крови, опускается на колѣни и молится:

«Ты, дарующій жизнь, Ты, отнимающій жизнь, какъ познать Тебя? Въ этихъ окопахъ, устланныхъ искалѣченными тѣлами, я не вижу Тебя... Доходитъ ли до Тебя раздирающій сердце крикъ этихъ тысячъ людей, задыхающихся въ жуткихъ объятіяхъ смерти, или вопли ихъ таютъ въ ледяномъ пространствѣ?... Для кого же расцвѣтетъ Твоя весна? Кому будетъ сіять Твое солнце? Богъ мой, для кого, для кого? Взываю къ Тебѣ отъ имени всѣхъ, кому отвага и страхъ замыкаютъ уста передъ жутью Твоего мрака. Что же согрѣваетъ мою душу? Какая истина сіяетъ предо мной? Или это кровопролитіе—воля Твоя? Это воля Твоя, Господи?.....»

(Онъ теряетъ сознаніе и падаетъ).

Менѣе патетичны, проще, сдержаннѣе и понятнѣе намъ письма съ театра войны поручика д-ра Альберта Клейна, преподавателя реальной гимназіи въ Гисенѣ, убитаго въ Шампани 12 февраля 1915 года. Не буду останавливаться на страницахъ наиболѣе значительныхъ своей художественной цѣнностью и силой мысли и приведу лишь мѣста, которыя, по-моему, должны представлять исключительный интересъ для французскаго читателя.

Первый отрывокъ съ захватывающей откровенностью рисуетъ нравственное состояніе германской арміи:

«Кто изъ насъ не дорожитъ своей жизнью? Мы всѣ знаемъ себѣ цѣну и прекрасно учитываемъ всѣ наши возможности. Мы въ полномъ расцвѣтѣ нашихъ силъ. У насъ крѣпкія руки, мы сильны духомъ. Но какъ никто не умираетъ добровольно, такъ никого нельзя назвать храбрымъ въ элементарномъ смыслѣ этого слова... Во всякомъ случаѣ, такого рода храбрость—явленіе очень рѣдкое.... И потому, что истинная доблесть и презрѣніе

смерти—такія рѣдкія явленія въ жизни, призываются на помощь религія, идеи, поэзія; людямъ еще въ ранніе школьные годы внушается, что достойнѣйшая смерть, это—смерть за родину. Лжегероизмъ наполняетъ своимъ трезвономъ всѣ наши газеты и рѣчи нашихъ политическихъ дѣятелей... Ярмарочный шумъ оскверняетъ истинный героизмъ немногихъ, безоглядно подвергающихъ себя опасностямъ и увлекающихъ за собою другихъ... Мы исполняемъ свой долгъ, мы дѣлаемъ то, что должны дѣлать. Но, вѣдь, это все добродѣтели пассивныя... Мнѣ больно читать и противно читать вздорную болтовню людей, у которыхъ совѣсть не чиста, потому что они въ тылу въ полной безопасности. Мнѣ противно читать эти крикливыя статьи, изъ каждаго солдата дѣлающія героя... Героизмъ—растеніе рѣдкое, и ни одна народная армія не сильна только героизмомъ. Мощь арміи создается дисциплиной, почтительнымъ отношеніемъ къ начальникамъ; необходимо даже, чтобы солдатъ боялся своего начальника больше, чѣмъ врага; нужны добросовѣстные, вѣрные своему долгу, знающіе свое дѣло начальники, нужны сообразительные, находчивые, владѣющіе собой люди... Мы краснѣемъ отъ стыда, читая похвалы, расточаемыя людьми, которые находятся въ тылу... Слава Богу, мы не утратили еще честной способности краснѣть... Ахъ, дорогіе друзья мои, здѣсь не говорятъ о смерти, о послѣднихъ минутахъ, о жертвѣ, о побѣдѣ съ такой легкостью, съ какой оставшіеся въ тылу, дома, трезвонятъ въ колокола, произносятъ рѣчи и пишутъ газетныя статьи... Здѣсь люди приспособляются, по мѣрѣ своихъ силъ, къ неизбѣжнымъ страданіямъ и примиряются со смертью, если таковъ ихъ удѣлъ... Они

знаютъ, они видятъ здѣсь, какія благородныя жертвы, безчисленныя жертвы были принесены и сколько тяжелыхъ утратъ у одной и другой воюющей стороны... Когда человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу съ страданіемъ, отъ сердца его помимо его воли протягивается нить къ тѣмъ, что стоятъ по ту сторону... (И вы, друзья мои, вы тоже должны чувствовать эту связь между собой и ними... Вы чувствуете ее, не правда ли?). Если я вернусь отсюда домой, на что у меня нѣтъ почти никакой надежды, я первымъ дѣломъ наброшусь на изученіе духовнаго лика нашихъ теперешнихъ враговъ... Я хотѣлъ бы перестроить свое міросозерцаніе, включивъ въ него новый опытъ... Мнѣ кажется, что послѣ этой войны легче будетъ, чѣмъ когда бы то ни было, быть истинно-гуманнымъ»...

Второй отрывокъ, это—описаніе трогательной встрѣчи съ французскимъ плѣннымъ:

«Вчера вечеромъ я пережилъ нѣсколько минутъ, всколыхнувшихъ мою душу. Я видѣлъ на вокзалѣ транспортъ плѣнныхъ, и мнѣ удалось разговориться съ однимъ изъ нихъ, съ товарищемъ по профессіи, преподавателемъ древнихъ языковъ... Такой прямодушный, умный человѣкъ, отличной военной выправки, какъ всѣ его товарищи, хотя они и перенесли тяжелые дни, когда стояли подъ обстрѣломъ нашей артиллеріи... Онъ лишній разъ убѣдилъ меня въ безсмыслицѣ этой войны... Я думалъ о томъ, какъ хорошо было бы быть другомъ этихъ людей, близкихъ намъ по воспитанію, по всему укладу жизни, по убѣжденіямъ, по кругу интересовъ. Мы говорили объ одной книгѣ, о Руссо и заспорили, какъ старые филологи... Какъ много между нами духовнаго

сходства! И какъ мало правды въ сообщеніяхъ нашихъ газетъ объ упадкѣ духа и истощеніи французской арміи... Въ этомъ такъ же мало правдоподобія, какъ и въ ихъ розсказняхъ о насъ... Въ томъ, что этотъ товарищъ-французъ говорилъ о Германіи, было столько чуткости, продуманности, столько справедливости оцѣнки... Мы должны бы быть друзьями—и стоимъ другъ противъ друга, какъ враги... Я былъ такъ потрясенъ этой встрѣчей. Я долго сидѣлъ потомъ, какъ оглушенный, и думалъ, думалъ, думалъ... Я не могу выбраться изъ сѣти опутавшихъ меня софизмовъ. И не видно конца, не видно конца этой войнѣ, скоро уже шесть мѣсяцевъ увлекающей въ свою бездну столько людей, золота, счастья... И всѣхъ томитъ это чувство безысходности. И здѣсь, и тамъ одна и та же картина: мы дѣлаемъ одно дѣло, одинаково страдаемъ, мы такіе же люди, какъ они... И въ то же время мы—безпощадные другъ къ другу враги»...

Такой же тоской и растерянностью, тѣмъ же отчаяніемъ, граничащимъ порою съ безуміемъ, звучатъ и письма нѣмецкаго солдата къ одному учителю въ нѣмецкую Швейцарію... Письма эти проходили черезъ наши руки, черезъ комитетъ помощи военноплѣннымъ, и были затѣмъ напечатаны въ журналѣ «Вѣра и Жизнь», въ № 6, отъ 15-го апрѣля.

Ихъ обошли молчаніемъ. Но они стоятъ того, чтобы о нихъ говорили... Изъ этихъ писемъ, написанныхъ въ промежуткѣ времени отъ начала августа до конца декабря, видно, что среди германскихъ войскъ уже въ августѣ мѣсяцѣ раздавались голоса въ пользу мира.

«Всѣ мы, даже тѣ, что въ самомъ началѣ сражались съ яростнымъ рвеніемъ, желаемъ теперь только мира, и офицеры наши желаютъ его такъ же, какъ и мы... И какъ мы не убѣждены въ необходимости побѣдить, у насъ нѣтъ больше воинственнаго энтузіазма. Мы исполняемъ нашъ долгъ, но онъ требуетъ слишкомъ тяжелыхъ жертвъ... Мы страдаемъ душою... Я и сказать не могу, какія я страданія переношу...

«20-е сентября. Пріятель мой одинъ пишетъ мнѣ: «20-го и 25-го августа я участвовалъ въ большихъ бояхъ. Я тяжко страдаю съ тѣхъ поръ какъ физически, такъ и душевно; я совершенно измученъ... Я покоя себѣ не нахожу... Эта война покажетъ намъ, сколько еще звѣрскаго въ человѣческой душѣ... И этотъ урокъ долженъ вытравить въ насъ звѣриные инстинкты, иначе мы погибнемъ...

«28-е ноября [1]). Всѣ муки этой войны блѣднѣютъ передъ терзаніями мыслей, преслѣдующихъ насъ днемъ и ночью... Когда я стою на холмѣ, съ котораго открывается видъ на широкую равнину, меня томитъ всегда одна и та же мысль. Тамъ внизу неистовствуетъ война. Эти темныя борозды, эти ряды людей, стоящихъ другъ противъ друга, какъ враги. А тамъ, на противоположномъ холмѣ, стоитъ, быть можетъ, человѣкъ и, какъ ты, глядитъ на лѣса, на голубое небо и томится такими же мыслями, какъ и ты, его врагъ...

«Это вѣчное представленіе о близости физической, о близости духовной сводитъ меня съ ума... Я готовъ

---

[1]) Это удивительная страница — голосъ Толстого звучитъ въ этихъ строкахъ. *Ром. Рол.*

завидовать товарищамъ, которые могутъ безпрерывно спать или убивать время въ карточной игрѣ...

«17-е декабря. Всѣ страстно жаждутъ мира, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, кто находятся на фронтѣ и обязаны убивать и видѣть, какъ убиваютъ другіе... Газеты пишутъ, что военачалышки съ трудомъ сдерживаютъ воинственное рвеніе солдатъ... Онѣ лгутъ, сознательно или безсознательно... Наши пасторы въ своихъ проповѣдяхъ повторяютъ легенду о томъ, что воинственный пылъ будто бы угасаетъ... О если бы вы знали, какъ насъ возмущаетъ вся эта болтовня. Пусть они молчатъ! Зачѣмъ они говорятъ о вещахъ, которыхъ знать не могутъ... Или пусть идутъ къ намъ, но не въ качествѣ священниковъ, находящихся въ тылу, пусть идутъ къ намъ на линію огня съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда, быть можетъ, они поймутъ, какой внутренній переворотъ совершился въ насъ... Въ глазахъ этихъ пасторовъ каждый человѣкъ, не охваченный воинственнымъ пыломъ,—не человѣкъ, не такой человѣкъ, какой нуженъ теперь... Но мнѣ кажется, что въ насъ больше героизма, чѣмъ въ другихъ... Насъ не поддерживаетъ и не вдохновляетъ воинственный энтузіазмъ, но мы вѣрно исполняемъ нашъ долгъ, хотя всей душой ненавидимъ войну... Говорятъ о священной войнѣ... Я не признаю священной войны... Я знаю одну только войну, которая обнажаетъ все, что есть въ человѣкѣ безчеловѣчнаго, сквернаго, звѣрскаго, и обрушивается тяжкой карой на народъ и ведетъ къ гибели народъ, который начинаетъ такую войну или даетъ вовлечь себя въ нее... Господь Богъ ведетъ человѣчество черезъ этотъ адъ для того, чтобы приблизить его къ небу... Для германскаго народа

эта война—кара небесная и призывъ къ покаянію, и, прежде всего, призывъ германской церкви къ покаянію... У меня есть друзья, которые страдаютъ отъ своего безсилія сдѣлать что-нибудь для отечества... Они могутъ съ спокойной совѣстью оставаться дома... Эти могутъ быть полезны и своей мирной работой... Но къ намъ пусть идутъ люди, славословящіе войну,—они научатся, быть можетъ, молчать...»

Зачѣмъ печатать такія страницы?—быть можетъ, спросятъ меня мои соотечественники. Зачѣмъ въ самомъ разгарѣ войны возбуждать жалость къ противникамъ и расхолаживать этимъ рвеніе воюющихъ?

Я отвѣчу на это: потому, что это правда, и потому, что эта правда оправдываетъ наше отношеніе и отношеніе всего міра къ германскому правительству и къ политикѣ Германіи. Мы знаемъ всѣ дѣянія германскихъ войскъ, но именно то, что эти дѣянія совершены были при наличности въ германской арміи такихъ элементовъ, признанія которыхъ я привелъ выше, только усугубляетъ преступность германскихъ военачальниковъ... Голоса этого принесеннаго въ жертву меньшинства несутся съ полей битвъ грознымъ осужденіемъ угнетателямъ. Къ обвинительнымъ актамъ противъ хищныхъ, одержимыхъ безумной гордыней правительствъ, къ протестамъ противъ нарушеннаго права, противъ поруганія человѣческаго чувства прибавляется еще скорбный крикъ ихъ собственнаго народа, который ихъ дурные пастыри ведутъ къ насилію и кровопролитію. Жертвовать своимъ тѣломъ—еще не самое страшное страданіе... Но жертвовать своей душой, отрекаться отъ своей души!.. Вы, умирающіе за правое дѣло, вы, исполненные здоровыхъ

соковъ и вѣры, вы, падающіе, словно зрѣлый плодъ съ дерева, какъ прекрасенъ вашъ удѣлъ въ сравненіи съ такими страданіями... Но мы должны позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы жертвы не были тщетны... Чтобы совѣсть человѣческая услышала и запомнила стоны людскіе! Они зазвучатъ въ скоромъ будущемъ и покроютъ шумъ битвъ. Исторія должна будетъ отмѣтить ихъ. Исторія произнесетъ свой судъ надъ палачами своихъ народовъ. И народы научатся свергать своихъ палачей.

«Journal de Génève», 14 іюня 1915 года.

XVI.

Жоресъ.

На нашихъ глазахъ идетъ бой, въ которомъ гибнутъ тысячи людей, и жертвы эти никакого вліянія на исходъ боя не оказываютъ. Но иногда смерть одного человѣка можетъ быть равносильна роковому для всего человѣчества пораженію. Такимъ несчастьемъ было убійство Жореса. Нужна была совокупность духовныхъ достиженій долгихъ вѣковъ и пышныхъ культуръ сѣвера и юга, перекинувшихся и созрѣвшихъ на благодарной почвѣ Франціи, подъ небомъ Запада, для того, чтобы могъ родиться одинъ такой человѣкъ. И когда еще счастливое сочетаніе элементовъ и силъ природы дастъ другой такой экземпляръ человѣческаго генія? Жоресъ представляетъ собою чуть ли не единственный примѣръ крупнаго политическаго оратора и въ то же время крупнаго мыслителя, въ которомъ широкое образованіе соединялось съ чуткой наблюдательностью и нравственная чистота съ недюжинной неутомимой энергіей.

Другой такой совершенный типъ мы могли бы найти развѣ только въ далекомъ античномъ мірѣ... Онъ увлекалъ за собою массу, плѣнялъ самыхъ требовательныхъ интеллигентовъ, щедро, полными пригоршнями разбрасывалъ свой геній не только въ своихъ рѣчахъ и соціальныхъ трактатахъ, но и въ своихъ трудахъ, историческихъ и философскихъ, и на все накладывалъ свою печать, на всемъ оставлялъ слѣдъ своего упорнаго труда и всюду сѣялъ сѣмена своего смѣлаго, ищущаго ума. Я слышалъ его много разъ въ палатѣ депутатовъ, на соціалистическихъ конгрессахъ, на собраніяхъ, устраиваемыхъ друзьями угнетенныхъ народовъ. Онъ даже оказалъ мнѣ однажды особую честь, выступивъ передъ парижской публикой съ устнымъ предисловіемъ къ постановкѣ моей пьесы «Дантонъ». Я вижу передъ собой его широкое, спокойное, привѣтливое лицо добродушнаго, обросшаго великана, его небольшіе, живые, смѣющіеся глаза и этотъ ясный взглядъ, умѣвшій въ одно и то же время слѣдить за нитью мысли и наблюдать людей. Я вижу его на эстрадѣ, вижу, какъ онъ шагаетъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, тяжелыми шагами, какъ медвѣдь, и вдругъ круто поворачивается и бросаетъ слушателямъ своимъ однотоннымъ мѣднымъ голосомъ чеканныя, кованныя слова, долетавшія до самыхъ далекихъ угловъ обширныхъ амфитеатровъ, ударявшіяся въ сердца и объединявшія тысячи людей въ одномъ трепетѣ восторга... И сколько красоты являла собою порой эта пролетарская масса, зачарованная великими мечтами о далекомъ будущемъ, которыя рисовалъ имъ Жоресъ!..

Изъ всѣхъ талантовъ, которыми обладалъ этотъ человѣкъ, самый существенный выражался въ томъ, что

онъ былъ истиннымъ человѣкомъ,—не человѣкомъ извѣстной профессіи, извѣстнаго класса, партіи, идеи, но совершеннымъ, гармоничнымъ, свободнымъ человѣкомъ... Его ничто не поглощало, ничто не вмѣщало въ себѣ цѣликомъ, но онъ все вмѣщалъ въ себѣ... Въ немъ совмѣщались самыя благородныя проявленія человѣческаго духа. Умъ его нуждался въ общеніи съ другими людьми, сердце его страстно жаждало свободы. И это предохраняло его, съ одной стороны, отъ деспотизма партіи, съ другой стороны, отъ анархіи духа... Онъ жаждалъ все постичь, все охватить, но не для того, чтобы критиковать или измѣнять, а для того, чтобы включить познаваемое въ общую гармонію своего духа... И онъ прежде всего умѣлъ видѣть во всемъ „человѣческое“... Его гуманной душѣ и широкому уму одинаково чужды были какъ узкое упорство отрицанія, такъ и фанатичное утвержденіе... Всякая нетерпимость внушала ему ужасъ.

Если онъ становился во главѣ многочисленной революціонной партіи, то съ тѣмъ, говорилъ онъ, чтобы уберечь великое дѣло пролетарской революціи отъ страшнаго позора крови, убійства и ненависти, который до сихъ поръ тяготѣетъ надъ буржуазной революціей.

Онъ требовалъ отъ своего имени и отъ имени партіи уваженія къ человѣческой личности и духа живого, проявляющагося въ каждой человѣческой личности... Его тяготило чувство духовнаго антагонизма, безъ внѣшней видимой борьбы воздвигающаго невидимыя преграды между людьми, преграды, мѣшающія братскому единенію людей. Онъ не могъ безъ ужаса читать слова кардинала Ньюмана объ адской безднѣ, разверзающейся уже

въ этой жизни между людьми... Ему казалось,—говорилъ онъ,—что онъ видитъ, какъ пропасть разверзается подъ бѣдными, слабыми людьми, мнившими себя объединенными общностью страданій и взаимнымъ сочувствіемъ... И онъ мучительно страдалъ отъ этихъ мыслей...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ этотъ до конца своихъ дней оставался непонятымъ многими. Будучи самымъ яркимъ выразителемъ крайнихъ партій, онъ въ то же время, въ силу своеобразія и неугомонности своего духа, всегда стремился примирять самыя спорныя идеи...

Онъ пытался сочетать ихъ въ интересахъ общаго добра и прогресса... Въ философіи онъ сближалъ идеализмъ съ реализмомъ, въ исторіи—настоящее съ прошлымъ, въ политикѣ—любовь къ отечеству съ уваженіемъ къ патріотическимъ чувствамъ людей другихъ странъ... Онъ никогда не позволялъ себѣ, какъ многіе фанатики, именующіе себя свободными мыслителями, отвергать то, что было, во имя того, что будетъ... Онъ не развѣнчивалъ, а воздавалъ должную справедливость идеямъ всѣхъ борцовъ минувшихъ вѣковъ, къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали...

«Мы чтимъ — говорилъ онъ — культъ прошлаго. Очаги всѣхъ человѣческихъ поколѣній не напрасно пылали... Но мы идемъ къ новому идеалу, мы боремся за новый идеалъ, и мы истинные преемники огня нашихъ предковъ, къ намъ перешелъ ихъ огонь, вы же сохранили только пепелъ... (январь 1908 г.).

«Мы привѣтствуемъ всѣхъ героевъ стойкой воли»,—писалъ онъ еще въ своемъ предисловіи къ «Соціалистической исторіи революціи», въ которой онъ, по его

словамъ, старался примирить идеи Плутарха съ идеями Мишле и Карла Маркса. Изъ «исторіи, понимаемой даже только какъ изученіе экономическихъ формъ жизни, никогда не можетъ быть вычеркнута память о благородныхъ и отважныхъ людяхъ»...

«На нравственномъ уровнѣ общества завтрашняго дня неминуемо будетъ лежать печать духовной культуры людей сегодняшняго дня... Жизнеописаніе всѣхъ героическихъ борцовъ, которые на протяженіи цѣлаго столѣтія самоотверженно служили идеѣ свободы и съ величавымъ презрѣніемъ относились къ смерти, развѣ не равносильно революціонному подвигу?»...

Къ чему онъ ни подходитъ, онъ пытается возстановить благородный синтезъ всѣхъ жизненныхъ силъ, всюду развертываетъ свою широкую панораму жизни, всюду раскрываетъ сложный и глубокій смыслъ вещей. Это изумительное равновѣсіе безчисленныхъ элементовъ предполагаетъ въ ихъ носителѣ исключительное здоровье физическое, исключительно здоровый духъ и совершенное обладаніе своими силами. И благодаря именно этой мощи и гармоніи своего духа Жоресъ и могъ быть пилотомъ европейской демократіи...

И какъ онъ былъ дальнозорокъ и проницателенъ! Позднѣе, когда будетъ разбираться процессъ настоящей войны, онъ выступитъ безпощаднымъ свидѣтелемъ...

Чего только онъ не предвидѣлъ! Прочитайте его рѣчи, произнесенныя за послѣднія десять лѣтъ его жизни... Теперь, въ самомъ разгарѣ борьбы, рано еще цитировать его грозныя показанія... Вспомнимъ только, съ какой тревогой онъ указывалъ уже съ 1905 года на надвигавшуюся чудовищную войну; вспомнимъ опа-

сенія, которыя внушали ему «то глухіе, то обостряющіеся конфликты между Германіей и Англіей» (18-е ноября 1909 г.), его обличенія тайныхъ пропсковъ европейской дипломатіи и министровъ финансовъ, пропсковъ, которымъ благопріятствовала инертность общественнаго мнѣнія. Вспомнимъ его негодованіе противъ сенсаціонныхъ вымысловъ печати, противъ газетъ, издающихся часто на сомнительныя средства, которыя, отчасти изъ корыстолюбивыхъ соображеній, отчасти изъ затемняющей разсудокъ гордости, сѣютъ панику и ненависть и цинично играютъ судьбою милліоновъ людей... Вспомнимъ его презрительныя слова по адресу людей, которыхъ онъ называлъ «маглаками отечества», его ясную, опредѣленную оцѣнку всякой отвѣтственности... Вспомнимъ его предсказаніе о той угодливорабской позиціи, которую займетъ въ случаѣ войны германская соціалъ-демократія, его характеристику на амстердамскомъ конгрессѣ въ 1904 году ея кичливаго безсилія, его указанія на отсутствіе въ ней революціонныхъ традицій, на недостатокъ парламентскихъ силъ... Вспомнимъ его предсказаніе о томъ, какое положеніе займутъ въ войнѣ между большими державами вожди французскаго соціализма, между прочимъ Жюль Гэдъ... Его дальновидность шла дальше этой войны; онъ предвидѣлъ и близкія, и болѣе отдаленныя послѣдствія, предвидѣлъ какъ соціальныя, такъ и міровыя послѣдствія этой схватки народовъ...

Чтобы онъ сдѣлалъ, если бы жилъ? Европейскій пролетаріатъ всѣ свои упованія возлагалъ на него... «Онъ вѣрилъ въ него», какъ говорилъ Камиллъ Гюисмансъ въ надгробной рѣчи отъ имени рабочаго Интернаціонала...

Онъ велъ войну противъ войны до тѣхъ поръ, пока не потерялъ всякую надежду предотвратить ее и, несомнѣнно, преклонился бы передъ общимъ долгомъ національной самообороны и дѣлалъ бы свое дѣло со всей энергіей, на какую былъ способенъ... Онъ говорилъ объ этомъ, впрочемъ, еще на конгрессѣ въ Штутгартѣ, въ 1907 году, въ полномъ согласіи съ Вандервельде и Бебелемъ: «Нація, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ заранѣе отказывающаяся отъ самообороны, становится игрушкой въ рукахъ правительствъ реакціонныхъ, въ рукахъ правительствъ произвола и насилія».

«Не можетъ быть и рѣчи о единеніи народовъ, когда одна сильная держава поглощаетъ другія, менѣе сильныя. Одни народы тогда неизбѣжно оказываются въ рабствѣ у другихъ»...

По возвращеніи въ Парижъ, на своемъ докладѣ французскимъ соціалистамъ объ этомъ конгрессѣ онъ указывалъ на двойной долгъ, который стоитъ передъ каждымъ соціалистомъ: во-первыхъ, долгъ вести войну противъ войны, пока она еще только угроза, пока она еще на далекомъ горизонтѣ, и на долгъ въ часъ кризиса воевать во имя защиты національной независимости... Этотъ великій европеецъ былъ великимъ французскимъ гражданиномъ... И, несомнѣнно, исполняя свой патріотическій долгъ, онъ въ то же время не переставъ бы отстаивать свой общечеловѣческій идеалъ и, какъ зоркій стражъ, высматривалъ бы благопріятный мигъ, чтобы вновь приступить къ возстановленію нарушеннаго единства... И при немъ корабль соціализма, навѣрно, не

снесло бы внизъ по теченію, какъ это случилось при его немощныхъ преемникахъ...

Его не стало. Но, подобно великолѣпнымъ отсвѣтамъ заката, сіяютъ надъ истекающей кровью, погруженной въ сумерки, Европой лучи его сверкающаго генія, его сердечной доброты въ пылу ожесточенной борьбы и его непоколебимаго оптимизма въ дни несчастій...

Одна изъ его страницъ, безсмертная страница, которую нельзя читать безъ глубокаго волненія, изображаетъ намъ Геркулеса, отдыхающаго послѣ дневной работы на родной землѣ:

«Бываютъ минуты, — говоритъ онъ, — когда прикосновеніе къ землѣ доставляетъ намъ радость свѣтлую и глубокую, какъ сама земля... Сколько разъ, шагая по тропинкамъ среди полей, я вдругъ проникался радостнымъ сознаніемъ, что я хожу по землѣ, что я принадлежу ей, что она моя... И я невольно замедлялъ шаги... Не хотѣлось спѣшить—я чувствовалъ землю при каждомъ шагѣ, я чувствовалъ, что она принадлежитъ мнѣ, и душа моя уходила въ ея таинственную глубь... Сколько разъ, лежа на откосѣ оврага и глядя на закатѣ дня на нѣжно-синій востокъ, я представлялъ себѣ, что земля движется куда-то, что, убѣгая отъ дневной суеты и тревогъ и предѣльныхъ горизонтовъ солнечнаго свѣта, она стремительно несется къ свѣтлому сумраку и безграничнымъ горизонтамъ и уноситъ меня съ собою... И я чувствовалъ въ тѣлѣ, и въ душѣ, и въ землѣ, такъ же, какъ въ моемъ тѣлѣ, волнующую быстроту этого бѣга, и меня такъ сладко волновали голубыя дали, ровно и безшумно развертывавшіяся передъ нами. О, эта близость между тѣломъ и землею несравненно глубже и острѣе,

чѣмъ зыбкая дружба нашего блуждающаго взгляда и усѣяннаго звѣздами неба... И звѣздная ночь не казалась бы намъ столь прекрасной, если бы мы не чувствовали, какъ мы тѣсно связаны съ землей»...

Онъ ушелъ въ эту землю, въ землю, которая принадлежала ему, въ эту землю, которой онъ принадлежалъ... Но она согрѣта теперь и очеловѣчена его духомъ... Подъ потоками крови, залившими его могилу, пробиваются ростки новой жизни и близкаго мира... Жоресъ часто повторялъ вслѣдъ за старымъ Гераклитомъ, что ничто не въ силахъ остановить безпрерывнаго хода вещей и что «миръ—лишь одна форма, одна сторона войны, и война—лишь одна форма, одна сторона мира, и сегодняшняя война—начало завтрашняго примиренія».

«Journal de Génève», 2 августа 1915 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.

Смольный, 2-й этажъ, комната 51, телефонъ—34, комн.—54.

Книжный магазинъ—Невскій, 116.

Вышли изъ печати:	Цѣна. Р. К.
Н. Афиногеновъ (Степной). «Записки ополченца». Разошлось. Печ. 2-е изд.	1 25
Гайкъ Ад-янцъ. «Крестьянскій вопросъ во Франціи»	— 55
Ватинъ. «Что такое коммуна?»	— 20
В. Володарскій. «Напутственная рѣчь агитаторамъ»	— 50
«Враги ли евреи рабочимъ и крестьянамъ». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 20
«Вѣнокъ коммунаровъ», сборн. памяти В. Володарскаго, съ рис.	2 —
Н. Горловъ. «Темныя силы, война и погромы»	— 15
«Евреи, классовая борьба и погромы»	— 10
Г. Зиновьевъ. «Корни оборончества». Разошлось. Печ. 2-е изд.	1 10
Его же. «Наше положеніе и задачи созданія красн. арміи»	— 25
Его же. «Австрія и война»	1 80
Его же. Изъ исторіи пролетарск. праздн. 1 мая»	— 30
Его же. «Г. В. Плехановъ. Вмѣсто рѣчи на могилѣ»	— 45
Его же. «Хлѣбъ, миръ и партіи»	— 70
Его же. «Рабочія партіи и профессіональные союзы»	2 25
К. Каутскій. «Наука, жизнь и этика»	— 30
Его же. «К. Марксъ и его историческое значеніе»	1 20
Его же. «Экономическое ученіе К. Маркса». Разошлось. Печ. 2-е изд.	2 —
Кій. «Что такое соціализмъ?»	— 65
П. Лафаргъ. «Вѣра въ Бога». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 75
Н. Ленинъ и Г. Зиновьевъ. «Противъ теченія». 2-е изд.	10 —
В. Либкнехтъ. «1848 годъ и коммуна»	1 30
З. Лилина. «Солдаты тыла». Женскій трудъ до и послѣ войны. Разошлось. Печ. 2-е изд.	2 10
А. Луначарскій и Г. Зиновьевъ. «К. Марксъ и соціал. революція». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Судъ надъ К. Либкнехтомъ». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 45
Ленинъ. «Докладъ и заключительная рѣчь на 3-мъ Всерос. съѣздѣ Сов.	— —
Его же. «Пролетарская революція и ренегатъ Каутскій»	— —

Радекъ. «Анархисты и Совѣтская власть»	— 12
Бухаринъ. «Долой международныхъ разбойниковъ». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 40
Ленинъ. «Борьба за хлѣбъ». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 40
К. Цеткинъ. «Война за свободу и миръ въ Россіи»	— —
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Крестьяне и рабочіе въ русской революціи». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 40
Его же. «Составъ пролетаріата». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
К. Марксъ. «Либералы у власти». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «О коммунизмѣ»	— 70
Мархлевскій. «Что такое политическая экономія?»	— 75
Нашъ рабочій праздникъ 1 мая	— 20
Памяти К. Маркса. «Сборникъ статей». 2-е изд.	4 50
Д. Рязановъ. «Двѣ правды» (Марксизмъ и народничество). Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 90
Его же. «Обуховское дѣло». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 70
Его же. «19-е февраля». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 75
Его же. «К. Марксъ и русск. люди 40-хъ годовъ»	1 80
Ю. Стекловъ. «Черная сотня во Франціи». Разошлось. Печ. 2-е изд.	1 20
Его же. «Революція 1848 г. во Франціи»	1 20
Его же. «Прудонъ»	— 80
Его же. «Поль Лафаргъ», 2-е изд.	— 55
Его же. «Новѣйшее теченіе во французскомъ антисемитизмѣ».	1 —
Его же. «Интернаціоналъ», ч. I	4 80
Его же. «Интернаціоналъ», ч. II	2 25
Самойлова. «Современная безработица и борьба съ нею»	1 10
Ея же. «Продовольственный вопросъ и совѣтская власть».	— 90
Ея же. «Что дала Октябрьская революція рабочимъ и крестьянамъ». I изданіе	— 50
II изданіе	1 20
Троцкій. «Трудъ, дисциплина и порядокъ»	— 30
Его же. «Слово къ рабочимъ и крестьянамъ»	— 45
К. Цеткина. «За большевиковъ»	— 45
Ея же. «Женскій вопросъ, интеллиг. пролет. и соціал.»	— 70
*** «Міровая война», съ предисловіемъ Г. Зиновьева	1 10
Зиновьевъ. «Рѣчь о созданіи красной арміи». 2-е изд.	— 25
Илья Іоновъ. «Алое поле». Стихотворенія. 2-е изд.	— 65
А. Бебель. «Изъ моей жизни». Мемуары, т. I	4 20
Басовъ-Верхоянецъ. «Вѣнокъ». Сказки	2 50
Горичевъ. «Таблица исчисленія заработной платы отъ 150 до 1000 р. при 6- и 8-час. рабочемъ днѣ	2 50
Степановъ. «Жанъ-Поль Маратъ»	— 40
Рязановъ. «Г. В. Плехановъ и группа Освобожд. труда»	— 90

К. Марксъ. «Наёмный трудъ и капиталъ»	— 40
Г. Зиновьевъ. «О мятежѣ лѣвыхъ эсъ-эровъ»	— 60
Его же. «Соціализмъ и война»	— —
К. Каутскій. «Этика»	2 25
В. Либкнехтъ. «Воспоминанія о Марксѣ»	— —
Либкнехтъ. «Два міра»	1 60
Л. В—икъ. «Уголокъ нѣмецкой оккупаціи»	— 50
Зиновьевъ. «Чехо-словаки, бѣлогвардейцы и рабочій классъ»	— 35
Кій. «Что такое соціализмъ». 2-ое исправленное изданіе	— —
Его-же. «Республика Совѣтовъ». 4-ое исправленное и дополненное изданіе	— —
«Декреты о судѣ»	1 50
Коллонтай. «Работница-мать»	— 35
Декавъ. «Фленго». Разсказъ изъ времен. Коммуны 71 г.	— 25
Лафаргъ. «Происхожденіе религіозныхъ вѣрованій»	— 60
Его же. «Благотворительность и право на трудъ»	— 60
Его-же. «Мифъ о непорочномъ зачатіи»	— 30
Бернаръ Лазаръ. «Антисемитизмъ и революція»	— 70
М. Горькій. «Макаръ Чудра»	— 60
Ник. Ріоновъ. «Какъ совершать записи рожденій, брака, развода, внѣбрачныхъ дѣтей и установленіе отцовства у народныхъ нотаріусовъ	— 75
Жоресъ. «Миръ и пролетаріатъ»	— 45
Мирбо. «Жанъ и Мадлена». Драма	1 50
Барбюссъ. «Въ огнѣ». Дневникъ полувзвода. Перев. Ардонина	3 50
Баксъ. «Великая французская революція»	— —
Бухаринъ. «Программа коммунистовъ»	— 75
Его-же. «Классовая борьба и революція въ Россіи	1 80
А. Бебель. «Христіанство и соціализмъ»	— 50
Конколь. «Коммуна 71 г.»	— 40
Богдановъ. «Красная звѣзда»	2 60
Б. П. Королькевичъ. «Финансовые и экономическіе законы и мѣропріятія Германіи противъ державъ Согласія за время нынѣшней войны»	— 35
В. Князевъ. «Красные звоны и пѣсни»	2 50
Логиновъ. «На стражѣ». Стихотворенія. Сатира	— 90
Тюрланъ. «Парижская Коммуна»	— 90
Раковскій. «Соціалисты и война»	1 —
Баксъ. «Парижская Коммуна».	1 75
Гауптманъ. «Ткачи»	1 50
Оларъ. «Политич. исторія Франц. революціи»	13 —
С. Срединскій. «Основы газетнаго дѣла»	2 30
Каутскій. «Томасъ Моръ и его утопія»	4 —
Лилина. «Что дала революція народу»	— 35

Конституція Советской Республики	— 40
Быстрянскій. Имперіализмъ	— 35
Бебель. «Мемуары» въ 3-хъ томахъ.	— —
Т. Моръ. «Утопія»	3 60
Эйснеръ. «В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность».	1 30
В. Мещеряковъ. «Деревенская бѣднота и путь къ соціализму»	— 40
А. Тунъ. «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи»	4 80
Зиновьевъ. «Н. Ленинъ. Жизнь и дѣятельность»	1 20
Ромэнъ Ролланъ. «Сердце Франціи», т. VII	2 25
Его же. «Ярмарка на площади»	— —
Его же. «Заря»	— —
Его же. «Въ сторонѣ отъ схватки»	2 60
Керженцевъ. «Какъ вести собраніе»	— 70
Луначарскій. «Комедіи»	2 60
Томасъ Кампанэлла. «Государство—солнце»	2 15
Татьяна Майская. «Полустанки»	— —
В. Князевъ. «Красное Евангеліе»	1 20
Ясинскій. «Воскреснувшіе сны», стихи	1 50
Клюевъ. «Мѣдный китъ», стихи	2 40
Ф. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и соціализмъ» (Анти-Дюрингъ).	5 80

Печатаются:

Н. Ленинъ. «Заключительное слово на 4-мъ съѣздѣ совдеповъ».
Его же. «За 12 лѣтъ». Сборникъ статей.
К. Каутскій. «Сборникъ статей».
Лиссагаре. «Исторія Парижской Коммуны».
Литературный сборникъ, посвящен. памяти Г. В. Плеханова.
Бебель. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ».
Арну. «Народная исторія Парижской Коммуны».
В. Блосъ. «Исторія французской революціи».
В. Либкнехтъ. «Къ юбилею мартовской революціи».
П. Лафаргъ. «Трудъ и капиталъ».
Куновъ. «Французская пресса во время Француз. революціи».
В. Моррисъ. «Вѣсти ниоткуда» (Утопія).
Элемиръ Буржа. «На плахѣ». Романъ изъ врем. Франц. революц. Съ иллюстрац.
Арну. «Мертвецы Коммуны».
Дикштейнъ. «Кто чѣмъ живетъ».
Керженцевъ. «Республика молодежи».
Его же. «Борьба за землю и волю въ Ирландіи».
Лафаргъ. «Патріотизмъ буржуазіи».
Луначарскій. «Развитіе Интернаціонала».

Троцкій. «Жанъ Жоресъ».
Луначарскій. «Кратк. очеркъ развитія человѣч. культуры».
Его же. «Краткій очеркъ основъ научной эстетики».
Зго же. «Королевскій брадобрей» (Власть), пьеса.
Диновьевъ. «Война и кризисъ соціализма».
Емельянъ Бѣдный. «Земля обѣтованная».
Его же. «Въ огненномъ кольцѣ».
Мерингъ. «Біографія Энгельса».

Готовятся къ печати:

С. Мендельсонъ. «Парижская коммуна 18-го марта».
Шарль Андлеръ. «Введеніе и комментарій къ Коммунистическому манифесту».
Генрихъ Манъ. «Мадамъ Легро», драма въ 3-хъ дѣйств. (изъ временъ Французской революціи).
Жюль Гэдъ. «На стражѣ», сборникъ политическихъ статей.
Францъ Мерингъ. «К. Марксъ въ изгнаніи».
Юніусъ. «Кризисъ соціалъ-демократіи», съ предисл. Н. Ленина.
Павловичъ. «Смерть Жореса».
Леви-Брюль. «Нѣсколько страницъ изъ жизни Жореса».
Джіованіолли. «Спартакъ» (полный переводъ).
Эркманъ-Шатріанъ. «Исторія одного крестьянина», полный переводъ Богдановича.
Мишель. «Коммуна».
Бюхнеръ. «Смерть Дантона».
Дицгенъ. «Религія соціалъ-демократіи».
Саймондсъ. «Соціальныя силы въ исторіи».

Пѣсни коммуны. (Съ иллюстраціями):

В. Володарскій. «Рѣчи».
Ромэнъ Ролланъ. «Жанъ Кристофъ». Съ предисловіемъ Луначарскаго.

Серія утопическихъ романовъ:

Беллами. «Черезъ 100 лѣтъ».
Его же. «Равенство».

Художественныя картины:

У вратъ соціализма. Свѣточъ соціализма по 1 р. 50 к.
Портреты: Ленина, Троцкаго, Зиновьева, Луначарскаго, К. Маркса.

Заказы выполняются по полученіи задатка. Организаціямъ и обществен. учрежденіямъ скидка.

Цѣна 2 р. 60 к.

Первая Государственная Типографія. Гатчинская, 26.